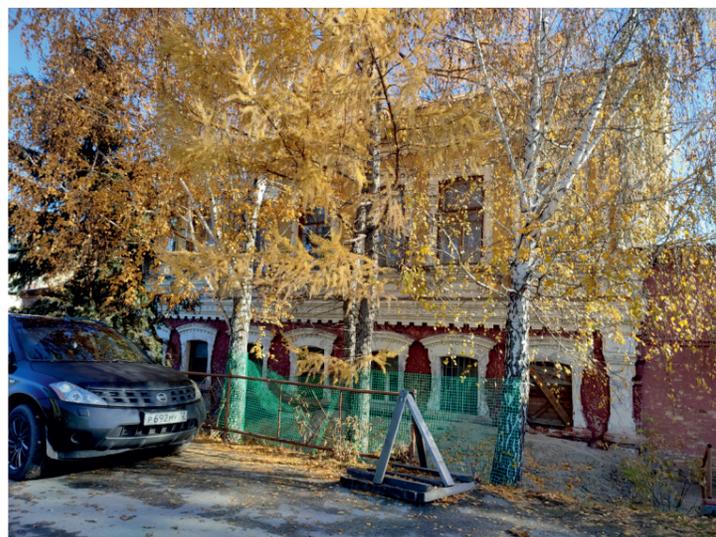

СИБИРСКИЙ СБОРНИК
Выпуск 6

Заседание Круглого стола в Тюмени по обсуждению проекта концептуального эскиза Музейно-просветительского центра «Чимги-Тура» и Музея истории и этнографии сибирских татар. 13 октября 2021 г.

Тюмень. Ул. Береговая, 19. Здание реставрируется для размещения Музейно-просветительского центра «Чимги-Тура»

Рабочая группа по созданию Музейно-просветительского центра «Чимги-Тура». В здании будущего музея. 13 октября 2021 г.

Обсуждение проекта создания Музея истории и этнографии сибирских татар в г. Тобольске. Заседание Общественного совета г. Тобольска. 15 октября 2021 г.

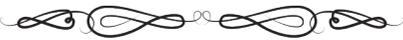

Тобольск. Ул. Пушкина, 33. В этом здании предлагается разместить Музей истории и этнографии сибирских татар

Заседание Круглого стола в Тобольске. Обсуждение проекта концептуального эскиза Музейно-просветительских центров «Чимги-Тура», «Искер» и Музея истории и этнографии сибирских татар. 14 октября 2021 г.

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБУН «Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН»
Национально-культурная автономия
сибирских татар г. Тобольска
Центр по изучению историко-культурного
наследия сибирских татар**

Сибирский сборник
Выпуск 6

2021

ББК 63.4(253):63.3

УДК 902(092):94(571=512.1)

С34

Редколлегия: З. А. Тычинских, кандидат исторических наук (главный редактор); Н. П. Турова; Е. П. Загваздин; П. Г. Данилов; А. А. Адамов, кандидат исторических наук

Рецензенты: Д. М. Исаков, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Туган жир» / «Родной край»; Р. Г. Буканова, доктор исторических наук, профессор Уфимского юридического института МВД РФ; С. Р. Муратова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания ТПИ имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

С34

Сибирский сборник : сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 6. – Тобольск : Тобольская типография, 2021. – 234 с. 26 : ил.

ISBN 978_5_6046291_4_7

В 6-м выпуске «Сибирского сборника» представлены статьи исследователей по различным проблемам истории, археологии, этнологии и литературы, освещающие проблемы сибирской тюркологии, истории города Тобольска и развития музейного дела. Особое внимание в выпуске уделено средневековому периоду Западной Сибири.

Сборник предназначен для исследователей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек и всех интересующихся историей Западной Сибири.

ББК 63.4(253):63.3

УДК 902(092):94(571=512.1)

© Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, 2021

© Оформление. ООО «Тобольская типография», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вртанесян Г. С.</i> О СЕМАНТИКЕ «БОЕВЫХ» КАМЕННЫХ ТОПОРОВ-МОЛОТОВ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ: АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ.....	4
<i>Зыков А. П.</i> ТЕХНОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ СИБИРСКИХ ТАТАР В XIII–XVIII ВВ.....	37
<i>Ермолов Ф. В., Рева Р. Ю., Леонов Б. И.</i> О ПРАВИТЕЛЯХ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА С ИМЕНЕМ «ПУЛАД». МОНЕТЫ ПУЛАД-ХОДЖИ.....	60
<i>Адамов А. А., Турова Н. П.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2019 ГОДА НА ГОРОДИЩЕ ИСКЕР.....	89
<i>Исхаков Д. М.</i> ПОНЯТИЯ «АК УРДА», «БУЗ (БОЗ) УРДА» И «АЛТЫН УРДА» В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»: НА ПУТИ К ОСМЫСЛЕНИЮ ИХ СОДЕРЖАНИЯ (ЧАСТЬ III).....	101
<i>Загваздин Е. П.</i> НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОБЛИКУ ГОСТИНОГО ДВОРА 1720-Х ГГ. В ТРУДЕ В. И. КОЧЕДАМОВА «ТОБОЛЬСК. КАК РОС И СТРОИЛСЯ ГОРОД».....	114
<i>Валитов А. А., Федотова Д. Ю.</i> ЖЕРТВОВАТЕЛИ ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ XIX – НАЧАЛА XX В.....	127
<i>Проконьев Н. Я., Колунин Е. Т., Митасов Д. И., Гуртовой Е. С.</i> ПОКАЗАТЕЛИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ ТАТАРСКИХ И РУССКИХ МАЛЬЧИКОВ ПЕРИОДА ВТОРОГО ДЕТСТВА И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ, С ПОЗИЦИЙ «ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ».....	133
<i>Солодова Т. И.</i> КРАТКИЙ ОБЗОР ТОБОЛЬСКОЙ СИБИРСКО-ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	143
<i>Бижанова М. Р.</i> ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ Р. З. ЯНГУЗИНА БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	160
<i>Тычинских З. А., Исхаков Д. М., Адамов А. А., Зиннатуллина Г. И.</i> ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЙНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ «ЧИМГИ-ТУРА», «ИСКЕР» И МУЗЕЯ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКИХ ТАТАР В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЭСКИЗ).....	171

УДК 903.225

О СЕМАНТИКЕ «БОЕВЫХ» КАМЕННЫХ ТОПОРОВ-МОЛОТОВ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ: АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Г. С. Вртанесян

*Россия, Москва, Центр изучения религий,
Российский государственный гуманитарный университет*

Статья посвящена исследованию назначения и семантики, так называемых, «боевых» сверленных каменных топоров-молотов (СКТМ) эпохи ранней и средней бронзы Евразии. Анализ изделий (морфология, материалы, декор и др.) показывает, что основное назначение СКТМ вычурных форм – выполнение ритуальных функций, и, в первую очередь, связанных со счетом и учетом календарного времени. Декор на статусных изделиях этого типа (на примере топоров-молотов из троянской коллекции L и др.) имеет явно выраженный календарный характер. С учетом особенностей расположения СКТМ в погребениях, высказано предположение об их роли в погребальном ритуале, как пропуске в инобытие. Показано бытование мифологемы топоров-молотов (ТМ) у носителей андронидных культур Нижнего Прииртышья (жертвенное место Лучкино-1) в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: «боевой» сверленный каменный топор-молот, Бог грозы, счетные элементы.

ON THE SEMANTICS OF “COMBAT” STONE AXES OF THE EARLY AND MIDDLE BRONZE: ANALYSIS AND RECONSTRUCTION

Investigated the purpose and semantics of the so-called “combat” drilled stone axes-hammers (DSAH) of the Early and Middle Bronze Age of Eurasia are. The analysis of products (morphology, materials,

decor, etc.) shows that the main purpose of SKTM is fancy forms, performing ritual functions, and first of all, related to counting and taking into account calendar time. The decor on status products of this type (for example, axes-hammers from the Trojan collection L, etc.) has a pronounced calendar character. Taking into account the peculiarities of the location of DSAH in burials, suggested that they play a role in the funeral ritual, as a pass to another existence. Shown the existence of the TM mythologeme among the carriers of the andronoid cultures of the Lower Irtysh region (the sacrificial place of Luchkino -1) in the Late Bronze Age.

Keywords: «combat» drilled stone axe-hammer, God of Thunderstorms, counting elements.

Введение

В основу настоящей работы легли два факта. Первый, – Западная Сибирь является восточной границей распространения таких знаковых символов эпохи ранней и средней бронзы Западной Евразии, как сверленные каменные топоры-молоты (СКТМ) [73, с. 6–8]. Известно, что на границах ареалов культур, социумов, экосистем дольше всего сохраняются реликтовые формы явлений, символов, биологических организмов и т. д. Второй, – находка глиняной «модели неизвестного инструмента» и головок медведя, выполненных в силуэтном стиле, на памятнике эпохи поздней бронзы Лучкино-1 (жертвенное место, низовья Иртыша, 100 км севернее Тобольска) [17, с. 95, рис. 1-2, 3, 4, 96]. Чтобы найти мотивированную связь между ними, необходим краткий экскурс в историю генезиса и назначения СКТМ разных типов (в т. ч. и зооморфных), декора и цвета СКТМ и разработка модели семантики СКТМ. Частично это было сделано ранее [14, с. 6–13].

Население среднего и нижнего течения Иртыша (предтаежное Тоболо-Иртышье) в указанный период занимало контактную зону между таежной и лесостепной зонами. Определяющую роль в формировании культурного облика населения региона во второй половине II тыс. до н. э. сыграла

андроновская культура. Период средней бронзы (XVII–XIV вв. до н. э.) исследователи относят к доандроновской эпохе, а группы населения, относящиеся к андроновской культурно-исторической общности, фиксируются в регионе лишь в XIV в. до н. э. Освоение южно-таежных районов населением «андроноидной общности» [35, с. 282–286] с последующим становлением производящей экономики, привело к интенсивному обмену изделиями, и, конечно, идеями. Появление в регионе глиняных моделей металлических предметов в сопровождении зооморфной пластики считалось признаком сакрализации металла [34, с. 143].

Следует отметить, по меньшей мере, два обстоятельства. «Андроидность» того или иного памятника, в силу отсутствия бронзы, обычно определялась по форме и декору керамики (см. напр. [17, с. 96–99]), при том, что семантика формы и, особенно, декора, оставалась, как правило, вне интересов исследователей, и сводилась к сопоставлениям тех или иных особенностей орнаментальных мотивов на различных памятниках. Это относится и к основополагающим работам по андроновской культуре (см. напр. [41]). Второе, в андроновской культуре практически не известны топоры-молоты. При этом на некоторых памятниках срубной культуры, которая не только по хозяйственно-культурному типу была близка к андроновской, но была родственна и по происхождению (см. напр. [84, р. 4457]), известны находки СКТМ, причем самых разных форм (см. напр. [42, с. 335–347]).

Краткая история вопроса

В настоящее время общее число находок СКТМ в погребениях, кладах или вне их только на территории Западной Евразии приближаются к 10 тысячам. Западная граница находок – Пиренеи, восточная – Западная Сибирь [73, с. 6–11]. СКТМ традиционно рассматриваются как боевое оружие (см. напр. [10; 78; 89]), хотя высказывались достаточно обоснованные сомнения по этому поводу (см. напр. [21, с. 240; 73, с. 7, 8; 79, р. 51–54]). Но, с теми или иными оговорками, это делается и поныне (см. напр. [67, с. 29, 33]). Рассматривалась также возможность их

использования в качестве парадного оружия, символов власти или ритуального атрибута (см. напр. [39, с. 28; 50, с. 168; 74, с. 68; 78, с. 10–14]).

СКТМ датируются IV–I тыс. до н. э. и найдены в Европе (до Пиренеев), Малой Азии, Северной и Средней Месопотамии, Северном Кавказе, Иране в погребениях, кладах или вне их. Особый интерес в этом плане представляет территория Волго-Камья, где к концу первой половины XX в. их насчитывалось несколько сотен [24, с. 170]. Единичные экземпляры СКТМ появляются уже в начале IV тыс. до н. э. [51, с. 230, 236; 50, с. 165–167], а массовое появление их в западной, центральной и северо-восточной Европе связывается с экспансией культур боевых топоров (КБТ) конца III – начала II тыс. до н. э. (см. напр. [9, с. 14–16; 36, с. 208]).

Основная часть западносибирских СКТМ – случайные находки [30, с. 34–35]. Появление их на юге Западной Сибири считается свидетельством связей в конце III – начале II тыс. до н. э. с Нижним Поволжьем, где проходила восточная граница катакомбной культуры [44, с. 167]. Первые образцы каменных сверленных топоров-молотов из Западной Сибири, по-видимому, из коллекции Г. И. Спасского [71, с. 7–9, № 121–125]. Шлифованный диоритовый СКТМ клиновидного типа (дл. 15 см, случайная находка в щели скалы на г. Безымянной), имел обух квадратного сечения (4x4 см) и полированную сверлину диаметром 2,7 см. Там же были найдены и грубо выделанные не сверленные каменные молоты больших размеров (дл. 22–24 см), безусловно, более чем отвечающие представлению о рабочих СКТМ. Кроме описанных, известен еще диоритовый топор-молот из Усть-Канска. Длина топора 13 см, максимальная ширина 9 см [20, с. 167, рис. 3–4]. СКТМ с верховья р. Томь имел клиновидную форму. Длина 11,2 см, ширина 5,6 см и диаметр сверлины – 2,6 см [77, с. 245, рис. 1]. Описание остальных находок в сводке из работы Ю. Ф. Кирюшина [30, с. 19, 20].

В работе Э. Кайзер СКТМ и булавы рассматривались, скорее, как символы высокого социального положения [28, с. 117].

Расхождение реальной и декларируемой функции изделия (и его семантику) может выявить комплексный анализ морфологии, материалов, цвета, декора и других характеристик СКТМ.

Конструктивные особенности СКТМ

Основное назначение топора – разрубание и/или раскалывание, а молота – дробление. Эффективность рубящего инструмента определяют форма, размер, масса и материал. Каменными ручными рубилами, массой 150-800 гр. (оптимум 650 гр.), за 16-26 минут перерубались стволы различных пород дерева толщиной 8-10 см [49, с. 259–261]. Сочетание рубила с ручкой существенно повышает его эффективность [63, с. 89]. Закрепить рубило к ручке без сверления камня возможно промежуточной костяной муфтой с насадкой сверленной муфты на деревянную ручку или установкой плоского рубила в деревянную развилку, рогатку или прорезь в деревянной ручке. Закрепление рубила с вышлифованным поперечным желобком на деревянную ручку обеспечивает достаточную надежность при использовании кожаных ремней или клея [63, с. 48–63; 78, р. 151-163]. Подобные конструкции с разными формами каменного острия аборигены Северной Америки, Австралии, Новой Гвинеи и др. использовали ещё в XIX–XX вв. (см. напр. [78, р. 151–163; 92, р.13]).

В работах И. Иверсен, С. А. Семенова [82, р. 36-40; 63, с. 88–90] было показано, что сильные («подрубные») удары приводили к затуплению лезвия и затем разрушению топора. Эффективное применение каменного топора при рубке леса и обработке дерева возможно, лишь используя особую технику рубки – частые, но не сильные удары. В работе Г. С. Вртанесяна [14, с. 10–13] на основе анализа названий каменного топора (др.-греч, средне-авестийский, восточно-иранские, русский, армянский, ненецкий, кетский, юкагирский и др.), показано, что работа каменным топором означала, в первую очередь, не рубку, а теску (расщепление), подтверждая мнение Д. А. Крайнова, считавшего, что первоначальной функцией каменного клиновидного топора была не рубка, а расщепление (теска) [36, с. 67].

Перечисленные варианты крепления рубила к ручке (без сверления) позволяют более или менее успешно реализовывать основные функции каменного изделия (несильный удар в сочетании с теской), имея при этом, как минимум, один общий недостаток – использование быстро истираемых кожаных ремней [63, с. 42]. Трудно себе представить использование «боевого» оружия подобным образом.

Этого недостатка (казалось бы) лишен другой способ крепления – с насадкой сверленого каменного рубила на деревянную ручку. Однако сверленные рабочие (диоритовые) молоты почти всегда были привязаны к ручке кожаными ремнями (см. напр. [71, с. 7, № 113]).

Использование ТМ как оружия и орудия предполагает существование двух типов – боевых и хозяйственных. Наиболее распространенный (и, видимо, древний) тип СКТМ – клиновидные [3, с. 49; 10, с. 24, 73; 36, с. 41; 50, с. 164; 89, р. 206]. В Эзеро (Болгария) найдено 195 СКТМ по всем строительным горизонтам, и наиболее древние типы СКТМ это треугольные (тип 2с) и клиновидные (тип 3а) по Н. Я. Мерперт [50, с. 164, 165]. Клиновидные ТМ имеют две особенности формы: скругленные боковые грани изделия и максимальная ширина тулова ТМ у сверлины. Последнее компенсирует естественное снижение прочности изделия из-за наличия отверстия. Вертикальное же сечение (по сверлине) изделий этих типов (2с и 3а) имеет форму симметричного овала [50, с. 164, 165, рис. 1]. Число этих топоров-молотов, как правило, превышало две трети от общего числа находок, как по отдельным строительным горизонтам, так и в целом по поселению.

Древность клиновых СКТМ подтверждают находки с других памятников ранней бронзы. Это Алишар Хьюнок (хальколит, Турция, Анатолия, д. Алишар) [90, р. 64, fig.73-b388, b51, b563, b1667, b1727, b2279; 88, р.82, fig.90; р. 85, fig.90, e1825]. В среднеднепровской культуре, наряду с кремневыми плоскими клиновидными, найдены топоры подтреугольной формы для обработки дерева с лезвием, оформленным сколами или имевшим

полировку по лезвию. В это же время (III тыс. до н. э.) появляются и сверленные каменные шлифованные клиновидные топоры [4, с. 38–45]. В культуре Бюкк (Венгрия, алфелдский вариант культур линейно-ленточной керамики), наряду с полностью отшлифованными сверлеными ТМ (тип 8, крестовидный – по Брюсову и Зиминной [10, с. 27,73]), встречались клиновые рабочие топоры-молоты, у которых было отполировано только лезвие [5, с. 73, табл. 10]. То есть рабочие сверленные каменные топоры имеют, в основном, клиновидную форму, грубо обработаны, имеют большой диаметр сверлины и полировку только лезвия.

В Эзеро была также выделена относительно небольшая (около 21%) группа топоров-молотов, названных «боевыми» топорами. Основанием для этого послужили их «вычурная форма», полировка и факт обнаружения глиняных моделей этих типов (типы 5, 8, 11 и 12) [50, с. 165]. Полировку только лезвия (функционально необходимого) можно полагать признаком использования СКТМ как орудия, полировка же изделия целиком (функционально излишнего) – скорее, признак его использования для других (ритуальных?) целей.

Эргономичность изделия обеспечивается правильным подбором как СКТМ, так и ручкой. Ее форма и размеры зависят от массы топора и способа крепления. Сформулируем требования к ручке сверленного «боевого» или рабочего топора. Масса боевых стальных топоров скифского времени (I тыс. до н. э.) была около 260 гр., рабочих (разные модификации клиновых) 860-1200 гр. [76, с. 59]. Ручка обычного стального топора или молотка массой не более 800 гр. имеет сечение подпрямоугольной формы (со скругленными углами) и средние размеры примерно 20-25 x 30-40 мм, с площадью сечения около 6-7 кв. см. Такая ручка выдерживает без разрушения удары, от которых разрушится и «боевой», и, даже, рабочий СКТМ. Поэтому для него ручка такой толщины не нужна. Для рубки деревьев и обработки дерева вполне подходит ручка диаметром 1,7-2,5 см при использовании СКТМ небольшой массы. Для мотыг с роговыми муфтами, используемых при обработке земли, диаметр деревянной ручки составлял 3,0 см [46,

с.112, рис. 3-3]. Площадь сечения такой ручки и ее прочность вполне сравнимы с ручками современных топоров и молотков. Поэтому применение СКТМ (или булавы) в бою с ручкой диаметром 1,7-2,0 см (или менее) маловероятно, он должен быть не меньше на 2,5-3,0 см. Примерно те же параметры приводятся для ручек стальных боевых (диам. 2,5-3 см) и рабочих (диам. 3-4,5 см) топоров. Было показано, что важнейший признак боевых секир не форма, а размер и вес. У боевых – это 250-300 гр., рабочих 600-800 гр., причем эффективный удар оружием такого веса обеспечивался ручкой длиной около 80 см [29, с. 26]. На стеле царя Ур-Намму (XXII–XXI вв. до н. э.) длина ручки плотницкого топора в правой руке царя составляет не менее трех локтей [1, с. 172, рис. 49]. Поэтому СКТМ (или каменные булавы) с диаметром сверлины менее 2,5 см, длиной ручки менее 40-50 см («локоть») и массой более 300 гр. для боевого применения мало или вовсе не пригодны.

Морфология СКТМ

Главное требование к «боевому» (и, в ещё большей степени, рабочему) СКТМ – высокая ударная прочность, позволяющая многократно его использовать без разрушения. Наиболее распространенная форма СКТМ – это лезвие и обух, соединенные переходной частью в виде «бочонка» (см. напр. [50, с. 164; 43, с. 150 сл]) (рис. 2-3, 4, 5). Обосновать такую форму переходной зоны необходимостью увеличения ударной прочности в самом слабом сечении ТМ (сверлина) невозможно. Самый действенный и экономный (по трудозатратам) способ повышения ударной прочности СКТМ – простое увеличение толщины изделия в опасном сечении, что мы и видим на клиновидных ТМ (типы 1-3 по [50, с. 164–167], тип 1-2 по [10, с. 73] и т. д. (рис. 1-1).

У «боевых» СКТМ отношение ширины (максимальной) к длине находится в пределах 0,28-0,61, у рабочих (клиновых) 0,3-0,67. При этом длина «боевого» СКТМ (ладьевидные) составляет 7,9-18,5 см, рабочего (клиновидного) 14,2-30,5 см [89, с. 201]. Примерно те же соотношения характеризуют СКТМ, найденные на памятниках фатьяновской культуры [36, с. 41], Южной Сибири [77, с. 245, рис. 1-1; 30, рис. 27-1, 28-1]. Элемент «переходник»

в виде бочонка/втулки появляется только у «боевых» СКТМ (полировка, вычурные формы и т. д.).

По имеющимся данным [89, с. 201] минимальный диаметр сверлины на «боевых» СКТМ составлял 1,3-2,8 см, на рабочих 2,1-4,6 см. При этом ширина изделия у сверлины составляла 3,1-7,6 см (боевые) и 7,6-14,2 см (рабочие) соответственно. Таким образом, минимальная толщина стенки у сверлины для «боевых» могла быть 0,7-2,8 см, у рабочих 2,6-4,9 см. Трудно допустить многократное применение по прямому назначению без разрушения изделий с толщиной стенки у сверлины менее сантиметра. Видимо, поэтому основная часть находок сломанных СКТМ разбиты именно в месте нахождения сверлины [47, с. 36; 10, с. 73, табл. 10-1; 62, с. 163, 165, 166, 168, 170, 172, 173; 52, с. 90; 15, с. 156, рис. 9-23, 24; 88, fig. 90] и др.

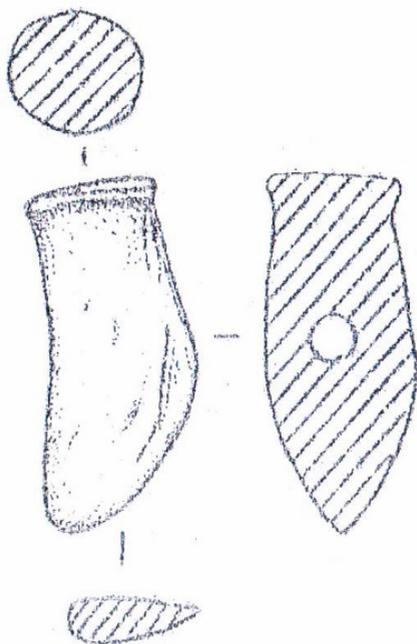

Рис. 1-1. Глиняная модель топора-молота из Лучкино-1

Появление на боковых гранях переходной зоны на некоторых типах СКТМ выступов треугольного или полуовального сечения («плечики»), соединяющих спинку и брюшко и расположенных параллельно оси сверлины, известно в северокавказской культуре (по К. Х. Кушнаревой [43, рис. 13-41]), ингульской катакомбной культуре [74, с. 65, рис. 5-4] (рис. 1-2, 4). Они имеются на топорах типа 11 из наиболее древних слоев поселения Эзеро [50, с. 167], на глиняной модели из Телль Укайра [86, pl. 18, fig. 5], типах D, E по Глобу (цит. по [10, с. 77]). Эти треугольные выступы иногда переходят в уступы и ТМ (в плане) трансформируется в «утюг» с приставленным к нему «обухом-молотом», превращаясь в тип «обушковый» (подтип Б) по [39, с. 41; 19, с. 127; 10, с. 73, табл. 10; 22, с. 178, 179]. «Плечиков» нет на СКТМ с британских островов и «ладьевидных» топорах [89, с. 206, 209, 211], фатьяновской и балановской культур, основной части катакомбных [62, с. 161–170], раннего и среднего этапов среднеднепровской и всех вариантах подкарпатской культур [10, табл. 12; 4, с. 35–41; 167–171]. Визуальное выделение этой переходной зоны (втулки), в которой собственно и находится сверлина, достигается иногда нанесением цветных маркеров, например, кругового ободка черного цвета на глиняную модель, выкрашенную в зеленый цвет (Телль Укайр) [86, pl. 18–5].

Другой тип разделительного элемента – это выступ на спинке СКТМ («хорда» по определению В. А. Городцова [18, с. 11–12]), «протянутый» от острия до обуха, или нервюра (по Д. А. Крайнову [36, с. 62]). Он имеется и на СКТМ из Саратовского музея [55, с. 275]. Появление их иногда трактовалось как имитация литейного шва, что породило тезис о происхождении СКТМ от металлических [63, с. 78] (см. антитезу в [36, с. 61]). Иногда этот выступ заменяет продольный узкий желобок на спинке ТМ (бессарабский клад, №№ 3, 4) [38, с. 15 сл.]. Известны СКТМ, у которых есть и продольный выступ на спинке, и V-образная развилка на брюшке с началом (острием) у сверлины и завершением на обушке (Триполье, софиевские комплексы [22, с. 329, рис. 112-21]).

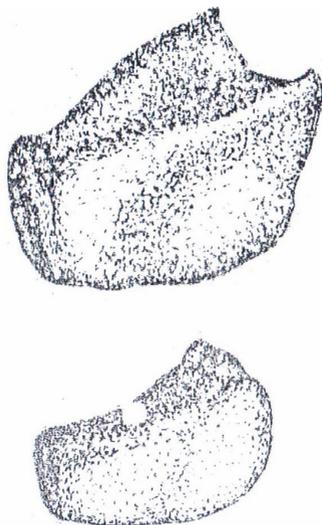

Рис. 1-2. Силуэтные изображения головок медведей из Лучкино-1

Эти элементы (втулка-переходник, «ребра жесткости», «плечики», хорда и др.) – источник бесполезных трудозатрат, ни в коей мере не повышающих ударной прочности изделия. Известно, что на материалах поликристаллической структуры, коими являются природные камни, любые острые грани являются накопителями и концентраторами напряжений, именно к ним мигрируют и скапливаются на них дефекты структуры (дислокации, гидроксилы и т. д.). Это приводит к образованию микротрещин [12, с. 285, 388 сл.], снижая ударную прочность изделия в целом, и, в итоге, к разрушению даже при относительно небольших ударных нагрузках.

Размеры

В фатьяновских погребениях основные размеры СКТМ во взрослых погребениях составляли 10-16 см, в детских (глиняные модели) 7-8,6 см [37, с. 30]. Вычурные, богато декорированные СКТМ катакомбной КИО имели размеры 9x4 см (кург. 5, погр. 2,

XVIII–XVII вв. до н. э. [53, с. 62, рис.7-4]. Длина «боевых» СКТМ с Британских островов была в пределах 7,9-18,5 см [89, с. 201]. В северокавказской КИО размеры топориков (змеевики) раннего периода до 9 см, позднего 16-17 см. Следов их использования в материальной сфере (орудие/оружие) не найдено [43, с. 282]. В поздних софиевских комплексах (позднее Триполье) найдены четыре СКТМ длиной около 9 см и один длиной 18,5 см (9х2) [22, с. 178–181, 191]. Эта мера (8-9 см) соответствует примерно ширине ладони на линии расположения оснований («костяшек») пальцев (иранское *asti*, см. [31, с. 59 сл]) взрослого мужчины. Этот или близкий размер, либо кратные им значения, реализованы в ТМ самых разных форм. В работе Г. М. Бурова [11, с. 120, рис. 9-1] описана двусторонняя сверленая «кирка» ромбической формы длиной 35 (9х4) см и максимальной шириной 4 см (у сверлины), при толщине около 1 см (Вычегда, с. Карчемье). Их вычурная форма и размеры дают основание причислить их к изделиям ритуального назначения.

Обушок

Рассматривая типы топоров-молотов в работах А. Я. Брюсова, М. П. Зиминной [10, с. 73–77], Д. А. Крайнова [36, с. 58, рис. 22-12, 13], В. И. Марковина [47, с. 99] и Н. Я. Мерперта (типы 9, 10, 11) [50, с. 165] и др., отметим особую форму обушка в форме «шляпки» гриба (фаллоподобность) у некоторых типов СКТМ. Полагать причиной появления этой формы топоров-молотов сугубо технические причины, например, оптимизацию процесса дробления, используя обушную часть (универсализация инструмента), нет видимых оснований. При этом некоторые типы СКТМ снабжены «вислым» обушком (северокавказская КИО) [47, с. 38], катакомбная [62, с. 173, рис. 9-6], езерская (тип 11) [50, с. 167, рис. 3] и др. Очевидно, что такая формы обуха не дает особого эффекта при дроблении, а для перетирания практичнее обычный каменный пест. Можно допускать, что фаллоподобная форма обуха является важным отличительным признаком каменных топоров-молотов, имеющих ритуальное назначение. Наиболее ранний тип СКТМ

обушковый коротко-лопастной (тип А1 по Глобу), и он присущ всем культурам боевых топоров [36, с. 59]. Именно разные вариации обушкового типа СКТМ устойчиво сохранялись в среднеднепровской культуре на протяжении почти 1000 лет [4, с. 38–41].

Лезвие

Не ясна и семантика формы лезвия у «боевых» СКТМ, имеющего форму растянутого полуовала (серп) (см. напр. [70, с. 150–152]). С. Н. Корневский показал, что наиболее эффективной и распространенной формой боевых топоров являлись различные варианты проушных вислообушных топоров с небольшой шириной лезвия (5-6 см) [33, с. 24–32]. У чекана вся сила удара сосредоточена в острие («птичий клюв»). Эти соображения вполне применимы и к СКТМ. Но многие типы «боевых» СКТМ имеют расширяющееся серповидное (полуовальное) лезвие. Это топоры-молоты из «клада L» (Троя), Бородинского клада [38, с. 15 сл.], СКТМ (змеевик) из Саратовского музея [55, с. 275], СКТМ из Кубани и Ставрополя [39, с. 55; 47, с. 36, рис. 7; 16, с. 18, рис. 4-3] (типы D, F по Глобу, тип А (1, 2, 3) по Олдебергу, тип В по Малмеру (см. в [10, с. 75, 77])). Кроме того, многие «боевые» СКТМ имеют затупленное лезвие [74, с. 65, рис. 5б; 62, с. 165, рис. 4-1, 3, 5; 173, рис. 9-4; 78, fig. 120, 126, 139, 141, 143; 69, с. 40, рис. 3-1, 3, 4], совершенно непригодное ни для тески, ни для рубки. Сравнивая ТМ фатьяновской и балановской культур, Д. А. Крайнов полагал, что последние служили, в первую очередь, для хозяйственных целей, так как «всегда наточены тщательно и чрезвычайно остро» [36, с. 67], тем самым исключая широкое лезвие (лопасть) для «боевого» применения.

Перегиб профиля

Некоторые типы СКТМ (типы D, E, F, G, H по Глобу; типы В, С1а, С1в, D1а, E1 по Мальмеру; А2, В, С1, С2, D1, E1, E2 по Олдебергу) (цит. по [10, с. 75, 77]), типы 10, 11 по Д. А. Крайнову [36, с. 39, рис. 14-22, 23] имеют еще одну характерную особенность формы. Она присуща также СКТМ из Прикубанья и Северного Кавказа [39, с. 55, рис. 8-6; 47, с. 36, рис. 7; 61, с. 175, рис. 5-5; 16,

с. 18, рис. 4-3; 55, с. 275], СКТМ раннего этапа среднеднепровской культуры [4, с. 167, рис. 11-17, 18, 19, 20] и др. Речь идет об изгибе, «переломе» профиля СКТМ, когда лезвие и обух образуют тупой угол, напоминая «шеvron» (уплощенная арка), её вершина (выпуклость), обычно находится на оси сверлёного отверстия (рис. 2-2). Особенно ярко она проявляется на СКТМ северокавказской культуры [47, с. 36, 38, 45, 99], из троянской коллекции, и слабее выражена на СКТМ катакомбной (донецкий вариант) культуры [62, рис. 3-1, рис. 5-3, 4, 5, 6]. Эта особенность формы в Британии присуща только редким СКТМ, считающихся импортом [89, р. 214, fig. 8B]. Она также отсутствует у СКТМ и их глиняных моделей, найденных в Эзеро [50, с. 165, 167], и на среднем и позднем этапах среднеднепровской культуры исчезает [4, с. 168, 169]. Её нет на первом этапе верхнеднепровской группы подкарпатской культуры, затем появляется на втором и снова исчезает на третьем [4, с. 170, 171]. Отметим также, что у фатьяновцев эта особенность формы чаще фиксировалась на глиняных моделях [37, с. 128, табл. 55–18, 20, 21], видимо, в силу облегченной возможности получения оптимальной формы ТМ в соответствии с требованиями мифоритуала, что было трудно реализовать в камне.

Полировка и декор

Что же касается состояния поверхности, то почти все СКТМ, причисляемые к «боевым», выделяются высоким качеством полировки всей (!) поверхности изделия, а не только лезвия, функционально необходимого [63, с. 79]. Отполированные СКТМ были, в основном, в богатых фатьяновских погребениях [36, с. 148]. Кроме того, на разных частях СКТМ вырезаны хорды, знаки, геометрические фигуры, рисунки и т. д. [36, с. 50; 47, с. 26; 62, с. 166–168; 70, с. 150–152; 69, с. 37; 74, с. 65] и др. Отметим, что на СКТМ декор в виде знаков («восьмерка»/бикон) наносился только на боковые грани переходника (рис. 2-3, 4, 5). Катакомбные СКТМ (известно всего 9 из ингульского варианта КИО) имели узор «колосок», который И. Н. Шарфутдинова считала основным, наделяя его символикой «дерева жизни»

[74, с. 67]. Заметим, что узор «колосок» использовался и для кругового декорирования обушка [8, с. 26, рис. 7], одновременно сочетаясь с орнаментом, включающим разные геометрические фигуры, расположенные, в первую очередь, на боковых гранях изделий [53, с. 62, рис. 7-4]. Если включить декор в число основных морфологических признаков (наряду с формой обушка, переходника и др.), то была бы ощутимая разница в составе инвентаря и статуса погребенного. Картографирование находок различных типов СКТМ, в т. ч. и орнаментированных, в катакомбных погребениях Украины, провела Е. Кайзер [83, karten 22, 23]. Оказалось, что определенной закономерности и концентрации их в некоторых районах не отмечается, в равной мере также нет отличий между памятниками с находками топоров с орнаментом и без них в разных районах [83, р. 174]. СКТМ из коллекции L (Троя) декорированы объемным орнаментом в виде полусфер на боковых сторонах переходной части («втулка») [70, с. 150–152].

Имитации

Если полагать, что основные функции СКТМ боевая и рабочая, то переход на новые материалы, медь и бронзу, должен был бы внести свои коррективы в морфологию топора. Однако наиболее древние образцы медных и, позднее, бронзовых топоров чаще всего имитировали исходные формы СКТМ. Такие характерные особенности формы СКТМ как утолщение у сверлины (совершенно избыточное для металлических топоров), вислый обушок, перегиб профиля или клиновидная форма, сохранились на образцах древнейших медных топоров [26, с. 136–137, рис. 1, 2; 40, с. 50, рис. 13]. Д. А. Крайнов полагал, что многие формы бронзовых топоров возникли в подражание каменным прототипам [36, с. 61]. В погребении 5 кургана 31 (ст. Новосвободная) найден СКТМ из змеевика длина которого 15,5 см, диаметр сверла 1,6 см вместе с его бронзовой копией [61, рис. 5.5]. Особенно показательным является появление медных массивных изделий в регионах, в которых находки СКТМ были редкостью. Медные массивные двусторонние ромбические медные топоры

(длина около 23 см, толщиной у проуха 6 см, Сузиана-I, энеолит, сер. IV тыс. до н.э.) [81, с. 318] в количестве 5 штук были найдены в храмовом комплексе на территории акрополя. Двусторонний медный топорик из Пуль-и-Хатун (Иран, XXII–XXI вв. до н. э., без заточки), имел массивные формы, «вислый» обушок и перегиб профиля (для медного топора совершенно лишний) [40, с. 50, рис. 13]. Эта тенденция сохранялась и в эпоху ранней бронзы: находка приереванского клада (с. Джрашен) с шестью бронзовыми коротко-обушными длинно-лопастными ТМ, со значительным утолщением у проуха (сверлины), и профилем в виде «арки» у основной части изделий. Новации отразились лишь на обушной части, которая приняла форму клевца [48, с. 124, рис. 47] (рис. 5). Бронзовый массивный двусторонний втульчатый подромбический топор был найден в Луристане (СБВ) [1, с. 119, рис. 27-12]. Особенный интерес представляет находка бронзового литого втульчатого двустороннего топора, являющегося копией каменного, на котором отлиты даже кожаные ремни крепления топора к ручке (клад Нахаль Мишмар, Палестина, сер. III тыс. до н. э.) [2, с. 40, рис. 2-14].

Характерные формы СКТМ сохранялись вплоть до эпохи железа (стальные топоры из Скифии) [76, с. 55, рис. 2-2,3], при этом топор на рис. 2-2 имел характерный перегиб профиля. Даже более поздние бронзовые длиннолопастные топоры имитировали обушок фаллической формы (культуры погребальных урн, Венгрия, поздняя бронза) [5, с. 53, рис. 31-23, 24]). Однако кроме меди и бронзы форму СКТМ чаще воспроизводили их глиняные копии. Если металлические копии вполне можно было рассматривать как орудия или оружие, то считать таковыми глиняные модели нет оснований (малые размеры и низкая прочность).

Глиняные модели топоров-молотов или топоров других форм (проушных, например) известны в целом ряде археологических культур. Одними из древнейших можно полагать, по-видимому, находки глиняных моделей в Телль Укайр (Сев. Месопотамия, IV тыс. до н. э., поздний Убейд) [86, pl. 18,

fig. 2, 5]. На них четко выделены выступы треугольного сечения, расположенные на боковых гранях, параллельно сверлине [86, pl.18, fig. 5]. Переходная зона (от лопасти к обуху) выполнена в виде «бочонка». Обе глиняные модели были окрашены в зеленый цвет. На одной из этих моделей участок, соответствующий переходной зоне, был выделен двумя кольцевыми полосками черного цвета. Достаточно древними являются глиняные модели топоров, найденные в Сузах (акрополь). Одна из них воспроизводит обычный проушной топор. Остальные две модели воспроизводят топоры-молоты с той лишь разницей, что их обушная часть завершается тремя шипами [87, p. 203, fig. 41-1, 2, 3]. На памятниках фатьяновской культуры глиняные модели встречены в детских захоронениях [6, с. 78, рис. 21-3; 7, с. 182; 36, с. 154 сл.; 37, табл. 35]. Отличительные особенности глиняных моделей в фатьяновских погребениях – малые размеры [37, с. 30].

Не останавливаясь пока на вопросах семантики формы глиняных моделей отметим, что их появление нельзя объяснить причинами сугубо материального характера, поскольку использовать их многократно по прямому («боевому») назначению нельзя. Можно допускать, что одной из причин их появления могла быть недоступность определенных пород камня (например, зеленого цвета), которые обеспечивали строгое соответствие требованиям ритуала или утеря навыков обработки камня. Если эти объяснения как-то и могут быть приняты для глиняных моделей из Телль Укаира, которые окрашены в зеленый цвет, то в Эзеро или могильниках фатьяновской культуры каменные топоры-молоты и их глиняные модели встречались в изохронных погребениях, и даже в одной могиле (мог. 73) [37, с. 129, табл. 35]. Отметим, что на поселении Эзеро в слоях 1-3 (наиболее поздних) нет ни глиняных моделей, ни самих ритуальных топоров (всего одна находка из общего числа 195 по всему поселению). При этом рабочие СКТМ продолжали встречаться вплоть до первого строительного горизонта [50, с. 165].

Место расположения

Число СКТМ, найденных *in situ*, на порядок меньше их

общего числа, и места их локализации в погребениях различных археологических культур не дают однозначного ответа об их применении, как боевых. Относительно подробно исследован вопрос для культур боевых топоров (Швеция) и фатьяновской, примерно изохронных. СКТМ клали в ранних погребениях с каждым мужчиной, иногда с женщинами и детьми. У мужчин они обнаружены рядом с головой (у лица или плеча), у юношей (глиняные модели) в ногах. В элитарных погребениях позднего периода они встречаются с медными топорами. Оружие в виде кремневых ножей находилось у пояса [36, с. 65, 66]. СКТМ находились, в первую очередь, перед лицом, реже у плеча [37, с. 31]. В культуре боевых топоров (Швеция) СКТМ в мужских захоронениях располагались вблизи головы, в северной части могилы [85, р. 71]). То есть СКТМ в культурах, относящихся к «культурам боевых топоров» (сотни погребений), чаще всего, находились в районе головы, не ниже плеча. Эта, не самая подробная сводка, дает основание полагать трактовку СКТМ как «боевого», спорной.

Изложенный материал, по мнению автора, позволяет сделать некоторые предварительные выводы. СКТМ и их глиняные модели из памятников эпохи позднего неолита, ранней и средней и средней бронзы обладают комплексом признаков, которые никак не связаны с их прямыми «боевыми» или хозяйственными функциями. Это:

1. Конструктивное выделение границы между лопастью-лезвием и молотом-обухом в виде: 1.1. Выступов треугольного сечения на боковых гранях. 1.2. Оформление переходной зоны в виде тела вращения («втулка» или «бочонок»). 1.3. Формование ребра-выступа (или наоборот, желобка) на верхней горизонтальной грани изделия, «протянутого» от лезвия к сверлине и продолжающегося в некоторых случаях далее к обуху.

2. Фаллоподобная («шляпка гриба») форма обуха.

3. Перегиб-перелом профиля топора-молота в месте расположения сверлины.

4. Существование глиняных моделей некоторых типов

СКТМ.

5. Высокое качество полировки всей поверхности изделия, а не только лезвия.

6. Очень малые или чрезмерно большие размеры топоров-молотов.

7. Нахождение «боевых» СКТМ у головы погребенных.

Цвет СКТМ

При изготовлении основной массы СКТМ предпочтение отдавалось породам камня, сочетающих различные оттенки зеленого цвета с пятнистой фактурой поверхности (диорит, жадеит, змеевик). Если использование диорита как-то объяснимо (высокие механические свойства), то низкая прочность змеевика никак не сочетается с его назначением как оружия ударного действия.

Кроме того, чтобы понять причину тщательной полировки «боевых» СКТМ (операции в целом функционально излишней, если полагать их основной функцией использование в качестве орудия или оружия), необходимо вспомнить о последствиях попадания разряда молнии в каменную породу или почву, итогом которого, почти всегда является образование фульгурита – «громового пальца», представляющего собой полую стекловидную трубочку, окруженную уплотненным грунтом. Появление зеленой окраски обусловлено практически повсеместным присутствием окислов железа в почве и камнях. Железо в них замещает, в основном, ионы магния, кальция или алюминия, окрашивая их в зеленый цвет после оплавления [57, с. 58–60]. Появление пятнистой структуры также объяснимо неоднородностью химического состава почвы.

Фульгуриты (громовые камни) были предметом поклонения многих народов Восточной Европы [27, с. 85–94, 148, 228], Сибири и Дальнего Востока. Селькупы называли их «с неба упавшая стрела» – *нопкгыны алчытыль тищия* [60, с. 108] или «плю» – чертов палец [54, с. 40–41]). «Агди сухенин» (негидальский), «агди сиварий» (нанайский) – букв. топор грома [65, с. 12], название каменных «стрел», которые находили у расколотых молнией деревьев.

Амурские нивхи каменные топоры называли «лый тух» – «топоры грома» [56, с. 4]. Громовые камни («сата»), образовавшиеся после попадания молнии в землю, якуты наделяли свойствами влияния на погоду [64, с. 644]. В японской мифологии «Ива цуцу - но-о-но ками химэ» – Бог каменного топора, возникший из крови убитого (!) бога Огня при «цуцу» – полая трубка [32, с. 399]. Это делает понятным выбор пород камня, имеющих различные оттенки зеленого цвета, и последующую полировку изделий с целью придания им блеска, присущего стекловидному состоянию. Можно полагать, что в основе идеи СКТМ и необходимости сверления камня (операции, для практических задач совершенно лишней) для насадки его на рукоятку, лежал «громовой палец» – фульгурит. В свете сказанного, СКТМ мог быть символом убитого (обездвиженный = камень) Бога Грозы, а будучи уложенным в могилу, играть роль некоего опознавательного знака, своего рода пропуска в иной мир – вариант эддической Вальхаллы.

Указанные выше особенности морфологии, цвета и декора присущи четырем СКТМ из коллекции L (Троя Пг, 2400-2200 лет до н. э., ГМИИ) найденным Г. Шлиманом. Их подробное описание (и библиография работ, им посвященным) есть в труде М. Ю. Трейстера [70, с. 150–152, 222–225], поэтому пока ограничимся тем, что имеет отношение к настоящей работе. Фактура использованных пород камня – жадеита, лазурита и нефрита, достаточно натурально воспроизводит пестроту змеиной кожи (сине-зеленый фон с вкраплениями пятен черного, желтого и других цветов). Поверхность изделий отполирована до зеркального блеска. Обе части – лопасть и обух, визуальны разделены. У жадеитового топора это «сустав-бочонок», у лазуритового и нефритовых – это кольцевые выступы, расположенные по обеим сторонам сверлины, своего рода «переходники». Все изделия имеют заметный перелом профиля у места нахождения сверлины. От лезвия к сверлине «протянуты» выступы, визуальны делящие лопасть на две симметричные половины. Обухные части имеют форму слегка вытянутого овала. Длина топоров 25,9-31 см (3-4 кратная величине основной единицы измерения *asti*), лезвия

имеют вычурную форму с расширениями на концах. Боковые грани изделий декорированы выступающими «шишечками». На шишечках сохранились остатки позолоты.

Использованные материалы можно полагать традиционными – это породы камня разных оттенков зеленого цвета с зернистой и неоднородной фактурой. В работе автора было показано, что отображаемая «шишечками» счетная информация имеет календарный характер. Например, на СКТМ из нефрита из коллекции L с каждой стороны расположены по 45 (15x3) шишечек. Это число равно половине усредненного интервала между солнцестояниями и равноденствиями, такая разбивка годового календарного цикла, состоящего из 360 дней известна в древних иранских, греческих и других календарных традициях. Лазуритовый ТМ из коллекции L имеет по сорок одной шишечке (2x14+13) на каждой боковой грани, в сумме это дает число 82, равное трем (27,3x3) сидерическим лунным месяцам, оно широко представлено на артефактах из разных археологических культур Западной Евразии [14, с. 9–12].

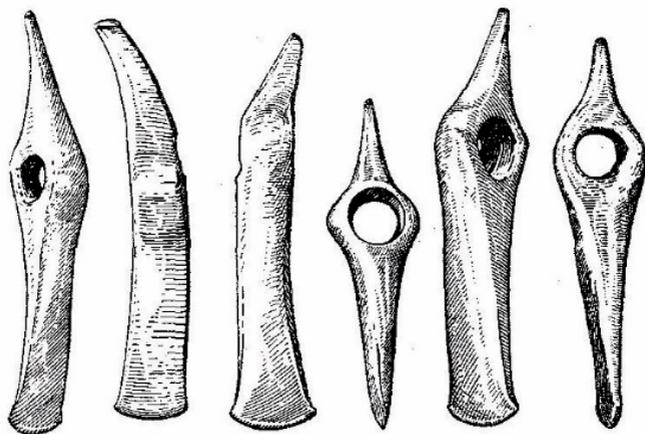
Закономерен вопрос, почему массовое сверление камня и изготовление СКТМ в начале III тыс. до н. э. возникло у выходцев (культура шнуровой керамики, воронковидных кубков, золота и др.) из западной периферии ямной культуры [80, р. 207–210], в которой сверленное «боевое» каменное оружие (булавы, топоры-молоты), для ямной культуры не характерное, обнаружено лишь на одном проценте памятников (из более чем 1000) [28, с. 115]. Ответ, возможно, надо искать в наступлении периода субатлантик [23, с. 81–83] с повышенной влажностью в летний сезон и резким увеличением числа гроз, являющихся причиной резкого увеличения числа фульгуритов («громовых пальцев»). Из обзора [10, с. 73–77]) можно сделать вывод, что продолговатую втулку имеют только ТМ, относящиеся к культуре боевых топоров (типы В, С, Д по Малмеру, и типы С, Д, Е по Олдебергу) [10, с. 75].

Теперь вернемся к объектам, найденным в Лучкино-1. Это предмет, который был назван И. Г. Глушковым «модель неизвестного орудия, напоминающего клин». Изделие имело

фаллоподобное завершение обуха, «перегиб» профиля и отверстие для насадки на ручку [17, с. 95, рис. 1-4], входя по этому параметру в один ряд с фаллоподобным завершением обуха фатьяновских глиняных моделей ТМ (Балановский могильник) (рис. 2-6). Использование глины может служить указанием на то, что его автором/ми были утеряны или навыки обработки камня или доступ к источникам соответствующих пород камня. Но, несмотря на это, в мифологизированном сознании обитателей поселения сохранилась наиболее важная часть мифоритуала, реализуемая в особой форме изделия, которая подразумевала фаллоподобный обухок и «перелом» профиля ТМ. Кроме того, там же были найдены головки медведя, выполненные в силуэтном стиле [17, с. 96, рис. 1-2, 3]. Совместное нахождение этих артефактов дает некоторые основания допускать связь образа медведя и топора-молота.

Это сочетание реализовано в виде зооморфных топоров, известных в основном на северо-западе Европы (Северная Швеция, Финляндия, Европейская часть России). Это, в большинстве своем, изображения головы животного (обух) – медведя, лося и, очень редко, лягушки, нерпы или антропоморфа в сочетании с лезвием и сверлиной в середине. Эпицентр находок в России – окрестности Петрозаводска. Это единичные случайные находки, как правило, обнаруженные вне культурных слоев древних стоянок. Это обстоятельство дало основание авторам работы [25, с. 47] вывести эти изделия из инвентаря поселенческих комплексов и придать им особые неутилитарные функции. Относят их к началу II тыс. до н. э. или позже. Появление их связывалось с процессом встречи носителей идеи сверленного КТМ из фатьяновской культуры и северной традиции украшения боевого оружия зооморфными фигурами [66, с. 130–133; 75, с. 438]. Среди сотен СКТМ фатьяновской культуры известны лишь единичные экземпляры, выполненные с головой медведя на обухе [36, с. 203, рис. 71]. Головы медведя расположены в обушной части (рис. 4) и эти ТМ на боевое оружие мало похожи. Заметим, что на изделиях сохранены основные особенности

формы ритуального ТМ: хорда от сверлины к лезвию (рис. 4-1), заметный изгиб профиля (рис. 4-2), «мужская» сторона (обух) представлена медведем, переходник на ТМ имеет форму сустава и ясно выделен (рис. 4-1), СКТМ хорошо отполированы.

*Рис. 3. Топоры-молоты из приереванского клада
(по Мартиросян, Мнацаканян, 1973)*

Совместное нахождение символов грозы (в нашем случае «модель неизвестного орудия, напоминающее клин») и медведя, видимо, не случайно. Медведь являлся календарным символом летнего, грозового сезона. Причин для этого несколько. Летом медведь на «виду» и «делил» с людьми кормовую базу (ягодники, орешники). Гон медведей с ожесточенными поединками и громоподобным ревом завершается к концу июня – началу июля (после летнего солнцестояния), иногда затягивается до конца июля (Ильин день) [13, с. 114]. В работе Г. Н. Потанина [59, с. 120, 127–129] исследована семантика связи образа медведя и Бога Грозы (Хаирхан, Кайракан) у народов Саяно-Алтая. Такое соотнесение уместно в силу громоподобного рева медведя летом (гон), тогда как они оба (Бог Грозы и медведь) «умолкали» зимой.

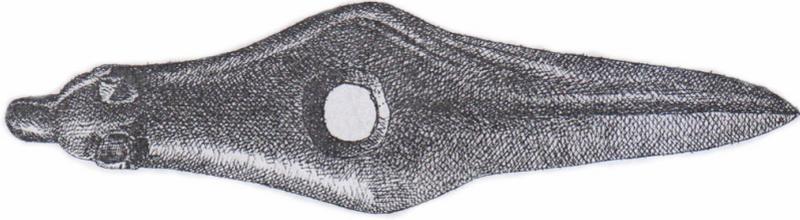

Рис. 4-1. Медвежьеголовый топор-молот с переходником в виде «сустава» (по Уваров, 1881, т.2, илл.34)

Семантика

Образ Бога Грозы – стержень «основного мифа» индоевропейцев [27, с. 118–164]. Прежде чем соотнести ритуальные СКТМ с тем или иным промежуток времени, необходимо вспомнить, что в различных вариантах индоевропейского календарного мифа зимний сезон соотносился с мужским началом (осадки в виде «верхней, мужской» влаги), оплодотворяющим землю, а жаркий летний сезон с женским – плодоношением «зачатой» земли (см. напр. [45, с. 253–255]). Учитывая контекст, можно соотнести обух с «небесным» молотом, мифологизированной причиной летних гроз и осадков. В реалиях возможных вариантов индоевропейской прародины (Малая Азия – Северная Месопотамия или Юго-Восточная Европа) это предполагало теплую дождливую зиму в Атлантике [23, с. 81–83]. Тогда «лезвие-лопасть» можно соотнести с символом лета – жары, огня и женским началом. Если это так, то край лезвия становится границей, разделяющей летний теплый сезон («большое лето») на две части, причем этим разделителем должно быть событие, сопряженное с громом, молнией и ливневыми дождями. Этим условиям вполне соответствуют Ильин день (конец июля или начало августа), время перелома погоды «на зиму». Сверленный каменный топор-молот становится, таким образом, символом трехсезонной (зимний и две половинки летнего) модели года. Отсутствие

грозовой активности в зимний сезон выразительно отражает форма вислообушных топоров.

*Рис. 4-2. Медвежьеголовый топор-молот с изгибом профиля
(по Уваров, 1881, т.2, илл.34)*

Переходная зона на ритуальных каменных топорах-молотах почти всегда выделяется в виде выступа (валика), кольцевого пояса, «бочонка», круговой насечки, соединяя две части бинарной системы – жару/холод, влагу/сушь, женское/мужское, являясь, таким образом, сочленением, «суставом» особого рода со своеобразной семантикой. Например, др.- инд. «*ragvan*» имело смысл «сустав, сочленение, изгиб, поворотная точка времени» [68, с. 111, пр. 153], имея, таким образом, и семантику календарной счетной единицы.

Семантика меандра и шевронов как элементов, моделирующих изгиб, может быть соотнесена с древнейшими счетными «устройствами» (локоть, колено) [91, р. 2, 3]. Видимо поэтому близкие огласовки лексем *arthron* – «сустав» (др. греч.) и *arithmos* – «счет» [72, с. 506–507] не случайны и обусловлены их генетическим родством и, в первую очередь, благодаря первоначальному соотнесению счетных процедур с суставами. Если это верно, то некоторые виды СКТМ, особенно имеющие «перегиб» профиля, можно соотнести со счетными «устройствами». На это может указывать визуальное выделение переходной зоны между обухом (молот) и лезвием (топор): конструктивно (втулка), окраска и/или определенное (знаки) декорирование. Наличие двух и более видов счетной

символики (жемчужины-полусферы, геометрические фигуры и др.) на изделии может быть свидетельством существования определенного календарного алгоритма разной степени сложности, заложенного в данное изделие. Декор на других типах СКТМ, например, фатьяновских, хоть и проще (нервюры) [36, с. 50, рис. 20], но все равно располагается почти всегда на боковых гранях переходной зоны между «топором» и «молотом» (рис. 2-3, 4, 5). На некоторых зооморфных ТМ с медвежьей головой переходная часть закружена, имея форму «сустава» (рис. 4-1).

Выводы

Исследованы особенности морфологии и конструкции СКТМ эпохи ранней и средней бронзы. Показано, что СКТМ, имеющие характерные особенности – полировку, изгиб профиля, выделение обушка, вычурное лезвие, знаки и орнамент на боковых сторонах переходной зоны и др., предназначены для выполнения ритуальных функций. Этим, по-видимому, и объясняется их нахождение в погребениях у головы, но не рук (оружие). Одна из ритуальных функций (возможно, самая важная), могла быть связана с учетом календарного времени, особенностями его течения в ином мире. Эти особенности частично (изгиб профиля, фаллоподобный обушок) сохранились в форме модели ТМ (глина), найденной на жертвенном месте Лучкино-1 (Нижнее Приртышье), датируемой эпохой поздней бронзы (андроноидные культуры). Их продолжительное бытование на восточной периферии ареала распространения СКТМ (Западная Сибирь) может быть указанием на устойчивость мифологемы СКТМ в общественном сознании носителей этих культур.

Список источников и литературы

1. Авилова Л. И. Металл Ближнего Востока. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 229 с.
2. Авилова Л. И. Клад Нахаль Мишмар (технологический и культурный контекст) // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 36–50.

3. Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967. 134 с.
4. Артеменко И. И. Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городско-здолбицкая, стжижковская // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 471 с.
5. Археология Венгрии. Каменный век. М.: Наука, 1980. 418 с.
6. Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии // СА. 1940. Т. VI. С. 86–91.
7. Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 272 с.
8. Березанская С. С., Цвек Е. В., Ключко В. И., Ляшко С. Н. Ремесло эпохи бронзы на Украине. Киев: Наукова думка, 1994. 189 с.
9. Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961. № 3. С. 14–33.
10. Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. В4-4. 98 с.
11. Буров Г. М. Категории и виды каменных изделий у племен крайнего Европейского Северо-Востока // Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978. С. 107–121.
12. Вест М. Кристаллохимия. Ч. 1. М.: Мир, 1987. 558 с.
13. Вртанесян Г. С. Календарная символика глазковской культуры // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 112–115.
14. Вртанесян Г. С. Ещё раз о «боевых» сверленных каменных топорах-молотах // Вестник музея Археологии и этнографии. 2018. Вып. 8. С. 8–15.
15. Гак Е. И. Поселение Рыкань-3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 141–161.
16. Гей А. Н. Погребение литейщика Новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. М.: Наука, 1986. С. 13–32.

17. Глушков И. Г. Поселение Лучкино-1 памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 93–103.
18. Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916. 228 с., 8 табл.
19. Гриневич К. Э. Новые данные по археологии Кабарды // МИА, 1951. № 23. С. 125–134.
20. Давыдова Л. Н. Археологические и исторические памятники Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1957. 56 с.
21. Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. № 3. М.-Л., 1941. С. 213–316.
22. Дергачев В. А., Манзура И. В. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев: Штеница, 1991. 333 с.
23. Долуханов П. М., Хотинский Н. А. Палеогеографические рубежи голоцена и мезо – неолитическая история Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит). М.: Наука, 1974. С. 81–83.
24. Ефимова А. М. Сверленные молоты из коллекции Государственного музея Татарской АССР // КСИИМК. 1951. Вып. 26. С. 170–176.
25. Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск, 2003. 139 с.
26. Збенович В. Г. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе // СА. 1969. № 3. С. 135–142.
27. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
28. Кайзер Э. Эгалитарное пастушеское общество versus воины-кочевники? Попытка реконструкции социальной структуры ямной и катакомбной культур // Stratum Plus. 2010. № 2. С. 99–123.
29. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ Е1-36. Вып.2. IX–XIII вв. М.-Л.: Наука, 1966. 180 с.
30. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 294 с.

31. Климов Г. А. Древние индоевропеизмы в картвельских языках. Изд. 2-е. М.: УРСС, 1994. 249 с.
32. Кодзики. Записи о деяниях древности. СПб.: ИД «Кристалл», 1994. 607 с.
33. Кореневский С. Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М.: Наука, 1981. С. 5–32.
34. Корочкова О. Н. Культурная вариативность на памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11. Вып.3. Археология и этнография. 2012. С. 137–147.
35. Косарев М. Ф. Андронидная культурная общность // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 282–286.
36. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 276 с.
37. Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. В1-22. М.: Наука, 1987. 145 с.
38. Кривцова-Гракова О. А. Бесарабский клад // Труды ГИМ. Вып.1. М., 1949. 28 с.
39. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. № 23. 1951. 306 с.
40. Кузьмина Е. Е. Топорик из Пуль-и-Хатун и вопрос о связях Южной Туркмении с Ираном в III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 101. 1964. С. 49–52.
41. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: «Летний сад», 2008. 557 с.
42. Кузьмина О. В. Каменные сверленные топоры Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 334–349.
43. Кушнарева К. Х. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. 384 с.
44. Кызласов Л. Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае: Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева // МИА. Вып.130. М.: Наука, 1965. С. 165–168.

45. Литвинский Б. А. Памирская космология // Страны и народы Востока. Вып. 16. М.: Наука, 1975. С. 251–261.
46. Лозе И. А. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии // МИА. № 126. М., 1966. С. 108–113.
47. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. № 93. М., 1960. 152 с.
48. Мартиросян А. А., Мнацакян А. О. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. Вып. 134. 1973. С. 122–137.
49. Матюхин А. Е. Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий // СА. № 1. 1977. С. 258–264.
50. Мерперт Н. Я. Ритуальные модели топоров из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 163–172.
51. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1973. 355 с.
52. Новочихин А. М., Федоренко Н. В. Каменные сверленные топоры-молотки из Анапского и Новороссийского музеев // РА. № 4. 2003. С. 89–93.
53. Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной культуры // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1991. С. 59–84.
54. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
55. Петрова Н. Ф. Каменный топор из Саратовского музея // СА. 1977. № 1. С. 275.
56. Пилсудский Б. Аборигены о. Сахалина // Живая старина. Вып. 2-3. Кн. 70-71. 1909. С. 3–17.
57. Поляк В. В. Технология стекла. М.: Стройиздат, 1971. 368 с.
58. Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной // Тр. ГИМ, Вып. 34. М.: ГИМ. 48 с.
59. Потанин Г. Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. № 219. Ч. II, СПб., 1882.

С. 116–167.

60. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX века). Л.: Наука, 1976. С. 106–129.

61. Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 167–197.

62. Санжаров С. Н. Каменные сверленные топоры-молоты Донбасса // РА. 1992. № 3. С. 160–177.

63. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.

64. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования Изд. 2. М.: Ассоц. «Российская политическая энциклопедия», 1993. 714 с.

65. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.

66. Студзицкая С. В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений ГИМ // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 130–135.

67. Ступко М. В. Каменные сверленные топоры-молотки Крыма в системе ямно-катакомбных древностей // История оружия. Альманах. 2008. № 1. С. 11–36.

68. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.

69. Тоцев Г. Н. Катакомбное погребение 3 кургана 185 Мамай горы // Історія зброї. Артишок. Вып.1. Запорожье, 2008. С. 37–44.

70. Трейстер М. Ю. Троянские клады: атрибутики, хронология, исторический контекст // Сокровища Трои. М.: ГМИИ. 1996. С. 167–240.

71. Уваров А. С. Археология России. Каменный период. Т. 2. М., 1881. 208 с.

72. Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. V. Ученые записки Тартусского

Государственного Университета. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 504-512. 73. Цыб С. В. Каменные «боевые» топоры Западной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 6–13.

74. Шарафутдінова І. М. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. Т. XXXIII. 1980. С. 60–70.

75. Шахнович М. М. Новые находки фигурных молотов на территории Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 430–438.

76. Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА. 1969. № 3. С. 53–70.

77. Эрдниев У. Э. Археологические находки в Кузбассе // СА. 1958. № 2. С. 244–246.

78. Evans J. Ancient Stone Implements, Weapons and Ornaments of Great Britain (2nd ed). London: Longmans, Green & Co, 1897. 640 p.

79. Gimbutas M. Battle axe or Cult axe? // Man. VIII. № 73. 1953. P. 51–54.

80. Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 206–211.

81. Hole F. Symbols of religion and social organization at Susa // The hilly flanks and beyond. Essays of the Prehistory of Southwestern Asia. Chicago, 1983. P. 315–331.

82. Iversen I. Forest Clearance in the Stone Age // Scientific American. 1956. № 3-4. V. 194. P. 36–41.

83. Kaiser E. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archeologie in Eurasien. Band 14. Mainz am Rhein, 2003. 425 s.

84. Krzewińska M., Kılınc G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 2018-10-01. Vol. 4. Iss. 10. 4457 p.

85. Larsson A. M. Breaking and making Bodies and Pots.

Material and Ritual practices in Sweden in the Third Millennium BC. Upsala, 2009. 455 + 37 s.

86. Lloyd S. Tell Ugair. Report on the Excavation // Journal of Near Eastern Studies. 1943. V. 2. № 2. P. 135–158.

87. Memoires de la Mission archeologique de Perse. Mission en Susiune. T. 25. Paris, 1934. 248 p. + XIV pl.

88. Osten van der H. H. The Alishar Huyuk. Seasons of 1930-1932. P. I. Chicago. 1937. P. XXII + 283; 280 figures, 10 plates.

89. Roe F. E. S. The Battle-axe series in Britain. Proceedings of the Prehistorical Society. XXXII, № 8. 1966. P. 199–245.

90. Schmidt E. F. The Alishar Huyuk. Seasons of 1928 and 1929. Chicago, 1932. P. I. P. XX + 293; frontispiece, 377 figures, 46 plates.

91. Vrtanesjan G. S. Numeric complexes of material culture and the poetics of the peoples of the Urals, of the Kama Region and Western Siberia // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. V. 5. № 1. P. 1–12.

92. Willoughby C. C. The Adze and Ungroved Axe of New England Indians // Amer. Anthropologist. 1907. V. 9. № 2. P. 296–306.

ТЕХНОЛОГИЯ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ СИБИРСКИХ ТАТАР В XIII–XVIII ВВ.

А. П. Зыков

*Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии
УрО РАН*

Рассматриваются вопросы истории развития технологии производства железа у сибирских татар с XIII до XVIII вв. Обобщены все данные металлографических исследований, собранных по этой проблеме. Кочевые племена кыпчаков, насильственно переселённые монгольскими ханами в лесостепи Западной Сибири, принесли сюда привычную им простую технологию кузнечного производства. В XV–XVI вв. с окончательным распадом Золотой Орды сибирские татары создали здесь целую череду независимых постордынских государств со своими городами и с кузнечным производством, технология которого резко отличалась от восточноевропейской сварной технологии (как болгарской, так и русской), невероятно близкой к кузнечной технологии городского ремесла Средней Азии. После гибели татарских государств юга Западной Сибири, уничтожения их городов к концу XVI в. сибирские татары вновь вернулись к своей простой технологии двухвековой давности, в значительной степени дополненной массовым ввозом русской продукции, выполненной по схемам качественной кузнечной сварки.

Ключевые слова: кузнечная технология, металлография, сибирские татары, лесостепи Западной Сибири.

TECHNOLOGY OF IRON PROCESSING OF SIBERIAN TATARS IN THE XIII-XVIII CENTURIES

The issues of the history of the development of the production

technology of the Siberian Tatars from the XIII to XVIII centuries are considered. All the data of metallographic studies collected on this problem are summarized. The nomadic tribes of the Kipchaks, forcibly resettled by the Mongol Khans in the forest-steppe of Western Siberia, brought here their usual simple technology of blacksmithing. In the XV–XVI centuries, with the final collapse of the Golden Horde, the Siberian Tatars created here a whole series of independent post-Horde states with their cities and with blacksmithing production, the technology of which was sharply different from the Eastern European welded technology (both Bulgarian and Russian), incredibly close to the blacksmithing technology of the urban craft of Central Asia. After the death of the Tatar states of the south of Western Siberia, the destruction of their cities by the end of the XVI century, Siberian Tatars have returned to their simple technology of two centuries ago, largely supplemented by the mass import of Russian products made according to the schemes of high-quality forge welding.

Keywords: forging technology, metallography, Siberian Tatars, forest-steppe of Western Siberia.

По своей узкоспециальной научной деятельности я уже 40 лет занимаюсь проблемами кузнечного производства населения севера Западной Сибири со II–I вв. до н. э. до XVIII в. н. э., т. е. всего периода от становления чёрной металлургии и металлообработки на этих территориях до начала их деградации и фактической ликвидации. На протяжении всей этой длительной эпохи развитие технологии кузнечного производства предков северных сибирских народов как обскоугорских (манси и хантов), так и самодийских (лесных ненцев и селькупов), прошло три основных этапа. На первом из них в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. шло быстрое освоение и становление новой, неизвестной ранее в регионе, западной и южной технологии чёрной металлургии и металлообработки с одновременным изживанием последствий затянувшегося «пережиточного бронзового века». На втором этапе во второй половине I тыс. н. э. – середины II тыс. н. э. проходили процессы

постепенного упрощения вплоть до примитивизации технологий предшествующего периода. Так что в плане развития технологии кузнечного производства севера Западной Сибири этот этап можно назвать застойным или стагнационным. В этот период край стал основным источником товара на мировом пушном рынке. В условиях ажиотажного спроса на шкуры ценных пушных зверей на север Западной Сибири хлынул огромный поток импорта, в том числе и прежде всего, железного оружия, орудий труда и утвари. Но привоз железных изделий в данном случае не сопровождался приходом сюда передовой сварной кузнечной технологии (древнерусской и русской севера Восточной Европы, болгарской доордынского и золотоордынского периодов). Западносибирские северные кузнецы охотно усваивали морфологию привозных железных изделий, но отковывали их исключительно по своей более примитивной технологии. Главными заказчиками продукции местного кузнечного производства были предгосударственные объединения – «княжества».

С конца XVI – начала XVII в. начался бурный процесс «Сибирского взятия» – вхождения севера Западной Сибири в состав Русского государства. Главным его содержанием стало быстрое уничтожение вогульских, остяцких и самодийских «княжеств»: активно сопротивлявшихся — жёсткими военными действиями и террором, покорившихся неизбежному — более мягким административным закабалением, постепенно ведущим к необратимой деградации всей их социальной и политической системы. Ликвидация «княжеств» стала основной причиной быстро начавшейся деградации и постепенного отмирания чёрной металлургии и кузнечного производства всех коренных западносибирских народов. Уже с XVII в. в их материальной культуре всё более и более начали господствовать русские кузнечные изделия, как произведенные в Европейской России, так и откованные в русских сибирских городах и острогах [13, с. 207–221].

Естественно, кроме технологии народов севера Западной Сибири меня не могла не интересовать технология их южных

соседей — населения южной кромки леса и лесостепей. Здесь в I–II тыс. н. э. произошёл причудливый калейдоскоп взаимоуничтожающих кровавых миграций, начатых эпохой Великого переселения народов. В начале III в. гунны, ещё до этого обосновавшиеся в Казахстанских степях, нанесли удар на север — в лесостепные районы [15, с. 25]. Об этих событиях однозначно свидетельствуют три исследованных археологами одиночных гуннских погребения в западносибирской лесостепи [8, с. 47–50; 17, с. 161–179]. Этот гуннский удар привёл к быстрому отступлению на запад из Барабы и Среднего Прииртышья в бассейн Нижнего Тобола и Исети угорского (протомадьярского) населения саргатской культуры и её распаду в IV в. на раннесредневековые бакальскую, кушнаренковскую и карабызскую культуры. Причём все три последних имели явную тенденцию к миграции на запад в лесостепное Приуралье. Сразу, после отступления на запад обществ начавшейся распадаться саргатской культуры, лесостепи Среднего Прииртышья стали заселять мигранты с севера: в конце III – первой половине IV вв. поздних этапов кулайской культуры, а позднее, с VI в., зеленогорского и прочих этапов нижеобской культуры. С X в. лесостепи бассейна Исети стали осваивать такие же северные мигранты — носители юдинской культуры, западных соседей нижеобской, входивших в состав объ-иртышской культурно-исторической общности. Именно здесь в лесостепном Зауралье юдинская культура трансформировалась в чияликскую XIII–XVI вв., носители которой заселили тонкую полосу кромки южного леса и лесостепи Приуралья, где их видел и описал доминиканский монах Юлиан во второй четверти XIII в. как дикарей-язычников, но носителей «совершенно венгерского языка» [4, с. 46, 50, 52, 54; 12, с. 35–38; 19, с. 63–70].

С XIII в. юг Западной Сибири вошёл в состав Монгольской державы. Сразу же монгольские ханы стали проводить политику насильственного переселения кыпчакских племён из степей на север — в лесостепи и южную тайгу Западной Сибири. Этой миграцией были заложены основы генезиса ныне существующего

народа сибирских татар. После распада Монгольской державы эти земли являлись северо-восточной окраиной отдельного татаро-монгольского государства — Улуса Джучи, чаще называемого Золотой Ордой. Именно в этот золотоордынский период здесь возникли первые города, самым известными среди которых были Тюмень (Чимги-Тура, Чинги-Тура) и Сибир (Кашлык, Искер). Сибирская окраина (Сибирский юрт) обособилась в первой половине XV в. Здесь в XV–XVI вв. образовалась целая череда постоянно сменяемых независимых татарских государств: Тюменского Шибанидского ханства, Тайбугидского бекства, Сибирского Шибанидского ханства, наконец, снова возрождённого Тайбугидского бекства [14, с. 8–32].

В конце-концов эта татарская политическая чехарда в последней четверти XVI в. была окончательно пресечена русским «Сибирским взятием». Оно стартовало с экспедиции казаков атамана Ермака Тимофеевича и стрельцов воеводы князя Семёна Болховского в 1582–1585 гг. и продолжилось строительством первых русских сибирских городов Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), началом русской крестьянской колонизации Западной Сибири. Важнейшим военно-политическим последствием всех этих действий стал смертельный удар по татарской государственности, была уничтожена основа её экономического базиса.

Хотя ослабленные силы хана Кучума и его детей отступали в степи юга Западной Сибири, где Кучумовичи ещё пытались противостоять русским властям аж до 1683 г., но уже без какой-либо надежды на успешный реванш [18, с. 121, 122].

То есть, вхождение Западной Сибири в состав Российского государства, начатое малыми воинскими силами, одержавшими быстрые великолепные победы, привело к замирению огромной территории. Все народы, её населявшие, вот уже более четырёх столетий живут без внутренних войн, за исключением гражданской 1918-1921 гг. По-моему, это несомненное благо после многих столетий практически непрерывных истребительных войн. При всех многочисленных недостатках русских властей – и царских, и имперских, и советских, и нынешних демократических

– ни один западносибирский этнос не был уничтожен военными методами и террором.

Из всех мигрировавших на юг Западной Сибири народов нас в этой публикации интересуют исключительно предки сибирских татар и, особенно, изменения в технологии их кузнечного производства XIII–XVIII вв. Развитие татарской западносибирской технологии принципиально отличалось от монотонной эволюции северной таёжной технологии, в которой фиксируется поступательное развитие в первой половине I тыс. н. э., упрощение до примитивизации и застойное состояние во второй половине I – первой половине II тыс. н. э., быстрая деградация в XVII–XVIII вв. Технология кузнецов сибирских татар только за период XIII–XVIII вв. пережила три весьма различных стадии. И как это неудивительно, но каждая из этих татарских технологических стадий является отображением социально-политических изменений, происходящих в обществе сибирских татар.

Первая стадия относится к периоду XIII–XIV вв., когда огромный по численности массив кыпчакских тюркских племён был насильственно переселён по приказам монгольских ханов из степных пространств Дешт-и-Кыпчака на север в лесостепи и южную кромку лесов. Всё предшествующее угрозное население и трансформирующееся из нижнеобской в сайгатинскую культуры в Среднем Прииртышье и Северной Барабе, и трансформирующееся из юдинской в чияликскую культуры в бассейне р. Исети было вытеснено в северные таёжные районы или в Приуралье. А в лесостепных пространствах Северной Барабы, Среднего Прииртышья, бассейнов Нижнего Притоболья и Исети на кыпчакской тюркоязычной основе началось сложение этноса сибирских татар. Так что эту первую стадию технологии железообработки можно назвать «кыпчакской» или «раннезолотоордыской».

Важнейшее значение для характеристики этой технологической стадии имеет металлографическое изучение выборки образцов из коллекции Пахомовского могильника второй

половины XIII – первой половины XIV вв. в лесостепи нижнего течения р. Ишим [3, с. 63–66]. Выборка представлена 16 железными изделиями: булавой-шестопёром, 2 наконечниками стрел, ножом, шилом, ножницами, калачевидным кресалом, 3 стремянами, 2 конскими удилами, 2 скобами крепления деревянных деталей седла, 2 подпружными пряжками, то есть, всеми пригодными для металлографического исследования предметами с памятника.

В пахомовской выборке из железа и малоуглеродистой стали с содержанием не более 0,3% углерода было сделано только 4 изделия (25%). А остальные 12 (75%) выборки изготовлены с применением углеродистой стали, содержащей 0,4% и более углерода. Но из них 7 образцов (43,75%) сделаны с использованием поверхностной цементации — простейшей, но очень трудоёмкой кузнечной операции. При этом для 4 пахомовских изделий цементация была конечной операцией, о чём свидетельствует присутствие видманштеттовой структуры пережога в феррито-перлитных цементованных слоях. А в 3 цементованных пахомовских образцах следы видманштетта отсутствовали, что говорит о применении в них завершающего отжига нормализации. Но особенно примечательно в этой выборке то, что ни одно цементованное изделие не подвергалось закалке. Собственно же применение термической обработки отмечалось только на одном пахомовском изделии — на ударной грани кресала (ан. 407), закалённом в холодной воде на мелкоигольчатый мартенсит.

Использование кузнечной сварки зафиксировано на 8 пахомовских изделиях (50%), из них на 7 в виде многослойного пакета, т. е. сварки 3 и более листов однородного металла. Качество проведения сварочных работ во всех случаях высокое. Стоит отметить, что ни одного случая применения технологической сварки с целью соединения твердого стального лезвия или ударной грани с более мягкой основой в данной выборке не выявлено [7, с. 31–11].

Другая металлографически исследованная кемеровским археологом Н. М. Зиняковым серия кыпчакских предметов с 8

памятников (могильников, городищ, поселений) X–XIV вв. из лесостепи Новосибирского Приобья включает 26 образцов. Технология этой более крупной выборки отличается от пахомовской ещё большей простотой. Основной кузнечной операцией изготовления кыпчакских новосибирских предметов была горячая ковка из цельных заготовок железа (60%) и стали (40%). Кузнечная сварка зафиксирована только на 3 образцах (ноже, колчанном крючке, стремяни), во всех случаях она была простой двуслойной. Ни одного случая применения многослойного сварного сырья, как и ни одного примера использования поверхностной цементации, столь массовых в пахомовской выборке, в данном случае не было. Единственное, что сближает обе исследованные выборки — это использование резкой закалки на мартенсит на цельносталевых кресалах [5, с. 211-220; 6, с. 79–82].

Любопытно было сопоставить эти две кыпчакские выборки с результатами исследованных мной двух стремян и одних удилов из насыпи кыпчакского кургана 1 Симбирского I могильника степного Зауралья. Одно из стремян было отковано из двуслойной заготовки, сваренной из листов малоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,3-0,4% и сверхвысокоуглеродистой стали с содержанием углерода выше эвтектоидного предела (0,8-1,2%). Сварочный шов высокого качества (ан. 1244 б). Второе стремя и грызло удилов сделаны по сходной технологии: откованы из железа и подвергнуты поверхностной цементации с последующим отжигом нормализации (ан. 1242, 1243) [11, с. 158, 159]. Степные симбирские образцы полностью соответствуют лесостепной пахомовской выборке.

Появляется возможность сравнения металлографически исследованных образцов клинкового оружия, найденного на кыпчакской территории Зауралья.

Слабоизогнутая сабля с брусковидным перекрестием, с череном рукояти, скошенным к лезвию, с однолезвийной полосой и колющим остриём, раскованным на два лезвия из погр. 2 кургана 8 могильника Берёзовский остров 1 X–XII вв. [1, с. 43, рис. 42,

9] была изучена Н. М. Зиняковым. Анализ клинка показал, что он откован из цельной заготовки сырцово-углеродистой стали. Содержание углерода в разных частях образца сильно варьируется от 0,1 до 0,6%. На острие фиксируется структура зернистого перлита с микротвёрдостью 260 кг/кв. мм. Есть основания предполагать, что лезвие подвергалось мягкой закалке [5, с. 214, 215, рис. 25, ан.1136; 6, с. 80, рис. 25, ан 1136]. На мой взгляд, эта простая по отделке и технологии изготовления сабля является изделием местного производства.

Крупный обломок древнерусского двулезвийного меча с долами, с сохранившимся на рукояти навершием и перекрестием был случайно найден у села Бородиновка Варненского района Челябинской области в степном Зауралье. Оружие относилось по классификации А. Н. Кирпичникова к типу «Х» восточноевропейских мечей второй половины X – начала XI вв., переходному к формам XI–XII вв. Металлографическое изучение полного поперечного сечения клинка выявило, что оружие было сделано по классической древнерусской сварной технологии: косоугольной наварке стальных углеродистых лезвий с последующей двусторонней кузнечной прожимкой долов. Такая технология сочетания твёрдых ударных лезвий с пластичной основой была вполне приемлемой для клинкового рубящего оружия [10, с. 131, 132, рис. 1, 1 ан. 1239]. Найденные древнерусский и западноевропейский мечи в кыпчакских степях и лесостепях юга Западной Сибири появились там, скорее всего, не в процессе торговли, а в качестве военных трофеев, привезённых местными батырами после удачных дальних набегов и сражений.

После смещения на север в лесостепи и южную тайгу Западной Сибири кочевники-кыпчаки были неизбежно обречены на постепенный переход к оседлости. Но в XIII–XIV вв. кыпчакские кузнецы продолжали сохранять свою очень простую кочевую технологию, во многом схожую по своим основным параметрам с технологией железообработки их северных соседей-кузнецов, предков манси, хантов, селькупов. Судя по материалам исследования пахомовской выборки, у кыпчаков также была

широко развита ковка изделий из многослойного пакетного однородного сырья, важнейшее значение имела поверхностная цементация как в виде конечной операции, так и с последующим отжигом нормализации, и очень незначительна была степень использования закалки. При этом имелись два заметных отличия. Во-первых, у кыпчакских кузнецов металл гораздо более чистый от шлаковых включений, качество сварочных швов всегда высокое, что свидетельствовало о более тщательном уровне проведения горячейковки, чем у их северных соседей. Во-вторых, в изученных кыпчакских выборках совершенно отсутствуют изделия западного кузнечного импорта, как древнерусского, так и болгарского, непременно встречавшегося в большинстве северных таёжных выборок. Трофейные европейские широкие двулезвийные мечи, найденные в кыпчакских районах юга Западной Сибири в двух экземплярах, один из которых металлографически проанализирован, в качестве импортов рассматривать не правомерно.

Вторая технологическая стадия истории кузнечного производства сибирских татар пришлась на эпоху пика их социально-политического развития, когда здесь сложились независимые самостоятельные государства. Сибирский юрт (лесостепи и степи юга Западной Сибири) входили в вассальный улус Шибана — младшего сына Джучи. В XIII – 20-х гг. XV вв. правители Шибанского улуса были вполне лояльны к верховным ханам Джучиева улуса (Золотой орды). За этот относительно спокойный период шло освоение лесостепи и южной кромки тайги новым тюркским населением, начали строиться новые города Тюмень и Сибирь, начали складываться хорошие союзные взаимоотношения с предгосударственными «княжествами» таёжной зоны Западной Сибири.

В этот золотоордынский период основной поток торговых связей севера Западной Сибири был традиционно ориентирован через Прикамье на Волжскую Болгарию и городские центры Нижнего Поволжья, но уже закладывались основы их возможной переориентации при необходимости на города Шибанского улуса.

В 1421 г. Сибирский юрт последним из удельных образований фактически давно уже распавшегося улуса Джучи встал на тернистый путь обретения собственной государственности – его правитель Хаджи-Мухаммед провозгласил себя ханом Шибанского улуса со столицей в Тюмени. Вновь образованное Тюменское Шибанское ханство быстро вышло на ведущие позиции среди постоянно враждующих друг с другом татарских постордынских государств. Уже внук Хаджи-Мухаммед-хана, Ибак-хан, в 1481 г. убивший Ахмад-хана, правителя Большой Волжской Орды, провозгласил себя верховным ханом всех Джучидов и стремился к возрождению Золотой Орды. И в общем-то был достаточно близок к этому. Но в 1495 г. он был убит местным феодалом Мухаммед-беком Тайбугидом, разорившим город Тюмень и основавшим новое государство со столицей в городе Сибир. Возникшее политическое антишибанское образование, которое условно можно назвать Сибирским Тайбугидским бекством, просуществовало до 1563 г., целиком поглотив все лесостепные территории Тюменского ханства, вынудив остатки ханской династии к уходу во владения своих дальних враждебно настроенных родственников – среднеазиатских Шибанидов, наследников Абулхаир-хана. Но в 1563 г. «шибанский царевич» Кучум, внук Ибак-хана, взял город Сибир, убил бекосоправителей Тайбугидов и возродил Сибирское Шибанское ханство. Но оно уже было северным полузависимым уделом Узбекского Шибанского ханства Абдаллаха II [16, с. 94–101, 114–121].

Образование собственных татарских государств на юге Западной Сибири по времени совпало с началом разрушения традиционного торгового пути, связывавшего север Западной Сибири через Прикамье с Поволжьем. В течении XV – первой половины XVI вв. Великое княжество Московское всё более отрезало этот путь сверхвыгодной торговли «средневековой валютой» – шкурами ценных северных пушных животных. Установление Москвой своего контроля над бассейнами Вычегды, Печоры, верхнего течения Камы и Вятки фактически полностью

перекрыло связи севера Западной Сибири с Казанским ханством. У конгломерата западносибирских таёжных предгосударственных объединений-«княжеств» оставалось одно направление выгодной реализации своей пушнины – на юг в сторону постордынских сибирских татарских государств. Это создало уникальную ситуацию для последних. Фактически все они стали единственными посредниками в мировой пушной торговле. Постепенно, по мере покорения Россией всех постордынских государств Среднего и Нижнего Поволжья, направление северной пушной торговли через Сибирское ханство всё более замыкалось на Среднюю Азию. Открытый прямой конфликт Российского государства с Сибирским Шибанским ханством становился неизбежен.

Вторая технологическая стадия, которую можно назвать «искерской», связана как раз с периодом существования независимых татарских постордынских государств XV–XVI вв. Западной Сибири. Самым известным археологическим памятником этой эпохи было городище Искер – остатки цитадели города Сибир, с 1495 г. до окончательной гибели в 1588 г. бывшей столицей целой череды политических образований: Тайбугидского бекства, Сибирского Шибанского ханства, снова возрождённого Тайбугидского бекства. Город Сибир возник в первой половине XIV в. в качестве пограничной северо-восточной крепости Золотой Орды, на пике своего расцвета в течении 2,5 лет удерживаемого русскими казаками атамана Ермака Тимофеевича и стрельцами князя Семёна Болховского.

Именно из коллекции городища Искер мной была металлографически исследована выборка из 49 образцов: 15 универсально-хозяйственных ножей, ювелирный молоток, 3 напильника, 2 пробойника для работ по металлу, 2 проушных топора, пила, спиральное сверло, резец по обработке дерева, 5 ножниц, 6 шильев, скребок, 2 втульчатые пешни, рыболовный крючок, пара конских удил, кресало, наконечник пики, 3 наконечника арбалетных болтов, двушипный черешковый наконечник стрелы. Из всей этой выборки типичным русским

изделием является только кресало, выполнявшее роль полифункционального инструмента: кресала-отвёртки-шила-гаечного ключа. Оно было непременной принадлежностью стрельца, пользующегося фитильным ружьём, и относилось ко времени 1582–1585 гг., когда на городище Искер базировались русские военные отряды.

Из железа или малоуглеродистой стали с содержанием не более 0,3% углерода сделано 13 искерских предметов (26,5% выборки). С применением среднеуглеродистой, высокоуглеродистой и сверхуглеродистой стали, способных воспринять термическую обработку, выполнено 36 изделий (73,5% выборки). Примечательно, что среди незакалённых изделий этой группы довольно много сверхвысокоуглеродистых с содержанием более 0,8% углерода — 9 образцов. Применение поверхностной цементации зафиксировано только на 4 искерских изделиях: ноже, топоре, пешне, скребке (8,2% выборки). Все эти образцы подвергались последующему отжигу нормализации, и все они не были закалены. Достоверное применение термической обработки зафиксировано на 13 образцах искерской выборки (36,1% от числа способных воспринять закалку). Учитывая большое число искерских пожаров, а от огня погибли все сооружения 5 и 6 строительных горизонтов городища, количество закалённых предметов было явно больше, но насколько — неизвестно.

Использование кузнечной сварки зафиксировано на 28 проанализированных искерских изделиях (57,1% выборки). Из них 4/5 этих конструкций составляли предметы, в которых сварка применялась только для формовки. Из них на 11 образцах (39,3% всех искерских сварных изделий) использовалась многослойная пакетная сварка 3 и более слоёв металла. Но заметную долю, 1/5 искерских сварных конструкций (21,4%), составляли предметы с использованием технологической сварки: 3 ножа и ножницы со стальными наварными или вварными лезвиями, кресало и наконечник арбалетного болта со стальными наварными ударными гранями. Эта группа изделий резко выделяется во всей искерской выборке своей близостью к восточноевропейской

сварной технологии, тем более о кресале уже выше упоминалось, что по своим морфологическим признакам оно, скорее всего, является русским кузнечным изделием [11, с. 159–161].

Переходя к общей характеристике технологии железообработки второго этапа XV–XVI вв. развития кузнечного дела сибирских татар необходимо отметить, что она была непосредственно связана с технологией предшествующего первого этапа XIII–XIV вв. Соотношение между числом поковок из мягких железа и малоуглеродистой стали и твёрдой стали в пахомовской и искерской выборках почти одинаковое, но среди искерских заметную долю составляют изделия из свёрхуглеродистой стали, почти совершенно отсутствующие среди кыпчакских находок. Среди предметов искерской серии минимально присутствуют изделия с поверхностной цементацией, массовые в пахомовской выборке, но искерские всегда с обязательным последующим отжигом нормализации и без закалки (!), что крайне редко в пахомовской выборке, где цементация применялась преимущественно в качестве завершающей кузнечной операции. То есть, в XV–XVI вв. применение термической обработки, единичное в кыпчакскую эпоху, стало массовым и явно двигалось в сторону того, чтобы стать обязательной завершающей операцией. Наиболее сопоставимо соотношение между выборками первой и второй стадий к массированному применению кузнечной сварки почти исключительно в виде многослойного пакетирования сырья в формовке изделий. Единственным исключением является присутствие в искерской выборке небольшой группы предметов, сделанных по восточноевропейской технологии сварного пакета, соединяющего мягкую основу изделия с твёрдыми лезвиями и ударными гранями. Изделия этой группы на городище Искер могли появиться как в результате связей с владениями России, так и в результате присутствия русских отрядов в городе Сибир в 1582–1585 гг.

Очевидно, что технология кузнечного производства городища Искер не могла не базироваться на довольно простой, даже примитивной железообработке освоивших эти

земли кыпчаков XIII–XIV вв. Но возникла она не в результате медленного эволюционного совершенствования, а в результате быстрых революционных изменений, являвшихся следствием становления собственной государственности у сибирских татар в XV–XVI вв. Основание и быстрый рост городов в постордынских государствах юга Западной Сибири не могло не вызвать и быстрый рост кузнечного городского ремесла. И здесь не могло не обойтись без мощного внешнего технологического импульса древних технологических традиций городского кузнечного ремесла Средней Азии. А среднеазиатские кузнецы с древности базировались на ковке цельных высокоуглеродистых и сверхвысокоуглеродистых стальных изделий.

Именно так и начала складываться технология железообработки городища Искер, цитадели города Сибир. Она резко отличалась от восточноевропейской сварной технологии как Московской Руси, так и золотоордынской Волжской Булгарии и Казанского ханства. Данная технология не была лучше или хуже, она была просто другой, основанной на других принципах [14, с. 419]. Технология кузнечного производства городища Искер находилась к моменту его гибели на высшей точке своего развития, её уровень был ничуть не ниже уровня сопредельных государств.

Третья стадия развития технологии кузнечного производства сибирских татар относится к XVII–XVIII вв., когда их земли вошли в состав Российского государства. Этому предшествовали бурные драматические события русского «Сибирского взятия» конца XVI в. Случилось неизбежное. Долго копившиеся противоречия между Российским государством и Сибирским ханством завершились войной, начатой войсками Кучум-хана, нападшими в 1582 г. на русские владения в Верхнем Прикамье. Молниеносным ответом на них стал стремительный казачий рейд Ермака, взявшего город Сибир и удерживавшего его в 1582–1585 гг. И хотя эта безрассудно смелая экспедиция потерпела крах без эффективной своевременной поддержки русских сил, но она нанесла смертельный удар Сибирскому Шибанскому ханству, привела к возобновлению внутритатарской

шибанидско-тайбугидской гражданской войны и лишила ослабевших кучумлян поддержки со стороны всех их внешних союзников: северных угорско-самодийских «княжеств», Казахской и Ногайской орд и даже верховного шибанского хана Абдаллаха II.

Бывшие союзники просто наблюдали, как русские власти перешли к тактике методичного завоевания территории Сибирского ханства немногочисленными вооруженными отрядами, строили свои города Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г.), уничтожали только что возрождённое Тайбугидское бекство и его столицу город Сибирь (1588 г.) и втягивали кучумлян в безнадёжную для последних столетнюю степную войну у новых русских южных рубежей. Ничего, кроме ставшего уже привычным, беспокойства для русских сибирских властей эта непрекращающаяся война XVII в. не несла. Тем более у них появился неожиданный ситуативный союзник — в самом конце XVI в. началось последнее Великое переселение из Центральной Азии восточных монголоязычных ойратов (калмыков, джунгар). За XVII – первую половину XVIII вв. они своей военной активностью так ослабили все тюркские политические объединения восточного Дешт-и-Кыпчака от Восточного Казахстана до Нижнего Поволжья, что никакой реальной угрозы для Российского государства они уже не представляли.

А Россия ликвидацией Сибирского ханства в конце XVI в. добилась главных своих политико-экономических целей. Во-первых, был полностью перекрыт невыгодный для русских торговый пушной путь, связывающий север Западной Сибири со Средней Азией. Во-вторых, незамедлительно началось присоединение огромного региона тайги и тундры Западной Сибири с объяснением всего его местного населения. Это позволило русским властям извлекать большую часть ценной пушнины не торговлей, а административными мерами.

Технология кузнечного производства сибирских татар Барабинской лесостепи исследована новосибирским металловедом Г. И. Теребило на основании масштабной

выборки с 4 могильников второй половины XVII – XVIII вв. (Льнозавод-4, Садовка-4, Кыштовка-2 и Абрамово-10). Выборка состояла из 95 образцов: 25 ножей, 11 проушных топоров, 43 черешковых наконечников стрел, 2 колчанных крючков, 14 удил [2, с. 231–248]. Попытаемся здесь изложить обширный сложный текст высококвалифицированного специалиста очень коротко и понятно.

Татарскими позднесредневековыми кузнецами явно были изготовлены все проанализированные наконечники стрел, колчанные крючки, удила и 1 топор из могильника Абрамово-10. Из 26 проанализированных наконечников стрел могильника Кыштовка-2 10 были цельножелезные, причём 4 из них со следами поверхностного наклёпа. Все остальные кыштовские наконечники изготовлены с применением стали: 3 цельностальных с содержанием 0,6-0,9% углерода, 4 цельножелезных, подвергшихся поверхностной цементации в виде конечной операции, без отжига нормализации, 9 сварены из железных и стальных пластин. Но не зафиксировано ни одного образца с использованием технологического пакета. 7 из 16 кыштовских стальных наконечников были подвергнуты термообработке, что очень много (43,75% из числа способных воспринять закалку). Из 17 образцов наконечников стрел из могильника Абрамово-10 9 экземпляров были чисто железными, 1 — цельностальной, 7 — сварными из слоёв железа и стали. Следов применения закалки ни в одном абрамовском наконечнике не было зафиксировано.

Из 14 удил могильника Абрамово-10 только на 4 образцах выявлена чисто железная структура, а на 10 остальных — сварка железа с высокоуглеродистой сталью. Это поставило в тупик Г. И. Тербило, зачем в таких простых по назначению изделиях применялись столь качественный материал и столь же сложная технология? Теперь мы можем ответить на этот вопрос, приведя в пример анализ стремени (ан. 12446) из кыпчакского Сибирского I могильника XIII–XIV вв., сделанного точно по такой же технологии: смысла в подобном дорогом и трудоёмком изготовлении деталей конской сбруи не было никакого, но

подобная «нерациональная» технология применялась кузнецами сибирских татар с кыпчакской стадии до XVIII в.

Топор из могильника Абрамово-10 изготовлен из многослойной пакетной заготовки, сваренной из слоёв железа и малоуглеродистой стали, чем он сильно отличается от всех проанализированных позднесредневековых барабинских топоров, но абсолютно аналогичен одному из топоров городища Искер, также откованному из многослойной железной заготовки (ан. 1299) [9, с. 326, 330, 331, рис. 2, ан. 1299].

Но абсолютное большинство топоров (10 из 11 проанализированных) и половина ножей (12 из 25 проанализированных), выполненных по сложным схемам типичного восточноевропейского сварного высокотехнологичного пакета, были безусловно изделиями русских кузнецов. В данном случае не имеет значение, ввозились ли эти изделия из Европейской России или производились в сибирских городах. Из этих 10 русских топоров самым примитивным по исполнению был образец из кург. 3 могильника Кыштовка-2, согнутой и сваренный из одной пакетной многослойной пластины так, что высокоуглеродистые стальные её концы оказались на лезвии, образовав его трёхслойную структуру с центральной стальной частью от острия до проушного отверстия. Образец из кург. 1 могильника Садовка-4 был сделан по такому же принципу трёхслойного пакета, но более рационально: по этой схеме с центральной стальной высокоуглеродистой полосой была изготовлена одна деталь, собственно лезвие, к которой был приварен обух из железного пакета. 7 топоров могильника Кыштовка-2 сделаны по одной схеме — косой боковой наварки высокоуглеродистых стальных лезвий на железные основы. По такой же, но более качественной технологии изготовлен образец из кург. 72 могильника Кыштовка-2, но высокоуглеродистое стальное лезвие было присоединено к железному телу топора по схеме V-образной наварки. Все так называемые русские топоры сохранили следы закалки в разных средах: от холодной воды до горячей воды, сала, масла.

Все 12 русских ножей, выявленных металлографическим исследованием Г. И. Теребило, сделаны по схемам качественной кузнечной сварки: 5 образцов по схеме трёхслойного пакета, 4 – косой боковой наваркой стальных лезвий, 1 – по схеме двуслойного пакета, 1 – по сложной схеме «дамасского» узорчатого пакета. Сюда же можно смело относить и пример явной ошибки кузнеца на ноже из кург. 68 могильника Кыштовка-2, в котором стальная наварная пластина оказалась на притупленной спинке лезвия. Все эти образцы сохранили следы термообработки.

Вторая половина ножей могильников Кыштовка-2 и Абрамово-10 по результатам металлографического исследования точному определению не поддаётся. Они могли быть сделаны как русскими, так и татарскими кузнецами. 8 образцов из мог. Кыштовка-2 были откованы из цельных высокоуглеродистых заготовок и закалены. Такая технология была очень близка к искерской XV–XVI вв. 5 образцов из мог. Абрамово-10 были изготовлены целиком из железа и малоуглеродистой стали, из них 2 ещё подвергались поверхностной цементации с последующим отжигом нормализации. А эти последние изделия близки по технологии к татарской продукции первой и второй стадий, но никак не к русской.

Таким образом третью стадию развития технологии сибирских татар XVII–XVIII вв. вполне правомерно назвать «русской». После уничтожения татарской государственности на юге Западной Сибири и городов — центров железообрабатывающего ремесла, кузнецы из большинства сибирско-татарских обществ остались жить на своих местах и продолжили изготавливать свою продукцию по той простой технологии, которая была характерна для местных мастеров в догосударственный период первой стадии. Только теперь высококачественная продукция (топоры, ножи, вероятно, и другие предметы) поступала из новых русских центров. Очевидно, татарские кузнецы изготавливали необходимую для местного населения продукцию, которую не производили в русских центрах (наконечники стрел, конское снаряжение и пр.).

К сожалению, за всё время своей научной деятельности я

слишком мало внимания уделял вопросам истории технологии кузнечного дела сибирских татар XIII–XVIII вв., отлично понимая, что эти проблемы требуют глубокого самостоятельного исследования. Но всё же я и мои коллеги Н. М. Зиняков и Г. И. Терехило занимались изучением данной проблемы. Эта статья подводит итоги наших независимых и нескоординированных между собой исследований. Выводы получаются интересными. Насильственно переселив из степей Дешт-и-Кыпчака на север в лесостепи юга Западной Сибири кочевников-кыпчаков с их очень простой железообработкой, монгольские ханы в XIII в. заложили основы формирования будущего этноса сибирских татар. Когда Золотая Орда окончательно распалась, именно здесь на северо-востоке державы возникла в XV–XVI вв. целая череда постоянно сменявших друг друга независимых постордынских государств со своими городами, в которых процветало кузнечное производство с очень оригинальной технологией, резко отличавшейся от восточноевропейской (русской и поволжско-татарской), но очень близкой среднеазиатской. К несчастью для государств юга Западной Сибири они замкнули на себя всю торговлю с северным конгломератом угорско-самодийских «княжеств», став основным торгово-политическим конкурентом России. В 1582 г. началась ожесточённая война Сибирского Шибанского ханства и русским царством. И русские в этой войне уверенно одержали верх: в 1588 г. уничтожили Тайбугидское бекство Сейид-Ахмеда Тайбугида с его столицей городом Сибир, Кучум-хана Шибанида и его потомков изгнали на юг, вынудив их на бесперспективную столетнюю степную войну. Заключительная третья «русская» стадия развития технологии железообработки сибирских татар приходится на XVII–XVIII вв. Это была эпоха, когда русские власти уже прочно закрепились на своих южных сибирских рубежах, построив свои города Тюмень, Тобольск, Тару, начав умиротворять рассеянные по лесостепной зоне татарские коллективы. Барабинские кузнецы в этот период сохраняли ещё своё производство по достаточно простым технологиям наконечников стрел, удила и ножей. Но в то же время у сибирских

татар уже абсолютно господствовал массовый ввоз русской кузнечной продукции (топоров и ножей), изготовленной по высококачественной сварной технологии.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск-Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 226 с.

2. Вопросы кузнечного производства населения Барабинской лесостепи эпохи позднего средневековья // Прил. 1 к кн.: Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьёв А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Изд-во «Наука. Сиб. отд-ние», 1990. С. 231–248.

3. Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. С. 128–137.

4. Голдина Р. Д., Зыков А. П. Лес и лесостепь Уральской Евразии в эпоху железа (I тыс. до н. э. – XVI в. н. э.): проблемы контактов и взаимодействия // IV Северный археологический конгресс: доклады. Екатеринбург, 2015. С. 36–56.

5. Зиняков Н. М. Чёрная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Изд-во «Кузбассвуиздат», 1997. 368 с.

6. Зиняков Н. М. Чёрная металлургия и металлообработка Западной Сибири эпохи раннего железного века и средневековья. Кемерово: ГБУ ДПО «КРИПО», 2019. 168 с.

7. Зыков А. П. Результаты металлографического изучения железных изделий Пахомовского могильника // Проблемы истории регионального развития. Свердловск: Изд-во УрО РАН, 1990. С. 3–11.

8. Зыков А. П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюрские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: Изд-во ОмГУ, 2002.

С. 47–50.

9. Зыков А. П. Топоры Северо-Западной Сибири IX – середины XVII веков // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. Ч. 2. С. 318–338.

10. Зыков А. П. Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 131–140.

11. Зыков А. П. Технология кузнечного производства железных изделий городища Искер XV–XVI вв. // Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2011. С. 158–162.

12. Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.

13. Зыков А. П. Особенности технологии кузнечного производства населения Северо-Западной Сибири II – начала XVIII веков // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Вып. 4. Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 207–221.

14. Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Изд-во «Наука. Восточ. Лит.», 2017. 559 с.

15. Зыков А. П., Фёдорова Н. В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III – IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

16. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. 467 с.

17. Молодин В. И., Чикишева Т. А. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО АН СССР, 1990. С. 161–179.

18. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Изд-во «Вост. Лит.», 2012. 231 с.

19. Шорин А. Ф., Шорина А. А., Зыков А. П. О датировке и культурной принадлежности могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // История и современное мировоззрение. М.: ИД «Юр- ВАК», Т. 1. № 2. 2019. С. 63–70.

О ПРАВИТЕЛЯХ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА С ИМЕНЕМ «ПУЛАД». МОНЕТЫ ПУЛАД-ХОДЖИ

Ф. В. Ермолов¹, Р. Ю. Рева², Б. И. Леонов³

¹Россия, Волгоград, ВРОО «Общественный совет
по культурному наследию»

²Россия, Новосибирск, Министерство культуры РФ

³Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское общество
коллекционеров

Приведён краткий обзор мнений, представленных в исторических и нумизматических исследованиях, о правителях Золотой Орды середины XIV столетия с именем «Пулад». При реконструкции событий «Великой Замятни» историки упоминают ханов с именами «Алп-Ходжа», «Деулиллах-Ходжа», «Кутлук-Ходжа», «Ту[г]лак-Ходжа», которые были введены в научный оборот работами по нумизматике. Проведённое исследование показывает, что появление на свет всех этих персонажей является следствием ошибочного прочтения написанного в необычной манере имени Шибанида Пулад-Ходжи сына Минг-Тимура, отца хана Арабшаха. Известные на сегодняшний день монеты этого правителя чеканены в Гюлистане ал-Джедида в 766 г.х. и Сарайчуке в 775 г.х. После эмиссий Пулад-Ходжи в Сарайчуке в 775 г.х. были выпущены монеты его брата – хана Ильбака. Вопрос о тождественности Пулад-Ходжи и Хайр-Пулада, бывшего монеты в Сарае ал-Джедид в 764 г.х., пока не может быть решён однозначно. Предложены варианты, кто может скрываться под именем «Хайр-Пулад» в случае, если это другой человек, нежели Пулад-Ходжа.

Ключевые слова: Золотая Орда, нумизматика, Великая Замятня, Шибаниды, Пулад-Ходжа, Хайр-Пулад, Ильбак, «Алп-Ходжа», «Деулиллах-Ходжа», Новый Гюлистан, Сарайчук.

ABOUT THE RULERS OF THE THIRD QUARTER OF THE XIV CENTURY WITH THE NAME «PULAD». COINS OF PULAD- KHWAJA

A brief overview of the opinions presented in historical and numismatic studies about the Golden Horde rulers of the middle of the 14 century with the name *Pulad* is given. Historians mention khans *Alp-Khwaja*, *Deulillah-Khwaja*, *Kutluk-Khwaja*, *Tuglak-Khwaja*. All of them were introduced into scientific circulation by numismatic works. The conducted research shows that the appearance all of these phantoms is the result of an erroneous reading of written in an unusual manner of the name of Shibanid *Pulad-Khwaja*, who was the son of *Ming-Timur* and the father of *Arabshah khan*. The coins of this ruler were minted in *Gulistan al-Jadidah* in AH 766 and in *Saraichuk* in AH 775. After the issues of *Pulad-Khwaja* in *Saraichuk* in AH 775 the coins of his brother, *Ilbak Khan*, were issued. The question if *Pulad-Khwaja* the same person that *Khayr-Pulad* who minted coins in the *Sarai al-Jadid* in AH 764 cannot be resolved unequivocally yet. Options are offered for who can hide under the name “*Khair-Pulad*” if it is a different person than *Pulad-Khwaja*.

Keywords: Golden Horde, numismatics, Great Zamyatnya, Shibanids, *Pulad-Khwaja*, *Khayr-Pulad*, *Ilbak*, *Alp-Khwaja*, *Deulillah-Khwaja*, *New Gulistan*, *Saraichuk*.

Историография о правителях середины XIV века с именем «Пулад»¹

Первой публикацией, благодаря которой стало известно о существовании монет с именами правителей середины XIV века, носивших имя Пулад, была «*Resensio numorum*

¹ Нумизматические и письменные источники сообщают о нескольких правителях Улуса Джучи, носивших имя «Пулад». В настоящем исследовании мы не будем затрагивать хана Бек-Пулада, современника и соперника Токтамыша, хана Пулада, сына Тимур-Кутлуга, правившего страной в 809–813 гг.х. при Идегее, Уруханида Пулада сына Токтакии, одного из основателей Казахского ханства, и множество иных Джучидов, носивших это имя, ограничившись персонажами, боровшимися за власть во времена Великой Замятни.

muhammedanorum...» 1826 года Христиана Мартина Френа, в которой автор объединил в одном разделе новосарайские монеты Мир (Хайр)-Пулада 764 г.х. с новогюлистанскими монетами 766 г.х., чеканенными от имени Пулад-Ходжи [36, р. 278], связав оба имени с Булат-Темиром, известным из русских летописей, которые сообщали, что в 60-е годы XIV века «Булак Темерь князь Ординьскы Болгарь взял и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь» [16, с. 181].

В работе 1832 года Х.М. Френ поместил монеты ханов Мир (Хейр)-Пулада, Пулад-Ходжи и с именем Пулад-Тимура в разных разделах, возможно, подразумевая, что это разные персонажи. Легенду на монете последнего эмитента он предположительно прочёл как: «Пулад-Тимур, сын Нугана», датировав её 768 г.х. [32, с. 18–19].

Идея объединить всех трёх эмитентов монет в одного правителя, не осталась незамеченной. В работе 1850 года Василий Васильевич Григорьев снова вернулся к вопросу об единстве всех трёх персонажей.² Указав хронологическую близость монетных выпусков, исследователь посчитал, что «прибавки» к имени Пулад («Ходжа», «Хайр» и «Тимур») «не могут служить препятствием к установлению тождественности» этих правителей, что они могут быть опущены, «как опущено слово Шейх – часть имени Азиз-Шейх-хана» на некоторых типах, относимых к эмиссиям Азиз-Шейха [9, с. 52–53]. В этой же статье В. В. Григорьев усомнился в правильности прочтения легенды «Пулад-Тимур, сын Нугана», предложив альтернативное: «По повелению Пулад-Тейму[r]-хана» и даже высказал предположение, что Пулад-Тимур мог быть сыном хана Джанибека сына Узбека, либо выдавать себя за такового [9, с. 57]. Ниже учёный делает следующее заявление по

² В. В. Григорьев совершенно справедливо заметил, что Пулад-Тимура «летописи не называют царём, то есть ханом, а только князем», после указал, что царями в русских летописях в промежутке 1360–1366 упомянуты только Абдуллах, Мюрид и Азиз-Шейх. «Ни о Хайр-Пуладе, ни о Пулад-Ходже ... они вовсе не упоминают. Это, некоторым образом даёт повод сделать вопрос: Хайр-Пулад и Пулад-Ходжа ... не суть ли одно и то же лицо с Пулад-Теймуром!» [9, с. 53] (?!?! – Ф. Е., Р. Р., Б. Л.).

поводу Пулад-Тимура, «что он, будучи на ханстве вельможею сильным, но, не имея, быть может, прав на престол или находя удобнейшим властвовать под чужим именем, также, по примеру Мамая и князей сарайских, провозгласил от себя ханом некоего Джанибека, а когда этот Джанибек, от которого дошла до нас монета с 767 годом, в том же году умер, то, не имея в виду на место его кого-либо другого, ... продолжал властвовать под именем покойного, как бы в качестве его наместника» [9, с. 60–61].

Павел Степанович Савельев в работе, вышедшей в 1858 году, разбирая варианты легенд на монетах Пулад-Тимура, сначала заметил, что в прочтении Френа можно было бы заменить имя отца правителя с «Нуган» на «Туган», но в итоге поддержал версию В. В. Григорьева об отсутствии отчества Пулад-Тимура на монетах с надписью «Султан покойный Джанибек-хан». В двух вариантах монетных легенд, где Френ предполагал наличие имени отца Пулад-Тимура, П. С. Савельев увидел: «Пулад-Тимура повелением, года 768». На третьем типе он предположительно вычитал: «Гюлистан» (?!?! – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) [22, с. 208–214]. В отличие от своего предшественника, который так и не определился в понимании того Пулад-Тимур – это вельможа, князь или всё-таки хан, П.С. Савельев, приняв за основу тезис В.В. Григорьева о том, что эмитенты с именами Хайр-Пулад, Пулад-Ходжа и Пулад-Тимур – это суть один и тот же персонаж, называл Пулад-Тимура «ханом смутного времени» [21, с. 60].

Версию об единстве Пулад-Ходжи и Мир (Хайр)-Пулада разделяли не только отечественные, но и западные учёные. В изданном в 1881 году «Каталоге восточных монет Британского музея» Стенли Лен-Пуль разместил монеты с такими именами в одном разделе, озаглавив его «Pulad khan» [37, р. 156. №№ 478, 479].

В «Инвентарном каталоге императорского Эрмитажа» Алексей Константинович Марков фиксировал монеты с разными именами правителей, создавая отдельные разделы: «Мир Пулад 764 г.х.» [12, с. 468], «Пулад Ходжа 766 г.х.» [12,

с. 471], «Джанибек II и Пулад Тимур» [12, с. 473]. В Дополнении 1 к «Инвентарному каталогу» учёный добавил четвёртый раздел: «Пулад бен Буга Шах» [12, с. 860]. При этом, исходя из правил построения инвентарных описей, целью которых является максимально точно описать сами предметы хранения без излишних исторических спекуляций, А.К. Марков нигде не указывал, считает ли он возможным то, что часть этих разных имён принадлежали бы в действительности одному или разным людям.

Очевидность идеи, что хан и князь, не ставший ханом, которые носили к тому же разные имена, всё-таки должны быть разными людьми, привела к тому, что в первой половине XX века историки Золотой Орды описывали уже двух правителей середины XIV века с именами, частью которых было «Пулад». В вышедшем в 1940 году труде «Монголы и Русь» Арсений Николаевич Насонов говорит о царе Мир (Хейр)-Пуладе, правившем в 764 г.х. в Новом Сарае, и о «князе ординском» Булат-Темире, захватившим Булгар [15, с. 313, 315]. Ту же информацию можно найти в книге Бориса Дмитриевича Грекова и Александра Юрьевича Якубовского «Золотая Орда и её падение», вышедшей в 1950 году [5, с. 278–279].

В 1954 году Светлана Алексеевна Янина представила прорисовку монеты с неясным именем, исполненным в подражательной манере, которую она, ссылаясь на мнение Х. М. Френа, отнесла к эмиссиям Пулад-Ходжи [34, с. 446, № 104]. Позже Г. А. Федоров-Давыдов сделал собственную прорисовку этого типа и поддержал определение Х. М. Френа и С. А. Яниной [31, с. 69, № 296; Таб. IV, № 296].

В 1960 году вышла фундаментальная работа Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова «Клады джучидских монет», в которой исследователь приводил сведения о составе кладов, сохраняя определения монет, сделанные первым публикатором каждого комплекса. В этом труде указано, что в кладе, найденном в 1954 году в селе Малые Атрясы, помимо прочих были монеты, определённые как «Хаир-Пулад, Гюлистан ал-Джедид 766 г.х.», а

также «Пулад-Ходжа, Гюлистан, год?» [30, с. 158–159, клад № 150]. Изображений монет приведено не было, достоверность предложенного определения верифицировать не представляется возможным. По сути дела, приведённые сведения являются лишь указателем для исследователей, желающим разобраться действительно ли обнаружены новые монетные типы, либо данные определения попросту ошибочные. К сожалению, как мы увидим ниже, неверифицированные нумизматические данные часто становятся причиной ошибок при исторических построениях.

В работе 1960 года Магамет Гарифович Сафаргалиев показал, что под персонажами с именами, в которых присутствует «Пулад», следует понимать, как минимум, трёх разных правителей. «Князя ординского» Булат-Тимура, взявшего Булгар и города по Волге, он вслед за Френом назвал «сыном Нугана» [24, с. 118-119]. Возможным преемником Килдибека он считал хана Мир-Пулата³, «от которого сохранились несколько монет, выбитых в Гулистане и в Сарае в 1361 году (?!?!⁴ – Ф. Е., Р. Р., Б. Л.). Его имя не вошло в русские летописи, и это свидетельствует о краткости его правления; по данным «Анонимо Искендера», он царствовал только три дня» (?!?! – Ф. Е., Р. Р., Б. Л.) [24, с. 118]. Также М. Г. Сафаргалиев, сославшись на туманное указание Натанзи, что после Мюрид-хана правил Азиз-хан сын Тимур-Ходжи, а после него на престол сел Хаджи-хан сын Эрзена [29, с. 130-131], сделал заключение, что Хаджи-хан «сын Ордена» – это Булат-Ходжа, чеканивший монеты «в 1364 году Гулистане», а затем в 1365 году в Сарае (?!?!⁵ – Ф. Е., Р. Р., Б. Л.) [24, с. 124]. М. Г. Сафаргалиев предполагал также, что «Булат-Ходжа искал себе союзника против Булат-Тимура, сидевшего тогда в Булгарах» [24, с. 125]. В приложенной к книге генеалогической таблице М. Г. Сафаргалиев показал Булат-Ходжу, правившего в 1364

³ В издании 1996 года он, в отличие от первой публикации, неожиданно назван «Чир-Пулатом» [25, с. 381].

⁴ Современные исследования не подтверждают наличие таких монет.

⁵ Современные исследования не подтверждают наличие таких монет.

году, потомком Орду-Ичена, представив следующую линию: Чингис-хан – Джучи – Орда-Ичен – Сартактай – Коничен – Баян – Сасы-Бука – Эрзен – Орда-Шейх – Булат-Ходжа [24, с. 276].

С построениями М. Г. Сафаргалиева не согласился Бурибай Ахмедович Ахмедов, который продолжал считать Мир(Хайр)-Пулада и Фулад(Пулад)-Ходжу одним правителем, и предположил его происхождение от Шибана [2, с. 33]. Описывая другого Шибанида – Арабшаха, Ахмедов отметил, что согласно источнику он был сыном Фулада, внуком Бадакула, но не указал, считает ли он возможным связать Фулада отца Арабшаха с эмитентом новосарайских и новогюлистанских монет [2, с. 36].

Азгар Гатауллович Мухамадиев в работе 1983 года «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.» вернулся к идее трёх разных эмитентов, однако очень своеобразно. Рассматривая имя хана, бывшего монеты в Сарае ал-Джедид в 764 г.х., которое предшественники не решались транскрибировать однозначно, называя его то Пулад, то Булат с прибавлением перед ним: Хайр-, Хейр-, Чир-, Мир, на основании того, что он не увидел буквы «и» внутри прибавления к имени, А. Г. Мухамадиев заявил, что читать следует непременно как «Мир-Булат» (?!?!⁶ – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) [14, с. 92]. Для имени второго эмитента, который выпускал монеты в 766 г.х. в Гюлистане ал-Джедид, что опознавалось предыдущими исследователями без особых затруднений как «Пулад-Ходжа», А. Г. Мухамадиев предложил альтернативное чтение – «Деулиллах-Ходжа» [14, с. 92]. Не остался в стороне от исследователя и третий эмитент. Как мы указывали выше, Х. М. Френ прочитал монетную легенду как «Пулад-Тимур, сын Нугана». А. Г. Мухамадиев предложил иной вариант: «Булат-Тимур сын Токла би[я]». Предположив в последнем имени «арабизированную форму написания тюркского имени Тевеккел» (?!?! – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) [14, с. 93–94].

⁶ Накопленный на сегодня объем материала позволяет утверждать, что первая буква имени на всех штемпелях монет этого хана – не «мим», а «ха» или «джим».

В том же 1983 году увидела свет работа Аркадия Павловича Григорьева, в которой автор, опираясь на версию своего знаменитого однофамильца о тождественности людей с именем «Пулад», заявил, что Хайр-Пулад, Пулад-Ходжа и Пулад-Тимур – все эти «три имени последовательно сменял один человек», который был ханом [6, с. 41].⁷ Несколько лет спустя А. П. Григорьев убрал из списка имён единого хана персонажа с именем «Пулад-Тимур», называя его теперь князем, «сыном князя Тевеккеля». Ханов Мир-Пулада / Пулад-Ходжу он продолжал считать одним человеком и без каких-либо колебаний и объяснений называл его потомком Орду-Ичена [7, с. 146, 147, 205].

В 1994 году Юрий Евгеньевич Варваровский защитил диссертацию на тему «Улус Джучи в 60-70-е годы XIV века», в которой учёный справедливо подверг сомнению сведения М. Г. Сафаргалиева о существовании дирхемов с именем Хайр-Пулада, выпущенных в Гюлистане, а также позицию А. П. Григорьева о тождественности Мир-Булата, Булата-Ходжи и Булат-Тимура. К сожалению, в качестве аргументов Юрий Евгеньевич использовал спорные трактовки монет, сделанные А. Г. Мухамадиевым [3, с. 81–84].

В 2000 году в своей работе, посвящённой хронологии правления золотоордынских ханов Валерий Анатольевич Сидоренко показал трёх эмитентов в разных разделах, заметив:

⁷ А. П. Григорьев утверждал, что при смене имён «на монетах последнее имя хана ... писалось Пулад-Тимур ... Это явствует из легенд на монетах Булат-Тимура, где его имя соседствовало с именем Джанибека», [6, с. 41]. Казалось бы, нонсенс! Утверждение о последовательной смене имён противоречит фактам, представленным самим же автором, где имя Пулад-Тимура упомянуто в русских летописях при описании событий, на 3 года предшествовавших выпуску монет Пулад-Ходжою. Но для выхода из щекотливой ситуации было предложено следующее построение: «Обычно исследователи считают Пулад-Тимура монетных легенд одним лицом с Булат-Тимуром русских летописей. Мы полагаем, что русские летописцы рассказывают, скорее, об ордынском военачальнике, находившимся в подчинении у Азиз-шейха, чем о хане-сопернике новосарайского правителя» [6, с. 39]. То есть А. П. Григорьев считал, что помимо хана Пулад-Тимура в 768 г.х. был ещё князь по имени Булат-Тимур. К сожалению, Аркадий Павлович не обратил внимание на то, что на упомянутых им монетах Пулад-Тимура, тот НИГДЕ не был назван ханом.

«Если верно предположение, что Пулад-Ходжа и Хайр Пулад (Мир Пулад) представляли одно и то же лицо, изгнанное Абдуллахом в 764 г.х. из Сарая ал-Джедид, то это предполагает возможное мирное наследование им Гюлистана у Мурида в конце 764 г.х. или начале 765 г.х.» [27, с. 285–286].

В 2002 году увидела свет замечательная работа по генеалогии джучидских правителей, написанная Антоном Григорьевичем Гаевым, который отметил, что Пулад-Ходжа и Хайр-Пулад – это разные ханы. Последнему он приписал не только новосарайские монеты 764 г.х., но и некие монеты 766 г.х., битые в Гюлистане (?!?!⁸ – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*). Хайр-Пулада учёный посчитал идентичным Шибаниду Пуладу сыну Минг-Тимура сына Бадакула и указал, что «Хайр-Пулад правил длительное для смуты время – около 3 лет в вилайете Сарая, чеканя в заметных количествах серебро и медь. Его предшественником на престоле являлся Мюрид хан из той же ветви Шибанидов, потомства Бахадура б. Шибана. Его преемником был Азиз Шейх» [4, с. 28, 50]. К сожалению, ни в тексте, ни в приведённых далее генеалогических таблицах А. Г. Гаев не указал, кого из Чингизидов он считает человеком, чеканившим под именем Пулад-Ходжи.

В работе 2009 года Владимир Петрович Костюков поддержал точку зрения Б. А. Ахмедова, назвав правившего, по его мнению, в Сарае между Мюридом и Азиз-Бабой Пулада (без каких-либо прибавлений к имени) «представителем другой ветви Шибанидов» нежели Мюрид [11, с. 40, 41].

В публикации 2010 года К. К. Семенов вернулся к предположению, что уже не раз было озвучено предыдущими исследователями: «Если Пулад-Ходжу и Хайр-Пулада можно считать одним и тем же претендентом на верховную власть в Золотой Орде, то Пулад-Тимур является совершенно другим историческим деятелем» [26, с. 103–106]. «Новизной» в работе К. К. Семёнова явилось то, что в качестве аргументов в пользу тождественности Хайр-Пулада и Пулада-Ходжи были приведены

⁸ Современные исследования не подтверждают наличие таких монет.

некорректные, скорее всего, неверные сведения о составе Малоатрясинского клада 1954 года, о котором мы упоминали выше, а также якобы отсутствие имени «Пулад» (кроме Пулада отца Арабшаха) в «родословиях потомков Джучи» (?!?! – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) [26, с. 103–106]. Оба представленных аргумента очевидно ошибочны.

Роман Юлианович Почекаев выпустил несколько работ, затрагивающих интересующую нас тему. Рассмотрим его позицию, представленную во втором издании его книги «Цари ордынские...», увидевшем свет в 2012 году. Книга составлена как собрание очерков, один из которых озаглавлен «Пулад, или загадочный хан смутного времени (хан, 1362–1364/1365)». В очерке указано, что «в период между 1361 и 1367 гг. в Золотой Орде действовали сразу три или даже четыре правителя, носивших имя Пулад». Помимо давно известных ханов-эмитентов Хайр(Мир)-Пулада и Пулад-Ходжи и князя Пулад-Тимура русских летописей исследователь дополнительно называет придуманного А. П. Григорьевым хана Пулад-Тимура, якобы эмитента гюлистанских монет 768 г.х. Ссылаясь на фантазийное прочтение А. Г. Мухаммадиевым имени как «Деулиллах» и рассуждая о трактовке событий, представленные в труде Муин ад-Дин Натанзи («Аноним Искандера»), Р. Ю. Почекаев приходит к неожиданному выводу, что Пулад-Ходжа «является, скорее всего, потомком Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи». Именно Тукатимурид Пулад-Ходжа, по мнению автора, захватил трон и окончательно вытеснил в 1363 году другого Пулада из Поволжья [17, с. 175, 180]. Под последним автор подразумевает Хайр-Пулада и считает, что есть много «оснований для отождествления ханов Хайр-Пулада и Пулад-Тимура, чеканившего монету в Гюлистане в 768 г.х. Поскольку второй вариант прочтения имени Хайр-Пулада – «Мир-Пулад», есть вероятность, что «Мир» – это часть имени «Темир», т. е. полное имя хана могло звучать как «Темир-Пулад» [17, с. 175–178]. Здесь исследователь в качестве аргумента сослался также на ярлык, в котором Токтамыш якобы подтвердил тарханные права, предоставленные его

предшественником, неким Тимур-Пуладом⁹, но заметил, что этим Тимур-Пуладом может оказаться не только Хайр-Пулад, но и Улджай-Тимур. Немного ниже исследователь, отбросив все сомнения, решился объявить, что именно Хайр (Мир)-Пулад (он же хан Пулад-Тимур, он же Тимур-Пулад) не только чеканил монеты в Сарае ал-Джедид в 764 г.х. и Гюлистане в 768 г.х. и выдал ярлык, на который ссылался Токтамыш, но также, вслед за А. Г. Гаевым, автор объявил его Шибанидом, потомком Бадакула и отцом Арабшаха, приписав этому персонажу, всё, что было известно из источников об отце Арабшаха.

В 2016 году увидел свет перевод на русский язык замечательной книги Бертольда Шпулера «Золотая Орда. Монголы в России 1223–1502 гг.». Сам труд вышел на немецком языке в 1965 году. Перевод был сделан Маратом Салаватовичем Гатиным, который в подстрочных ссылках достаточно подробно комментировал те или иные положения оригинального текста. В частности, на фразу Шпулера: «Придворный по имени Булат-Тимур взял в свои руки власть над всем Поволжьем» – переводчик заметил, что «Булат-Тимур – предположительно, сын Менгу-Тимура, потомок Шибана», который «погиб в междуусобной войне с ханом ‘Азизом» [33, с. 141]. В следующей сноске М.С. Гатин снова возвращается к мысли, что Мир-Пулад, Пулад-Ходжа, возможно, тоже самое лицо, что и Булат-Тимур, «чьё имя, без указания места чеканки, есть только на одной монете 768 г.х.» (?!?!¹⁰ – Ф. Е., Р. Р., Б. Л.) [33, с. 141].

⁹ В 1844 году был опубликован ярлык Токтамыша, в котором переводчики Я. О. Ярцов и В. В. Григорьев привели текст, где Токтамыш якобы подтверждал ранее предоставленную ярлыком Тимур-Пулада привилегию на тарханные права некоему Бек-Хаджи [8, с. 337-346]. Отсюда следовало, что перед правлением Токтамыша был некий хан с именем Тимур-Пулад. В 1927 году Александр Николаевич Самойлович подверг сомнению наличие имени «Тимур-Пулад» в тексте этого документа, указав, что первые публикаторы приняли за него обычное для ярлыков повеление «bulaj tidimiz» – «так мы сказали». Т. е. ярлык следует считать не подтвердительным, а изначальным, не содержащим ни имени «Тимур-Пулада», ни тем более отсылки к его повелениям [23, с. 141-142].

¹⁰ Неверное утверждение! На момент публикации были известны десятки монет с именем Пулад-Тимура, разных вариантов и даже в разных металлах.

Как мы видим, на сегодняшний день историческая наука так и не пришла к единому мнению относительно правителей, носивших во второй половине XIV века имя «Пулад». Приходится признать, что историки, оперируя доступными для них «фактами» обращали недостаточное внимание на то, насколько используемые в их построениях данные являются действительно достоверной информацией. Обнаружив очередной «факт», исследователи охотно выстраивали вокруг него новые конструкции, вместо того, чтобы подвергнуть его элементарному критическому анализу. А ведь именно вдумчивый разбор нумизматического материала и письменных источников позволил бы существенно уточнить высказанные ранее предположения и отбросить заведомо неправильные суждения.

О хане «Алп-Ходжа»

В 1858 году П. С. Савельев, изучая состав Тетюшского клада, выявил и опубликовал монету, отчеканенную с Сарайчуке в 775 году, указав, что имя эмитента «нельзя прочесть иначе, как Алп-Ходжа» (в арабской прописи было показано два варианта *Алп-Ходжа* и *Алф-Ходжа*) [22, с. 227-228, № 418, Таб. VIII, рис. 114]. В исследовании справедливо замечено, что оборотная сторона монеты бита тем же самым штемпелем, что и монета Шибанида Ильбака сына Минг-Тимура [там же].

В «Инвентарном каталоге» А. К. Маркова такие монеты отмечены с добавлением мягкого знака в имени: «Альп Ходжа. Эс-Сарайчук, 775 г.» [12, с. 477].

В вышедшем в 1927 году «Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam» Эдуард фон Цамбаур отнёс Алп-Ходжу к потомкам Шибана, указав на его правление в 775 г.х. между Шибанидами Ильбаном и Арабшахом [38, р. 246].

В 1960 году М. Г. Сафаргалиев заменил прочтение «Алп-Ходжа» на «Али-Ходжа» и предположил, что сарайчукские и сарайские (?? – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) монеты с именами «Али-Ходжа», «Ильбек» и сарайские с именем «Ага-бек» (на самом деле Каганбек, Сарай ал-Джедид 777 г.х. – *Ф. Е., Р. Р., Б. Л.*) «принадлежат одному и тому же хану... Что же касается

разночтения имени хана как «Ага-бек» или «Али-ходжа» и даже «Ильбек-хан», то оно объясняется только дефектами чеканки монет» [24, с. 127].

В работе 1985 года Вадим Леонидович Егоров посчитал, что «в крупном городе Сарайчике (на р. Урал) ... шла борьба между Ильбаном и Алп-ходжой, которые в 1373–1374 гг. чеканили здесь монеты [10, с. 61].

В 1994 году Ю. Е. Варваровский вернулся к мысли, что Алп-Ходжа и Ильбак – это один человек [3, с. 92].

В 2016 году Роман Юрьевич Рева и Жаксылык Муратович Сабитов указали, что имя «Алп-Ходжа» было прочитано неверно, так как при рассмотрении недавно найденных экземпляров стало понятно, что знаку в начале имени, который П. С. Савельев принял за начальную букву «алиф» предшествуют, по крайней мере, ещё две буквы [19, с. 51]. Авторы в качестве альтернативного чтения имени предложили два варианта Кутлук-ходжа и Ту[г]лак-ходжа, сопоставив эти имена с известными по нарративным источникам Джучидами из династии Тукатимуридов [19, с. 52].

Монеты Пулад-Ходжи. Разбор нумизматических особенностей и сопоставление с письменными источниками

В целях исправления ошибочных исторических построений, возникших вследствие неверной интерпретации нумизматических «фактов», которые появились за два столетия изучения монет Пулада, представим современное состояние нумизматического знания. Начнём с новогюлистанских монет Пулад-Ходжи. Для этого нам придётся предложить читателю заново рассмотреть все этапы интерпретации таких монет, возникшие разночтения и наше текущее видение вопроса.

Как было сказано выше, монеты Пулад-Ходжи 766 г.х., чеканенные в Гюлистане ал-Джедид¹¹ впервые были описаны (без

¹¹ Предпочтительное прочтение: «Гюлистан ал-Джедида», с «ха»/«та-марбута» на конце.

изображений) Х. М. Френом¹² [36, р. 279, №№ 3, 4]. Френ выделил два варианта, существенно отличающихся написанием текста во второй строке аверса. На первом варианте совершенно ясно читается: «Султан / справедливый Пулад / Ходжа хан / Да продлится его царствование». У второго варианта вторая строка аверса сильно искажена. Френ привел своё видение арабского текста и отметил, что не сомневается, что содержание второй строки искаженного варианта то же самое, что и у ясно читаемого первого варианта [36, р. 279, №№ 3, 4]. В. В. Григорьев представил прорисовки двух монет второго варианта, также указав на искажённое написание имени (в слове «Пулад» «вав» соединена с лигатурой «ла») и на палеографическую особенность, где «лам» в слове «ал-Джедида» соединён с последующей буквой через верхнюю петлю [9, с. 32, №№ 121, 122. Таб. II, №№ 23, 24]. С. А. Янина и Г. А. Федоров-Давыдов сделали собственные прорисовки монет с искажённым написанием имени и продолжили интерпретировать вторую и третью строки легенды как «справедливый Пулад / Ходжа хан» [34, с. 446, № 104; 31, с. 69, № 296; Таб. IV, № 296].

А. Г. Мухамадиев предложил новое чтение имени хана на монетах с проблемной второй строкой – «Деулиллах-Ходжа» [14, с. 92]. С этого момента таинственный «Деулиллах» стал неизменным персонажем многочисленных исторических реконструкций истории Великой Замятни.

Авторами статьи было обработано изображения 25 новоюлистанских монет Пулад-Ходжи (рис.1). В результате штемпельного анализа выявлено 9 лицевых, 4 оборотных штемпеля, обнаружено 10 штемпельных связей (рис. 2). Реконструкция штемпелей позволяет уточнить вторую строку легенды проблемного варианта, прочитанного

¹² Изображения такой монеты впервые было опубликовано Фёдором (Францем) Ивановичем Эрдманом в том же 1826 году, но с неверным отношением её к чеканке хана Абдуллаха в Гюлистане в 766 г.х. [35, р. 73, № 244, Таб. III]. Выражаем свою глубочайшую признательность А. И. Бугарчёву за помощь в поиске этого редкого издания.

А. Г. Мухамадиевым как «Деулиллах-Ходжа». Было выявлено 7 вариантов штемпелей с искажённой второй строкой аверса.

Ни один из них не позволяет интерпретировать имя так, как было предложено А. Г. Мухаммадиевым. Самый близкий к такому прочтению штемпель А6 содержит «лишние» буквы («алиф» в начале и «даль» в конце), а также неверные соединения букв внутри слова. То есть прочтение «Деулиллах» слишком ненадёжное, чтобы на его основании вводить нового персонажа, не попытавшись найти эмитента из числа уже известных правителей. Нетрудно заметить, на рисунке штемпели с проблемным чтением соединены в одну гребёнку с аверсами, где «справедливый Пулад-Ходжа», читается без вопросов. Значит необходимо проверить, не та же ли надпись искажённо воспроизведена на спорных монетах?

Разберём побуквенно вторую строку новоюлистанских монет 766 г.х.: первая буква в нормальном варианте – «алиф», в проблемном – тоже¹³; вторая – «лам», в проблемном – «лам»¹⁴; третья – «айн», в проблемном также «айн», но ошибочно прописанная так, как будто она стоит в начальной позиции¹⁵; четвёртая – «алиф», в проблемном тоже «алиф», но ошибочно соединённый (в некоторых случаях слившийся снизу) не с предыдущей, а с последующей буквой; пятая – «даль», в проблемной тоже «даль», но **соединённая с предыдущим «алифом» через верхнюю петлю**¹⁶; шестая – «лам», в проблемном тоже «лам», но протянутый до следующего слова¹⁷; седьмая – «ба», в проблемном – «ба»¹⁸; восьмая – «вав», в проблемном – тоже, но соединённый с последующими

¹³ Мухамадиев «алиф» проигнорировал

¹⁴ Мухамадиев увидел «даль», что допустимо, но маловероятно, так как буква слишком вытянута по вертикали

¹⁵ Мухамадиев принял её за часть предыдущей буквы

¹⁶ Мухамадиев принял соединённые четвёртую и пятую буквы за «вав»

¹⁷ У Мухамадиева также «лам»

¹⁸ Мухамадиев увидел неправильно начертанный «йа»

Рис. 1. Изображения и вес монет Пулад-Ходжи, Голистан ал-Джедидида 766 г.х.

знаками¹⁹; девятая-десятая – лигатура «ла», в проблемном – та же лигатура с высоким финальным харфом, на некоторых штемпелях доходящим до верха «алифа»²⁰; одиннадцатая – «даль», в проблемном – тоже²¹. Таким образом, мы видим, что в проблемном варианте присутствуют абсолютно все те же буквы, что и в нормальном, и даже в том же самом порядке, но со значительными искажениями в написании. То есть легенду второй строки следует читать «справедливый Пулад», как это делали все предшественники Мухамадиева! Несмотря на то, что слово «ал-‘адил» на аверсах А3 и А4 исполнено искажённо, имя «Пулад» угадывается довольно ясно.²² Итак, чтение Мухамадиева – «Деулиллах-Ходжа», которое игнорирует 4 буквы («алиф» – в начале, «ба», «вав» – в середине строки, «даль» – в конце), не учитывает особенности формы харфов и отбрасывает стандартное для формуляра легенд аверсов монет рассматриваемого периода слово «ал – ‘адиль» (справедливый) – следует признать ошибочным²³ и отбросить возможность использования прочтения имени «Деулиллах» в качестве аргументов при исторических построениях. Заметим, новогюлистанские монеты Пулад-Ходжи обладают очень редкой

¹⁹ Мухамадиев, похоже, посчитал, что это искажённый «лам»

²⁰ Мухамадиев увидел здесь 2 буквы «лам» и «ха» в финальном исполнении

²¹ Мухамадиев эту букву проигнорировал

²² Удивительной особенностью аверса А4 является то, что вторая строка выглядит так, что её можно прочесть двояко и как «справедливый Пулад», и как «Пулад справедливый». Как будто слова переставлены местами! Возможно, это случайное совпадение, но, возможно, иное объяснение появления проблемной легенды: неумелые резчики, подражая нормальным штемпелям, случайно переставили местами два слова и в ходе следующих подражаний в этом месте штемпеля получился такой малопонятный гибрид.

²³ Причиной неверного прочтения явилось то, что А. Г. Мухамадиев не провёл штемпельного анализа: не распределил доступные ему монеты по штемпелям, не составил прорисовку каждого отдельного штемпеля, не установил порядок их появления на свет, а «прочитал» вторую строку с нескольких разноштемпельных монет, не обращая внимания на неукладывающиеся в его интерпретацию «лишние» буквы.

Пулад-Ходжа,
Гюлистан ал-Джедида, 766 г.х.

"проблемное" написание

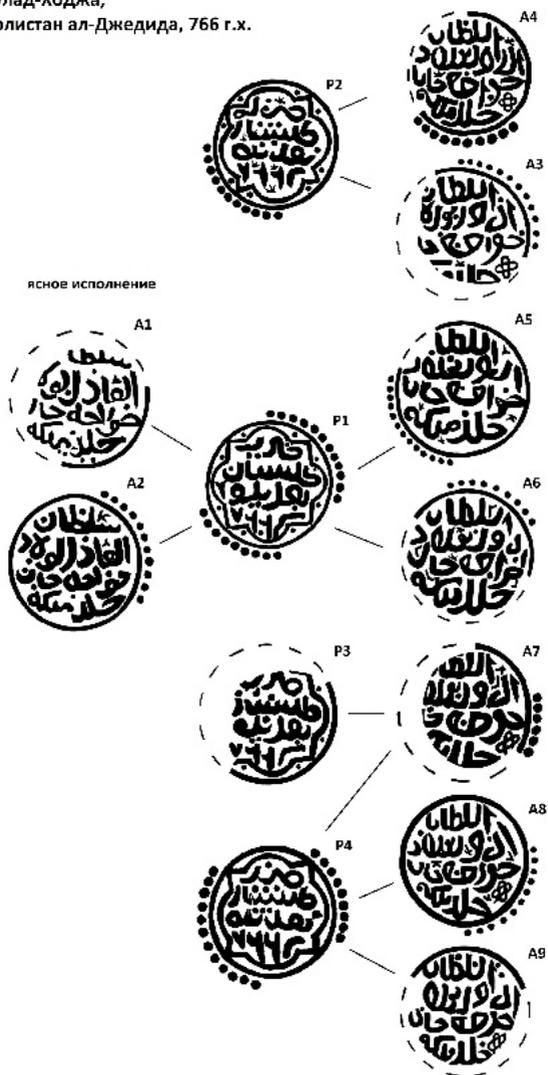

Рис. 2. Штемпельные реконструкции монет Пулад-Ходжи,
Гюлистан ал-Джедида 766 г.х.

палеографической особенностью: в некоторых случаях **буквы, которые должны быть начертаны раздельно** («даль» после «алифа») **или соединяться с предыдущими снизу** («джим») **здесь соединены через верхнюю петлю!**

Рассмотрим теперь монеты «Алп-Ходжи». Недавно стали доступны изображения еще нескольких экземпляров этого типа, позволившие предложить иной вариант прочтения имени. На рис. 3 приведены изображения экземпляров с полностью вошедшим первым слогом имени, отсутствовавшим в прорисовке и чтении П. С. Савельева.

Нами сделаны реконструкции штемпелей и штемпельных связей таких монет (рис. 4). Благодаря ясно видимому началу имени, можно окончательно отбросить варианты «Алп-ходжа» и «Кутлуг-ходжа». Прочтения «Туалак-ходжа» и «Тулак-ходжа», в принципе, не исключены, причем предпочтительным является второй вариант, т. к. на новых экземплярах видно, что до зачистки поля и подправки штемпеля третья и четвертая буквы были соединены снизу, образуя лигатуру «лам-алиф». В дальнейшем штемпель пережил правку (подрезку отдельных элементов рельефа), а износ штемпеля практически изгладил следы прежнего соединения харфов, в результате чего П. С. Савельев при первой публикации монеты этого типа увидел изолированный «алиф», а не лигатуру.

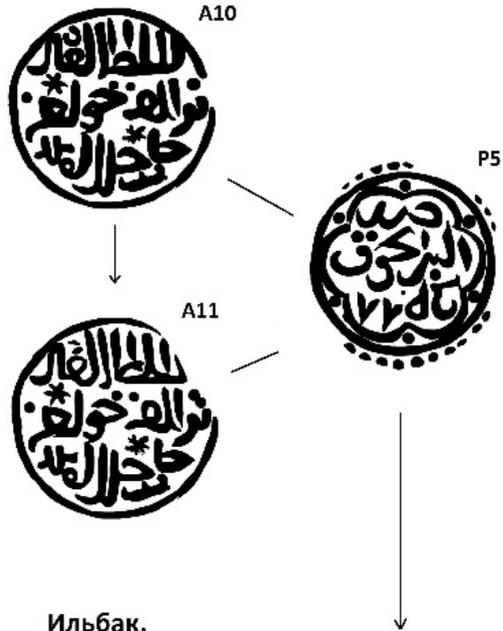
Однако в альтернативу чтению «Тулак-Ходжа» тут же напрашивается и другой вариант: **«Пулад-Ходжа»!**²⁴ То, что принималось за буквы «qaф» или «вав» в конце слова, является, нестандартным, но уже отмеченными нами ранее на новогюлистанских монетах 766 г.х., **соединением через петлю низа предыдущего харфа с верхом следующего**. В нашем случае лигатура «лам-алиф» соединена с буквой «даль». Чтение «Пулад-Ходжа» является предпочтительным ещё и потому, что, как видно на схеме, **буквально тем же самым штемпелем реверса**

²⁴ Справедливости ради надо упомянуть Е. Ю. Гончарова, который в 2016 году, ещё до находок монет, позволивших восстановить полный облик штемпеля аверса, в частном разговоре с Р. Ю. Ревой упоминал возможность отнесения монет «Алп-Ходжи» к эмиссиям Пулад-Ходжи. В 2020 году Ф. В. Ермолов самостоятельно пришёл такому же выводу.

Рис. 3. Изображения и вес монет Пулад-Ходжи и Ильбака, Сарайчук 775 г.х.

Пулад-Ходжа,
Сарайчук 775 г.х.

Ильбак,
Сарайчук 775 г.х.

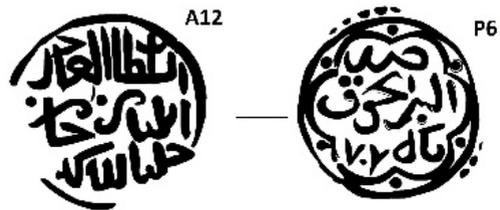

Рис. 4. Штемпельные реконструкции монет Пулад-Ходжи и Ильбака, Сарайчук 775 г.х.

отчеканены монеты другого хана – Ильбака²⁵ (Ильбана). Причем, как показывает доступный на сегодня нумизматический материал, монеты Ильбака биты позже монет Пулад-Ходжи: штемпель реверса на них изношен в большей степени и уже подвергался правке. Заменяв неверно прочитанное имя «Алп-Ходжа» на «Пулад-Ходжа», мы, как указано выше, обнаруживаем, что этот хан является непосредственным предшественником хана Ильбака²⁵, начавшего эмиссию монет в Сарайчуке в 775 г.х. Считаем вполне разумным предположить, что эмитентом сарайчукских монет с именем «Пулад-Ходжа» является Пулад сын Минг-Тимура. Монеты, отчеканенные в Гюлистане ал-Джедид в 766 году, скорее всего, так же являются эмиссией этого правителя. Монеты Пулад-Ходжи новогиулистанской и сарайчукской чеканки сближают не только одинаковое имя эмитента, но и редкие для монет других ханов особенности написания слов, что свидетельствует об особом стиле (почерке) монетариев, служивших этой ветви Шибанидов.

Сравнивая данные, полученные из анализа нумизматического материала со сведениями источников письменных мы приходим к заключению, что **Пулад-Ходжа – это Шибанид Пулад сын Минг-**

²⁵ Ильбак (Айбек, Ибак, Ипак, Ильбан, Эльбек) - Шибанид, сын Минг-Тимура и отец Каганбека. Согласно «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали у хана Минг-Тимура «было шесть сыновей в таком порядке: Ибак, его мать была дочерью Джанди-бека из потомков Самана, а он происходит от Бахрам Чубина; пять других его сыновей – Джанга, Пулад, Суйунч-Тимур, Тутка, Бек-Хванди – происходят от надожницы» [13, с. 348]. В «Таварих-и гузида» сказано иначе, что оба сына и Эль-бек, и Пулад родились от дочери Джанди-бека, потомка Исма'ила Самани [13, с. 34]. Итак, мать Ильбака была потомком Саманидов, которые возводили свою родословную к знаменитым полководцам Сасанидских правителей Ирана. О матери Пулада мнения средневековых авторов разошлись. Однако, они согласны в том, что именно Пулад сын Минг-Тимура стал ханом после смерти отца [13, с. 348; 1, с. 104]. Не исключено, что Пулад был старше Ильбака по возрасту. Ибн Халдун указывал, что Айбек правил своими владениями во времена Мамая, Урусхана и Хаджи-Черкеса, правителя Хаджи-Тархана. «Айбекхан отнял у него (Хаджи-Черкеса – *Ф.Е., Р.Р., Б.Л.*) Сарай и несколько времени самовластно правил им. Потом он погиб и после него Сараем правил сын его Карихан (Каганбек – *Ф.Е., Р.Р., Б.Л.*)» [30, с. 389, 391]. Последнее утверждение подкрепляется монетами Каганбека, битыми в Сарае ал-Джедид в 777 г.х.

Тимура, старший брат Ильбака и отец Арабшаха, и именно он чеканил новогюлистанские в 766 г.х. и сарайчукские монеты в 775 г.х. Этот вывод показывает ошибочность некоторых построений предшественников: Х. М. Френа, что Пулад-Ходжа — это Пулад-Тимур, сын Нугана; Э. Цамбаура, что Ильбак правил ранее «Алп-Ходжи»; М. Г. Сафаргалиева о том, что Пулад-Ходжа — это Ордуид, сын Эрзена, а «Алп-Ходжа» — это Али-Ходжа, он же Ильбек, он же «Ага-бек»; А.П. Григорева, что Пулад-Ходжа — это Ордуид, родственник Чимтая и Орда-Шейха; Р. Ю. Почекаева, что Пулад-Ходжа — это Тукатимурид, изгнавший Пулада отца Арабшаха из Поволжья, М.С. Гатина, что Пуладом, сыном Шибанида Минг-Тимура, был некий придворный Булат-Тимур, погибший в войне с ‘Азизом.

Хайр-Пулад. Место в генеалогии Джучидов

Определив, кто из Джучидов является эмитентом монет, чеканившим под именем Пулад-Ходжи, мы никак не приблизились к решению вопроса: Хайр-Пулад и Пулад-Ходжа – это один и тот же или два совершенно разных человека? Не отбрасывая возможность того, что Хайр-Пулад и Пулад-Ходжа могут оказаться одним человеком, предложим ещё один вариант для идентификации эмитента новосарайских монет 764 г.х.

Среди потомков Джучи указан Булад (Пулад) сын Даулатшаха. В «Таварих-и Гузида» и «Бахр ал-асрар» есть такая генеалогическая линия: Джучи – Шибан – Сайилкан – Кутлук-Тимур (вариант Туклук-Тимур) – Бораклы – Даулатшах – Булат. Сыном этого Булада назван Балх-оглан [13, с. 37–38, 351]. Булат сын Даулатшаха потомок Джучи в шестом поколении, также как Пулад-Ходжа сын Минг-Тимура. На одно поколение младше Азиз-Баба, которого в настоящее время исследователи соотносят с Азиз-Шейхом, чеканившим монеты в Гюлистане в 766–768 гг.х. и Сарае ал-Джедид в 767-768 гг.х. [4, с. 28; 18, с. 29]. Азиз-Баба является, как и вышеуказанный Булад (Пулад),

потомком Сайилкана²⁶ – девятого сына Шибана по следующей генеалогической линии: Джучи – Шибан – Сайилкан – Кутлук-Тимур (вариант Туклук-Тимур) – Боралди – Балык – Туй-Ходжа (вариант Тун-Ходжа) – Азиз-Баба [13, с. 37–38, 351]. В случае если подтвердится тождественность Азиз-Бабы и Азиз-Шейха²⁷, то ничто не мешает предположить, что он мог вступить в борьбу за власть после Пулада сына Давлатшаха, приходившимся ему троюродным дядей. Пулад же чуть раньше мог попытать своё счастье после ухода с политической арены представителей другой ветви Шибанидов, потомков Кадака: Хызра²⁸ и Тимур-Ходжи.

Генеалогия Шибанидов — правителей Золотой Орды периода Великой Замятни представлена на рис. 5.

Выводы

1. Имя эмитента на монетах «Гюлистан ал-Джедида 766 г.х.» следует читать как Пулад-Ходжа. Правителя с именем «Деулиллах-Ходжа» не существовало.

²⁶ В тексте А. Г. Гаев ошибочно назвал Азиз-Бабу потомком Куртуки, седьмого сына Шибана [4, с. 28]. Однако в «Таварих-и Гузида», «Бахр-ал-асрар», как, впрочем, и в самой генеалогической таблице Гаева, он показан потомком девятого сына Шибана – Сайилкана [13, с. 37-38, 347, 351; 4, с. 51-52].

²⁷ Ж. М. Сабитов считает, что Балх сын Булада – это то лицо, что упомянуто в «Таварих-и Гузида» под именем Балх-оглана из группы Шахбахт, который помог воцариться Абулхайру сыну Давлатшаха, что произошло в 833 г.х. На основании того, что Азиз-Баба и Балх сын Булада - представители одного поколения Джучидов, Ж.М. Сабитов сомневается в правильности отождествления Азиз-Бабы с Азиз-Шейхом 760-х г.х. [20, с. 113]. Заметим, что, действительно, и Азиз-Баба и Балх - представители одного поколения, к которому принадлежали также ханы Бердибек (чеканил монеты 758-760 г.х.), Каганбек (777 г.х.), Арабшах (779 г.х.). Абулхайр же на два поколения младше. Вполне возможно, что Балх мог дожить до времени Абулхайра, но мы категорически не согласны с очевидно неверным предположением, что Азиз-Баба не мог быть современником представителей своего же поколения. Добавим сюда, что в некоторых значениях слова «шейх» (старец, старшина, лидер, вождь) и «баба» (духовный учитель, старейшина, основатель рода) семантически близки. Таким образом, нет никаких препятствий к тому, что Азиз-Баба и Азиз-Шейх – это один и тот же человек.

²⁸ Согласно генеалогии, Хызр и Мюрид приходились четверюродными дядями как Пуладу сыну Даулатшаха, так и Пуладу сыну Минг-Тимура [13, с. 37, 350].

2. Монеты Сарайчука 775 г.х. также относятся к чеканке Пулад-Ходжи, чтение «Алп-Ходжа», «Кутлуг-Ходжа» является неверными.

3. Пулад-Ходжа указанных монет — это Шибанид Пулад сын Минг-Тимура нарративных источников.

4. Монеты Сарая ал-Джедид 764 г.х. с именем «Хайр-Пулад» мог чеканить как Пулад-Ходжа сын Минг-Тимура, так и Шибанид Пулад сын Даулатшаха.

В следующих публикациях авторы надеются разобрать сложный вопрос о происхождении Пулад-Тимура, а также предложить своё видение роли Шибанидов в событиях Великой Замятни.

Список источников и литературы

1. Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков / Перевод Г. С. Саблукова. Москва-Ташкент-Бишкек: «Туркестан», 1996. 544 с.

2. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Издательство «Наука», 1965. 196 с.

3. Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 128 с.

4. Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том. 3. Нижний Новгород: «Регион», 2002. С. 9–55.

5. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 480 с.

6. Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70 годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VII. Л., 1983. С. 9–54.

7. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. 274 с.

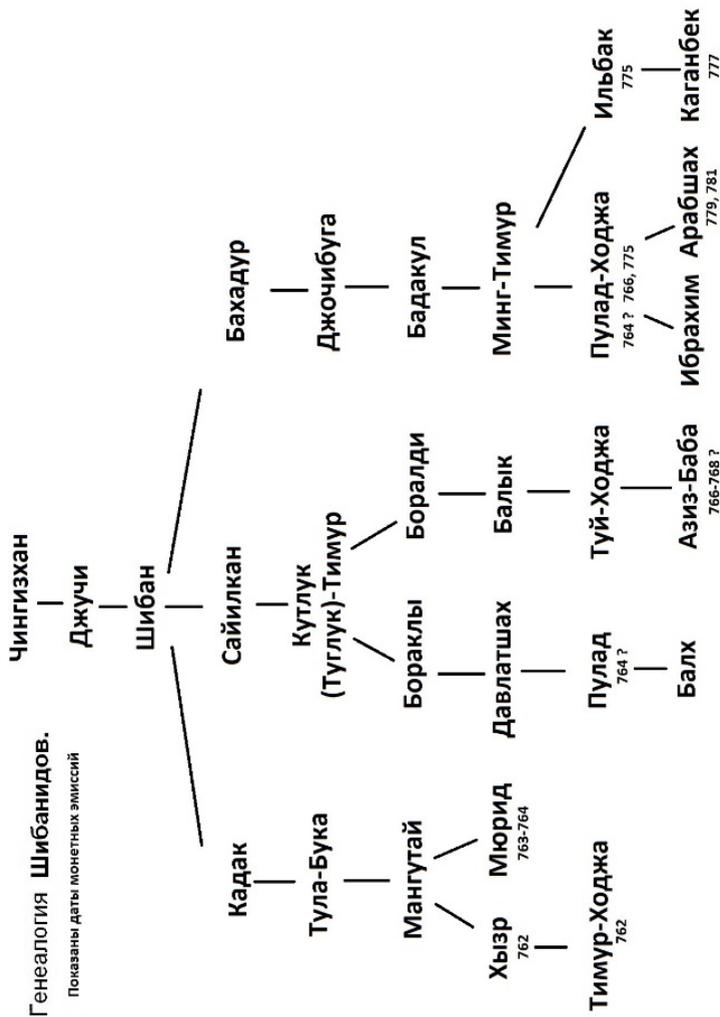

Рис. 5. Генеалогия Шибанидов. Показаны даты монетных эмиссий.
(Составлено Р. Ю. Ревой)

8. Григорьев В. В. Ярлыки Тохтамышша и Сеадет-Герая // Записки Одесского Общества. Т. I. Одесса: Городская типография, 1844. С. 337–346.

9. Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санктпетербургского Археологическо-Нумизматического Общества. Т. II. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1850. С. 1–63. Таб. I–IV.

10. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XII–XIV вв. М.: «Наука», 1985. 248 с.

11. Костюков В. П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века. Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 39–43.

12. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб.: Типолиитография Н. Зейферт, 1896. 879 с.

13. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: «Наука», 1969. 548 с.

14. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Издательство «Наука», 1983. 188 с.

15. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб.: «Наука», 2002. 416 с.

16. Полное собрание русских летописей. Том XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

17. Почекаев Р. Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: «Евразия», 2012. 464 с.

18. Рева Р. Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской научной конференции г. Курган 21–22 апреля 2017 года. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 25–36.

19. Рева Р. Ю., Сабитов Ж. М. Кутлуг-Ходжа или Ту[г]

лак-Ходжа? Клань Тукатимуридов во второй половине XIV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2016 года. М.: РИА «Внешторгиздат», 2016. С. 51–58.

20. Сабитов Ж. М. Таварих-и гузида-йи нусрат-нама как источник по генеалогии Джучидов // Золотоордынская Цивилизация. Выпуск 2. Казань: «Фэн», 2009. С. 108–116.

21. Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамышша // Записки Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. Т. XII. Выпуск 1. СПб., 1857. С. 1–180.

22. Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамышша // Записки Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. Т. XII. Выпуск 2. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1858. С. 181–342.

23. Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Бывш. Таврической учёной архивной комиссии) Т. 1 (53-й). Симферополь, 1927. С. 141–144.

24. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 280 с.

25. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: «Инсан», 1996. С. 280–526.

26. Семенов К. К. Пулад-Ходжа и Хайр-Пулад. Историко-археологические записки. [Кн.] I Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2010. С. 103–106.

27. Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Выпуск VII. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2000. С. 267–288.

28. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских.

- СПб.: Издано на иждивение графа С. Г. Строганова, 1884. 566 с.
29. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 308 с.
30. Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.
31. Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М.: Издательство «Наука», 1980. С. 58–76. Таб. I–IV.
32. Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий. СПб.: Императорская Академия наук, 1832. 112 с.
33. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Перевод М. С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
34. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 424–484.
35. Erdmann F. Numophylacium Universitatis Caesareae Literarium Casanensis. Orientale. Casani: Typis Universitatis Caesareis, 1826. 94 p.
36. Fraehni Ch. M. Recensio Numerum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli: Prima Academiae Imp. Saecularia, 1826. 781 p.
37. Lane-Pool S. Catalogue of Oriental coins in British Museum. Vol. VI. Coins of Mongols. London: Printed by order of the trustees, 1881. 384 p.
38. Zambaur E. Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l’Histoire de l’Islam. Hanovre: Librairie Orientaliste Heinz Lafaire, 1927. 444 p.
39. Zeno. Интернет-база www.zeno.ru

УДК 902.2(571.12)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2019 ГОДА НА ГОРОДИЩЕ ИСКЕР

А. А. Адамов, Н. П. Турова

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

В статье приводятся результаты археологических исследований, проведенных в 2019 г. на площади городища Искер в Тобольском Прииртышье. Дается описание, интерпретация и датировка выявленных в раскопе 5 артефактов, культурных напластований и сооружений, представленных рвом и валом. Выполнена графическая реконструкция отдельных этапов возведения фортификационного сооружения.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Тобольское Прииртышье, Сибирское ханство, эпоха Средневековья, городище Искер, фортификационные сооружения.

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL WORK IN 2019 ON THE ISKER SETTLEMENT

The article presents the results of archaeological research carried out in 2019 on the area of the Isker settlement in the Tobolsk Irtysh region. A description, interpretation and dating of 5 artifacts, cultural layers and structures, represented by a ditch and a rampart, revealed in the excavation are given. A graphic reconstruction of individual stages of the construction of the fortification was carried out.

Keywords: archeology, Western Siberia, Tobolskoje Priirtyshje, the Siberian khanate, the Middle Ages, the Isker settlement, fortifications.

Осенью 2019 г. сотрудниками Тобольской комплексной научной станции УрО РАН проведены археологические

разведочные исследования на городище Искер. В ходе рекогносцировочных работ был изучен участок фортификационной системы городища в северной части оврага.

В 1960 г. Постановлением Совета министров РСФСР № 1327 памятник был включен в список объектов археологии, подлежащих охране, под наименованием «Кучумово городище» – древняя столица Сибирского ханства». В научной литературе памятник чаще всего именуется как городище Искер (другие названия: Кучумово городище, Кашлык, Сибирь, Старая Сибирь). Городище Искер находится в 16,4 км от Тобольского Кремля, в 1 км от с. Преображенка, на правом берегу р. Иртыш, на мысу у устья р. Сибирки (рис. 1).

Работы 2019 г. стали продолжением исследований, начатых А. А. Адамовым в 2008 г., по выявлению следов фортификации на дне оврага, отделяющего площадку городища с напольной стороны [1]. В результате работ 2008 г. исследователем выделено 2 основных этапа строительства укреплений по дну оврага: 1) выкопан ров, склон сделан более крутым; позднее ров был заполнен большим количеством материкового суглинка, образовавшегося в результате работ по выравниванию верхней части склона, ведущего к городищу; 2) по дну оврага, вдоль обоих склонов, были выкопаны рвы (один, наиболее глубокий (глубина доходила до 1,7 м, ширина – до 6,5 м), шел вдоль северо-восточного склона оврага. Этот ров за время функционирования города был полностью засыпан культурным слоем, представляющим собой разнообразный бытовой мусор, содержащийся в прослойках, перемешанных в разных пропорциях темно-серого и материкового суглинков, а также в золисто-углистых прослойках [1, с. 42]. Этот насыпной слой, мощностью до 3,8 м, фиксируется на поверхности в виде вытянутой насыпи к северу от изученного в 2008 г. раскопа 4 (вниз по дну оврага, в сторону спуска к р. Сибирке).

Именно у северной оконечности этой насыпи, на месте предполагаемой фортификационной линии городища, и был разбит раскоп 5 с целью уточнения мощности и характера культурных напластований, связанных, прежде всего, с

первым этапом строительства укреплений (по А. А. Адамову), так как из-за значительной глубины раскопа 4 детально сделать это в 2008 г. не удалось. Место на участке под раскоп представляет собой достаточно ровную площадку размером около 6 x 5 м, расположенную в непосредственной близости от существовавшего еще в начале 90-х годов колодца с деревянной обкладкой стенок (сейчас на месте колодца – шурф черных копателей). К северо-западу от этой площадки, чуть выше по склону, начинает хорошо прослеживаться ров и внешний вал протяженностью до 25 м (эти объекты перестают фиксироваться на участке практически отвесного склона) (рис. 2).

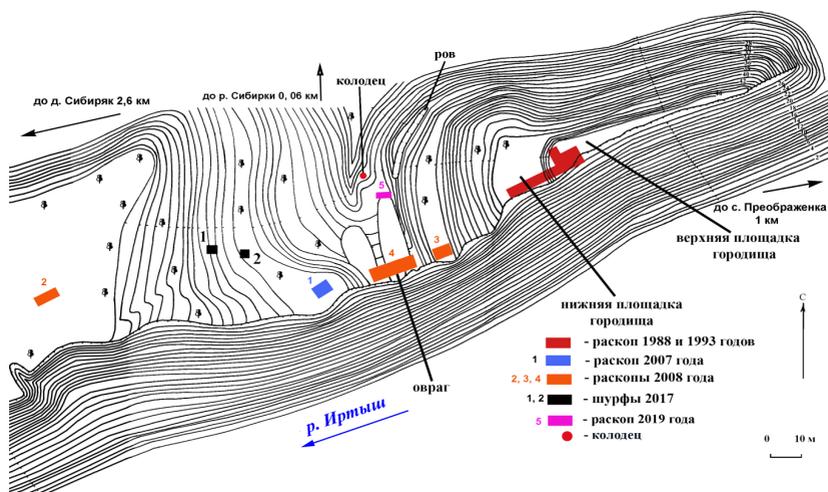

Рис. 1. План городища Искер с обозначением раскопа 5, а также раскопов и шурфов предшествующего времени

Разведочному раскопу присвоен порядковый номер 5 (сквозная нумерация раскопов, вскрытых на памятнике тобольскими археологами). Раскоп размером 5 x 2 м заложен на северо-западной окраине фортификационной линии городища, разбит с учетом ландшафтной ситуации и планиграфии памятника – длинной стороной раскоп 5 ориентирован поперек оврага – в

направлении 3-В (рис. 1-2).

Вскрыто 11 условных горизонтов. Мощность культурных напластований в раскопе 5 колеблется от 66 до 220 см (во рву). В раскопе изучен участок фортификационной системы городища Искер: зафиксированы внешний вал и ров (рис. 3-4).

Рис. 2. Вид на участок исследований и рекультивированный раскоп 5 с юго-запада. На заднем плане виден сохранившийся участок фортификационной линии городища Искер

В ходе раскопок было установлено, что для сооружения фортификационной линии на данном участке был срезан почвенный слой (дерново-гумусная прослойка и серая лесная почва) по склону, выше рва. Затем был выкопан ров. Вся перемещенная почва, преимущественно желтый материковый суглинок, была использована для создания западного вала, который по первоначальной высоте, скорее всего, достигал уровня верхушки восточного борта рва, образованного в

Рис. 3. Фото. Городище Искер. Раскоп 5. Профиль южного борта раскопа 5

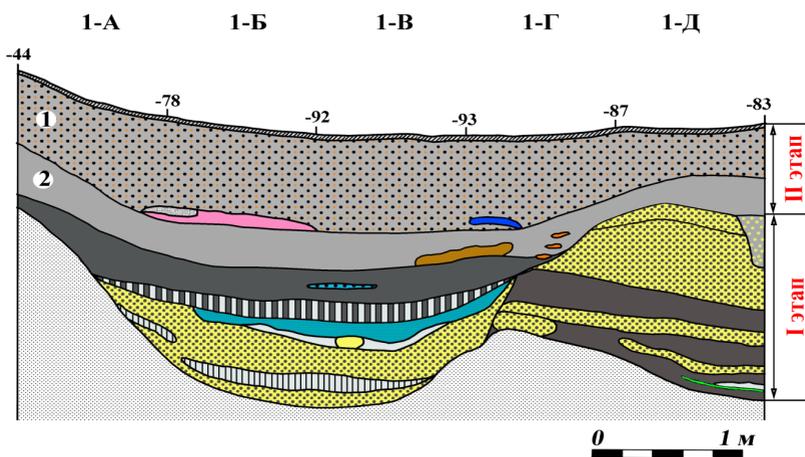

Рис. 4. Городище Искер. Схематический стратиграфический разрез южного борта раскопа 5

результате срезания части склона. Наибольший перепад высот между вершиной восточного борта вала и дном рва, фиксируемый по современному уровню материкового суглинка в раскопе 5, достигает 206 см (рис. 5).

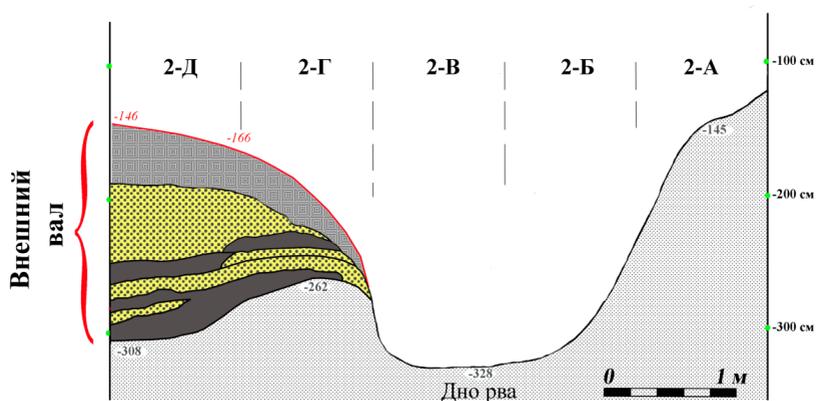

Рис. 5. Городище Искер. Графическая реконструкция фортификационной системы на основе северного борта раскопа 5

Какое-то время фортификационная система просуществовала в этом виде. Затем, в результате естественных процессов, в том числе и водной эрозии, на дне рва образовался слой из материкового суглинка и прослойка глины мощностью до 40 см. Вскоре по дну рва были вкопаны два столба диаметром не менее 20 см, установленные на расстоянии около 1 м друг от друга вдоль рва, вблизи западного вала (рис. 6, 7). Эти деревянные конструкции могли служить в качестве надолбов (если в дальнейшем будут выявлены другие столбы), либо опорой деревянного настила для перехода через ров (проход к колодцу с площадки городища по восточному склону оврага). Столбы простояли какое-то время, за которое ров заполнился грунтом на высоту до 100 см (находки из этого заполнения представлены

преимущественно немногочисленными костями животных – кухонными остатками).

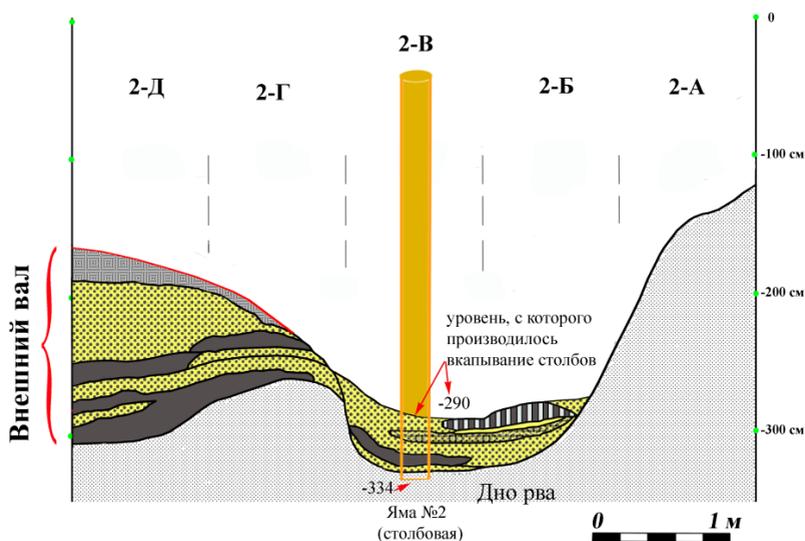

Рис. 6. Городище Искер. Графическая реконструкция фортификационной системы на основе северного борта раскопа 5 (этап установки столбов по дну рва)

На следующем, втором этапе существования фортификации, появляются новые конструкции – объекты I и II (судя по всему, они синхронны). Столбы, ранее вкопанные в дно рва, к этому времени были утрачены (выше уровня шестого условного горизонта их следы не прослеживаются). Объект I представляет собой своеобразный заплот, проходящий поперек гребня западного вала и врезающийся в восточный борт рва в направлении 3-В. Он фиксируется в виде деревянных конструкций, впущенных в борта рва с помощью нешироких канав (в среднем около 28 см). Канавки выкапывались на глубину около 0,5 м. Наибольшая

зафиксированная длина объекта Ia составляет около 140 см; объекта Ib – около 155 см (рис. 8). Деревянные детали сохранились плохо, поэтому трудно даже сказать, были ли это доски, уложенные на ребро, или жерди.

Объект II представлен фрагментами нескольких досок шириной около 12 см, толщиной от 2 до 4 см, которыми, вероятнее всего, был укреплен невысокий к тому времени внутренний (по отношению ко рву) склон гребня западного вала (рис. 8).

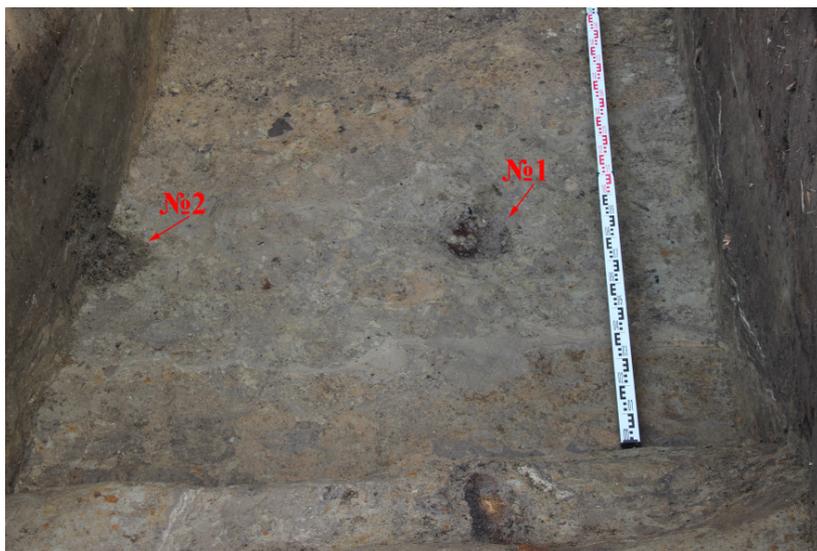

Рис. 7. Городище Искер. Зачистка на уровне 7 условного горизонта. Заполнение рва (квадраты 1,2-Б,В). Видны очертания столбовых ям №1 и №2. Вид с 3

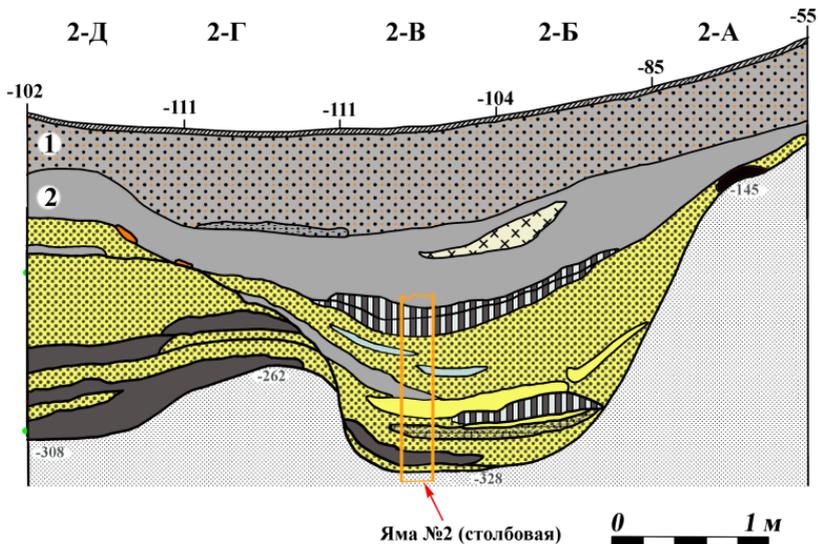
На данном этапе исследований функциональное назначение вышеописанной конструкции (объекты I и II) определить сложно. Можно лишь предположить, что на исследованном участке было возведено или ограждение (заплот), или настил для прохода к колодцу. Без проведения дополнительных раскопок судить об этом сложно. Вероятнее всего, сооружение этой конструкции

было связано с началом функционирования города Сибир в качестве столицы Сибирского ханства.

Ров, постепенно заполняясь образующимся культурным слоем, утратил свою функцию, и был сnivelирован. Культурный слой этого периода, достигающий мощности от 50 до 110 см, прослеживающийся по всей площади раскопа 5, представлен двумя основными прослойками: 1) слоем серого суглинка с включениями фрагментов обожженной глины и угля мощностью от 26 до 70 см (рис. 4, 9); 2) слоем серого суглинка мощностью от 9 до 50 см (рис. 4, 9). Именно в этих слоях залежали все индивидуальные находки раскопа 5, датирующиеся XV–XVI вв. (рис. 10), а также большая часть массовых: кости, куски прокаленной глиняной обмазки от чувалов.

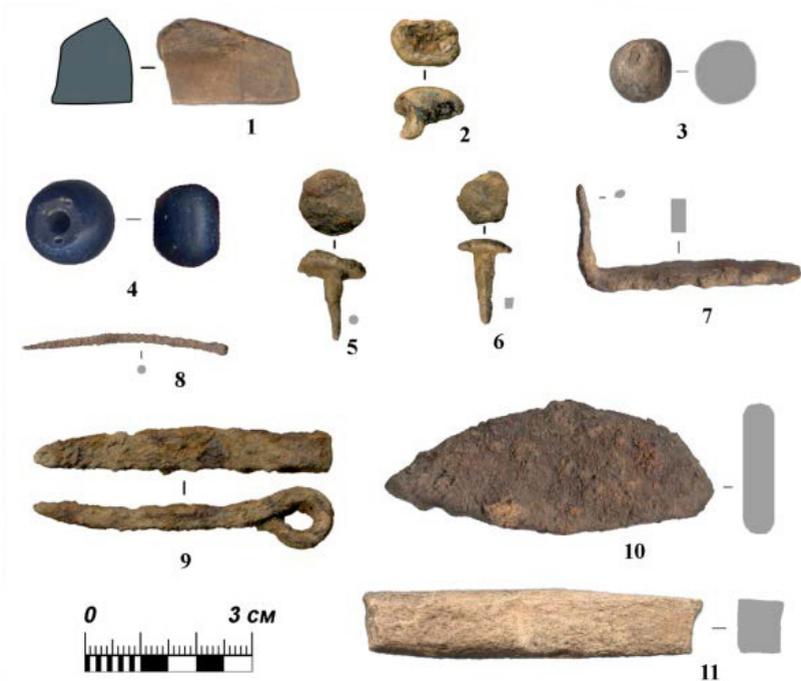
Рис. 8. Фото. Городище Искер. Зачистка на уровне 5 условного горизонта. Вид с востока на деревянные элементы конструкции объектов I и II

*Рис. 9. Городище Искер.
Схематический стратиграфический разрез северного борта
раскопа 5*

В толще прослоек 1 и 2 (условные горизонты 1-5) обнаружено 32 индивидуальные находки: свинцовая пуля (рис. 10, 3), железные иглы (рис. 10, 8), ушко чугунного котла (рис. 10, 10), медные пластинки, железные язычки от пряжек (рис. 10, 9), железные обивочные гвоздики (рис. 10, 5-6), скоба (рис. 10, 7), кольчужное колечко, фрагмент крышечки от медного кувшина, фрагмент костяного наконечника стрелы (рис. 10, 11), стеклянная бусина (рис. 10, 4), фрагменты неорнаментированной лепной посуды, каменное точило (рис. 10, 1), фрагмент свинцовой товарной пломбы (рис. 10, 2), обломок средневекового кирпича.

Массовые находки из одиннадцати условных горизонтов (504 экз.) представлены фрагментами обожженной глины от чувалов, шлаками, крицей, камнями, а также палеозоологической коллекцией, в которой присутствуют кости КРС, МРС, лошади,

*Рис. 10. Городище Искер. Раскоп 5.
Индивидуальные находки из напластований горизонтов 2-5*

верблюда, лося, косули, собаки (определения выполнены к.б.н. П. А. Косинцевым).

Материалы, полученные в ходе археологических исследований на данном участке памятника, не позволяют однозначно определить время начала работ по возведению фортификационной линии первого этапа (вал, ров, столбовые ямки). Исследователями не раз отмечался тот факт, что в напластованиях городища Искер кроме артефактов конца XV–XVI вв. (относимых к функционированию городища Искер, как столицы Сибирского ханства), присутствуют и находки более раннего времени – XII–XIV вв. [4, с. 15; 3, с. 19; 2, с. 177–180].

Культурный слой этого периода на городище Искер А. А. Адамов связывает с приходом на территорию Тобольского Прииртышья значительных групп населения из Предуралья [2, с. 180]. До проведения дополнительных исследований (отобраны пробы угля из насыпи западного вала и дерева из столбовой ямы) воздержимся от определения времени сооружения оборонительной линии.

Объекты I и II, а также напластования первых пяти условных горизонтов можно без сомнения отнести к периоду Сибирского ханства и датировать (на основании индивидуальных находок) концом XV–XVI вв.

Часть выявленного в раскопе инвентаря можно отнести к 1582–1585 гг. и связать с присутствием на городище русского воинства (казаков атамана Ермака и стрельцов воеводы Болховского).

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические исследования 2007–2008 гг. на городище Искер // Историческая судьба Искера: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческая судьба Искера» (7–8 июня 2013 г., Тобольск) / под ред. З. А. Тычинских. Тобольск: «Принт-экспресс», 2013. С. 39–44.

2. Адамов А. А. Городище Искер // Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 176–185.

3. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16–20.

4. Могильников В. А. О времени заселения городища Искер // Тобольский хронограф. Вып. 4. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С. 113–119.

**ПОНЯТИЯ «АК УРДА», «БҮЗ (БОЗ) УРДА» И
«АЛТЫН УРДА» В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»: НА ПУТИ К
ОСМЫСЛЕНИЮ ИХ СОДЕРЖАНИЯ (ЧАСТЬ III)**

Д. М. Исхаков

*Россия, Казань, Центр этнологического мониторинга
Всемирного конгресса татар, журнал «Туган жир» / «Родной
край»*

Завершающая часть темы, которая разрабатывалась нами в предыдущих двух публикациях [3; 4], посвящена одному из ключевых аспектов проблем происхождения названия «Золотая Орда / Алтын Урда», нашедшего отражение в дастане «Идегей», имеющемся у большинства кыпчакоязычных народов. Речь идет о сюжетах эпоса, связанных с понятиями «Ак Урда», «Бүз (Боз) Урда» и «Алтын Урда». Анализ эпических сюжетов, связанных с этими понятиями, не только позволяет лучше понять их смысл, но и решить некоторые спорные проблемы, имеющие отношение к формированию аутентичных наименований Улуса Джучи, в том числе закрепившегося за ним в исторической науке названия «Золотая Орда».

Ключевые слова: урда/орда, Ак Урда, «Бүз (Боз) Урда», Алтын Урда, ханская ставка, шатер/юрта, центр власти.

**THE CONCEPTS OF «AK URDA», «BUZ (BOZ) URDA» AND
«ALTYN URDA» IN THE DASTAN «IDEGEY»: ON THE WAY
TO UNDERSTANDING THEIR CONTENT (PART III)**

The final part of the topic, which was developed by us in the previous two publications [3; 4], is devoted to one of the key aspects of the problems of the origin of the name «Golden Horde / Altyn Urda», which is reflected in the dastan «Idegey», which is available to most Kipchak-speaking peoples. We are talking about the subjects

of the epos, associated with the concepts of «Ak Urda», «Buz (Boz) Urda» and «Altyn Urda». The analysis of ethnic subjects, related to these concepts, not only allows us to better understand their meaning, but also to solve some controversial problems, related to the formation of authentic names of the Jochi Ulus, including the name «Golden Horde», that has been fixed for it in historical science.

Keywords: Urda/horde, Ak Urda, «Buz (Boz) Urda», Altyn Urda, Khan's headquarters, tent/yurt, center of power.

Нами ранее было уже отмечено, что до того, как все версии дастана «Идегей», бытовавшие у разных тюркских народов, не будут опубликованы, приходится опираться на их изданные национальные версии, ибо «изначальный» текст эпоса, так сказать, его инвариант, все еще не реконструирован (если это вообще возможно). В данном случае возникает ряд проблем (о них см. детальнее: [5; 6]), для преодоления которых следует учесть разные варианты рассматриваемого дастана, бытовавшего в прошлом у тюркских народов Евразии. При этом следует иметь в виду, что у одних и тех же народов может наблюдаться значительная вариативность интересующего нас эпического произведения. У ногайцев, например, недавно был опубликован компендиум текстов данного дастана, содержащий его далеко не идентичные 14 вариантов [17]. Исходя из стоявших перед нами задач для исследования поставленной проблемы, кроме татарской версии эпоса «Идегей» [4; 13; 14] – а он вообще то является результатом обобщения нескольких его народных версий, были привлечены опубликованные варианты эпоса, бытовавшие в прошлом у крымских татар [18], ногайцев [17], каракалпаков [2] и казахов [1].

До нас специальное внимание проблеме использования в источниках и дастанах терминов «Ак Урда», «Бүз (Боз) Урда» и «Алтын Урда» уделялось в казахстанской историографии. Из старых исследований надо отметить выполненную на высоком уровне работу известного тюрколога, историка В. П. Юдина [18], обратившегося к этой теме в связи с публикацией сочинения

Утемиша-хаджи «Чингиз-наме». В этой работе имеются ценные наблюдения относительно названных и некоторых других средневековых понятий, связанных со цветовой и иной маркировкой разных «орд» золотоордынской эпохи. Недавно к этой же проблеме обратился другой казахстанский историк – А. К. Кушкumbaев [7; 8], привлекая к анализу материалы казахских версий эпоса «Идегей». Несмотря на то, что был проведен достаточно качественный анализ по определению исторического содержания интересующих нас понятий, из поля зрения этого исследователя некоторые существенные моменты употребления их в дастанах «Идегей / Эдиге» все же ускользнули, главным образом, именно потому, что он не вышел за рамки собственно казахских версий дастана. Между тем, как показывает наш опыт, привлечение и других национальных вариантов эпоса «Идегей» позволяет не только установить более точное смысловое наполнение указанных выше терминов, содержащихся в дастанах, посвященных Идегею, но и понять подлинное историческое содержание, скрывающееся за каждым из них. А это, как будет видно из дальнейшего, весьма важно для установления глубинных основ именованной такой громадной средневековой империи, как Улус Джучи, Белой / Золотой Ордой.

Целесообразно начать с рассмотрения присутствующих в дастане «Идегей» понятий «Ак Урда» и «Алтын Урда». Вначале приведем отрывки из татарской версии эпоса, где фигурируют оба термина:

Алтын Урда, Ак Урда

Алтмыш йортка юл иде [4, с. 20].

В данном случае эти термины, кажется, использованы как взаимозаменяемые, синонимичные. Однако, в эпосе присутствуют и случаи, когда они выступают как самостоятельные обозначения:

Вариант поволжских татар

*Кырым, Казан, Әждархан
Башлы-башлы ил булды,
Алтын Урда таралды [4, с. 24].*

Вариант крымских татар

*Алтын Орду торкъалды,
Хан сарайы къалмады.
Кърым, Казан, Аждархан
Айры-айры иль болды [19, с. 57].*

Не исключено, конечно, что составители сводного текста дастана «Идегей» на татарском языке использовали в приведенной выше его части крымско-татарскую версию эпоса, возникшую, надо думать, не без влияния ногайцев, оказавшихся в сфере влияния Крымского ханства. Но все равно показательное присутствие в рассматриваемом эпическом произведении понятия «*Алтын Урда / Алтын Орду*». Обращаем внимание на то, что у других народов последний термин в их национальных версиях дастанов «Идегей / Эдиге» не употребляется, там присутствует только понятие «*Ак Урда*» и его синоним, о котором еще скажем далее.

Вот к примеру, что говорится, а казахской версии дастана «Эдиге»:

Иесіз дәуләт бұ қалды?
Адыра болып аң орда
Иеісез болып тұл қалды,
Бұл орданын ішінде... [1, с. 74]

В татарских версиях дастана также имеются случаи одиночного употребления понятия «Ак Урда». В частности, в обращении Идегея к своему сыну Мурадыму (Нур-ад-Дину), говорится:

Алтын тауга барганымын,
Түрә булып алганмын,
Халкын жыеп алып килеп,
Ак Урдага салганмын [4, с. 21].

Тут необходимо указать, что в ногайских версиях дастана фигурирует «*алтмыс / туксан басты Ак Урда*» [17, с. 79, 84, 302]. В каракалпакских вариантах эпоса «Эдиге» тоже упоминается «девяностоголовая Орда», правда, без цветового её определения:

Жүздә тоқсан баслы,

Сен орданы көрерсең [2, с. 32–33].

Причем в этих версиях данное понятие явно связано с фигурирующим в каракалпакских вариантах дастана «Эдиге» термином «токсан төре тогызбий» [2, с. 53, 83], которому, как нами было ранее установлено, соответствуют фигурирующие в татарских вариантах эпоса «девять батыров / мужей», они же – беки, стоявшие во главе «девяти юртов», бывших клановыми владениями правого крыла Золотой Орды [6, с. 99–100].

Татарские версии эпоса «Идегей» также знают «девяностоголовую орду / туксан башлы урда» [6, с. 97–98].

В итоге получается, что понятия «Алтын Урда / Ак Урда», присутствующие в татарских вариантах эпоса «Идегей» как синонимы, в других национальных вариантах исследуемого дастана передаются лишь последним из этих терминов.

В качестве яркого примера можем указать на ногайскую версию эпоса «Эдиге», где есть определения «алтмыс / туксан басты Урда / Ак Урда» [17, с. 79, 84].

Но тут есть одна сложность, на которую исследователи данного дастана не обратили должного внимания. Дело в том, что в эпическом наследии, отраженном в рассматриваемом дастане, термин «урда» используется не только в смысле владения / государственного образования, но и для обозначения ханской ставки, особой юрты / палатки (шатра). Скажем, в казахских версиях эпоса есть выражения «Еңесі биік Ак Орда», «Алты канат Ак Орда» [7, с. 41]. Такое значение данного понятия отчетливо видно, например, по двум приводимым ниже выдержкам из ногайского и казахского версий эпического произведения:

Ногайская версия

*Алтындан сокган ак орданын
Көмештен соккан ак эсик
Туһссе сувык чын болат [17, с. 84,
88].*

Казахская версия

*Алтын соккан Ақордаң
Күмістен соққан ақ есік [8, с. 359].*

Можно полагать, что в каракалпакской версии дастана «Эдиге» в эпизоде, где речь идет о чудесном спасении Идегея

своим предком – святым Баба-Туклесом, речь идет также об орде (без цветового определения) как о юрте / шатре:

Себил җалган Ордаға,
Оң канатын созады
Жалтылдахан бир канат
Пайда болды жузине [2, с. 17].

Таким же образом в присутствующих в этих последних версиях разбираемого дастана выражениях «Ак орданы бузады» (в смысле «разобрав Ак Урду») или «Ордаларны курады» «ордага толып кирип ... шарапты ишип» («войдя=заполнив орду, выпив вина» [2, с. 53, 203–204] на самом деле подразумевается юрта / палатка, а не владение.

На самом деле подобное высказывание присутствует и в татарском варианте дастана “Идегей”:

*Алтыннан суккан урдасын,
Көмештән суккан ишеген
Төсле суык чын булат
Очы белән ачмасам...* [4, с. 85].

Однако, для того, чтобы окончательно разобраться в этих двух смысловых рядах понятия «Ак Урда», в анализ следует ввести еще один термин – «Буз/Боз Урда», присутствующий как в татарской, так и ногайской, а также казахской и каракалпакской версиях дастана. Скажем, у татар – «*Иңәсе биек Буз Урда*» [4, с. 78, 81], у ногайцев – «*Эңгесе бийик Боз Урда*» [17, с. 38, 85, 163, 183, 211, 278], у казахов – «*Еңесі биік Боз Орда*» [7, с. 40], у каракалпаков – «Босага бәлент боз орданы босагадан услады» [2, с. 45]. Несмотря на то, что в этих строках как будто бы речь идет о государственном образовании – А. К. Кушкумбаев, исходя из близкого значения цветовых маркировок «ак» и «буз», так и подумал [7, с. 41] – на самом деле в них говорится не о государстве, а о ханской ставке (шатре / юрте). Скажем, в ногайской версии дастана есть такие строки:

*Каслы, каслы, каслы Орда,
Босагасы боз Орда,
Босагасы болаттан,*

Болатка алтын ялаткан [17, с. 214, 289].

В приведенном выше отрывке из каракалпакского варианта дастана «Эдиге», если его процитировать целиком, это также становится очевидным.

Токсан канат үйим

.....

Босаға бәлент боз орданы,

Босагадан услады,

Үйди аударып тасладыды [2, с. 45].

Из приведенных текстов достаточно хорошо видно, что в высказывании, присутствующем в татарском варианте дастана, где говорится о наличии «сбитого (сделанного) из золота» (т. е. позолоченного) сооружения под названием «урда», имевшего серебряную дверь, на самом деле подразумевается какое-то юртообразное или шатровое сооружение. В казахских версиях дастана есть и выражения *«алты канат Ак Орда»*, а также *«иңәсе/еңесі/энегесе биек Ак/Боз Орда»*, обозначающие именно стороны шатра (юрты), его «крылья», которые относятся не к орде – государству, как полагает А. К. Кушкумбаев [7, с. 40-41], а к ставке, шатру / юрте белого (светлого, светло-серого) – *ак/бүз* цвета. Окончательно этот вопрос проясняется в ногайской версии изучаемого дастана, где один из его героев – Джанбай, предлагает Идегею пойти к хану Тохтамышу и припасть к его ногам «в его высоком белом шатре» [17, с. 56].

Итак, в разных версиях дастана «Идегей» мы имеем дело с двумя рядами понятий *«Алтын Урда / Ак Урда / Бүз Урда»*, которые использовались в разных смыслах – в одном случае для обозначения государства, в другом – ханской ставки с центром в виде шатрового шестикрыльевого (или шестиугольного) сооружения белого (белёсого, светло-серого) цвета (цветов). Возникает вопрос: имеем ли мы соответствия этим, присутствующим в эпосе, терминам, в исторических реалиях? Полагаем, что такие соответствия в исторических источниках имеются.

О существовании в Улусе Джучи еще при Бату больших

шатров (они в свое время принадлежали венгерскому королю и были захвачены в виде трофеев во время сражения с венграми) впервые сообщают Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук. Первый из них, отметив, что их «ввели в ставку» Бату, говорит о «большой палатке» или «шатре (шатрах)», бывших из «льняной ткани» и «очень красивых», где находилось «возвышенное место», на котором, как «на троне», восседал с одной из своих жен Бату [12, с. 73]. Похоже, это же сооружение видел и Вильгельм де Рубрук, побывавший в ставке Бату в 1253 г. Он сообщает о том, что их завели в «палатку», где на «длинном троне, широком, как ложе и целиком позолоченном», восседали Бату и «одна госпожа» (то есть, одна из его жен – *Д.И.*) [12, с. 117]. Кстати, «крылья» у этих сооружений, фигурирующие в дастане «Идегей», могли быть именно у шатровых палаток.

Более качественная информация об этом «тронном месте», составленная арабскими летописцами на основе сообщений арабских (мамлюкских) послов из Египта, относится ко времени правления хана Берке (1257–1266 гг.). Так, в летописи Насреддина Абуали Шафи б. Мухаммеда б. Али (ум. в 1329/30 г.) о посланниках султана Бейбарса, побывавших около 1262 г. в ставке хана Берке, отмечается: «...у него войлочный шатер, в котором помещается 500 всадников, и который внутри обделан жемчугами и драгоценными камнями» [3, с. 70]. Другой арабский летописец – аль-Муфаддаль (информация из летописи датируется от 1259 по 1341 гг., но данное сообщение относится к отмеченному выше приходу послов от султана Бейбарса), говоря о приглашении посланников к Берке, отмечает: «...застали царя Берке в большом шатре, вмещавшем в себя 500 всадников, покрытом белым войлоком, внутри обшитом шелковыми материями и китайками и украшенном жемчужинами и драгоценными камнями». Там хан «сидел на престоле, свесив обе ноги на скамейку..., сбоку... сидела старшая жена... При нем в шатре его [сидело] 50 эмиров на скамейках» [3, с. 93].

Получается, что вот этот шатер (юрта), покрытый войлоком белого цвета, и является «Ак Урдой» / «Белой Ордой», то есть,

ханской ставкой.

Для того, чтобы убедиться в этом, нам следует обратиться к другому арабскому автору – Ибн Баттуте, побывавшему в Улусе Джучи гораздо позже – в годы правления там хана Узбека (1312–1342). Он рассказывает, что хан «в пятницу после молитвы, ... садится в шатер, называемый *золотым шатром* (выделено нами – *Д.И.*), разукрашенный и диковинный. Он [состоит] из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листьями; ножки из серебра, а верх усыпан драгоценными камнями. Султан садится на [этот] престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с ней хатунь Кабак, а с левой стороны – хатунь Баялунь и возле нее хатунь Урдуджи». Дальше Ибн Баттута детально описывает, кто еще находился в этом шатре (дети хана, другие его родственники, эмиры, начальники войск). Из описания видно, что «шатер» (юрта) был очень большим [3, с. 132–133]. Итак, к 1330-м годам в Улусе Джучи ханская ставка, расположенная в огромном шатре, уже именовалась «Золотым Шатром / Алтын Урдой».

Этот престольный центр, средоточие власти в Улусе Джучи, просуществовал вплоть до правления золотоордынского хана Хызыра, оказавшегося на троне около 1359 г. Вот что рассказывает об этом сооружении хивинский историк XVI в. Утемиш-хаджи в своем сочинении «Чингиз-наме»: «...Когда Тайдулы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту (в тюркском оригинале – *«алтун тәрмә»* – *Д.И.*), оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана». Далее источник сообщает, что из-за того, что новый хан не поладил с Тайдулой-бегим, отказался на ней жениться, он распорядился «разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками». В такой ситуации Тайдула бечим прислала к хану человека с сообщением: «Пусть так не поступает. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] – сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не

разрушают». Но хан, как гласит источник, не прислушался к этому совету, «разломал и поделил» данное сооружение [15, с. 112].

Этот шатер (юрта / *тирмә*), первоначально бывший белого цвета и из-за этого именовавшийся «Белой Ордой / *Ак Урда*», затем получил, видимо, из-за его покрытия изнутри золотом и позолоченными листами название «Золотой Орды / *Алтын Урда*». Попутно заметим, что в каракалпакском варианте дастана «Эдиге» есть выражение «Тебингисы тереме алтын» [2, с. 183], которое надо рассматривать в этом же ряду. Во всех случаях подразумевается одно и то же сооружение – ханская ставка, центр власти в Улусе Джучи.

В реальности во времена хана Узбека она была уже местом летней ханской ставки, ибо зимой хан явно находился во дворце, расположенном в г. Сарае и именовавшемся «*Алтын таиш*» [3, с. 143]. Не случайно и в татарской версии дастана «Идегей», наряду с «Сараем» (похоже, городом), упоминается и «*Сары мәрмәр Алтын Таиш*» [4, 166 б.] – ханский дворец, расположенный в столице государства.

Необходимо также напомнить, что в китайских источниках Улус Джучи носит название «Цзинь жань хань» / «Ханство Золотой Юрты» [8, с. 157]. Отсюда ясно, что название ханской ставки в Улусе Джучи на каком-то этапе стало основанием для именованя всего государства – оно могло именоваться как «Белой Ордой / *Ак Урда*» или «Серой Ордой / *Бүз Урда*», так и «Золотой Ордой / *Алтын Урда*». Первый вариант его обозначения присутствует в поэме золотоордынского поэта Кутба «*Хөсрәү вә Ширин*», посвященном сыну хана Узбека Тинибеку [11, с. 56]. А вот обозначение Улуса Джучи «Золотой Ордой», фигурирующее в русском источнике второй половины XVI в. – «Казанском летописце» [9, с. 45, 49, 53, 55], фиксируется еще в начале XV в. у баварца Иоганна Шильтбергера в формах «Золотая / Великая Татария», на что, почему-то историки не обращают внимания [16, с. 45 и др.]. А это то как раз показывает, что данное наименование действительно бытовало в рассматриваемом государстве, и оно

отнюдь не придумано неизвестным русским автором в XVI в., как иногда предполагается.

Тем не менее, следует учесть некоторые терминологические нюансы, присутствующие в известном рассказе Утемиш-хаджи о наделении Чингисханом троих своих сыновей владениями, в ходе которого им были поставлены 3 юрты – первая – Сайынхану (Бату), «*Алтын босагалы ак өргәне*», вторая – Эжену (Орда-Ичену), «*күмеш босагалы кок орданы*», третья – Шибану, «*болат босагалы боз орданы*» [15, с. 92, 93, 121]. Как отметил А. К. Кушкумбаев, употребленный в первом случае термин «*өргэ*», у монголов звучащий как «урга», обозначал шатер (юрту) – ставку правителя [8, с. 356]. Поэтому в источнике произошла путаница понятий «урга» и «орда». На деле, как мы уже видели, в дастанах происходит то же самое – «Ак / Алтын / Бүз Урда» могут быть как ставками хана, так и обозначениями государства.

Но, несмотря на это, при тщательном анализе изученных понятий из текстов дастана «Идегей» в смысловом отношении, в зависимости от общего контекста эпического произведения и некоторых его изобразительных элементов («*иңгә*» / плечо, «*канат*» / крыло), разные смыслы приведенных терминов можно развести и обнаружить их глубокое историческое значение.

Список источников и литературы

1. Едіге // Қазақ халық әдебиеті: көп томдық. Т. 5. Батырлар жыры / Құраст. О. Нұмағаметова, Қ. Сыдиқов. Жаупты шығарушылар А. Айдашев, Е. Қудайбергенов. Алматы: Жазучы, 1986. С. 70–95.

2. Едиге. Қарақалпақ халық дастаны. Нөкіс: «Билим» басмасы, 2019. 224 б.

3. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Типография «Наука», 2003. 448 с.

4. Идегэй. Татар халық дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр.,

1988. 254 б.

5. Исхаков Д. М. Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (часть I) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. Вып. 4. Тобольск: ООО «Компания «Содействие», 2019. С. 328–340.

6. Исхаков Д. М. Золотоордынские татары «белой кости» в дастане «Идегей» (часть II) // Сибирский сборник. Сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. Вып. 5. Тобольск: ИП Жмуров С. В., 2020. С. 87–115.

7. Кушкумбаев А. К. «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сб. научных материалов / отв. ред. А. К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 36–42.

8. Кушкумбаев А. К. «Алтын Орда»: об одном символе власти в империи Джучидов // Байырғы түрік құндылықтары – 2017. Халықаралық ғылыми–теориялық және практикалық конференциясының моқалалар жинағы. Астана: ЕҰУ баспасы, 2017. С. 356–361.

9. Казанская история. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 193 с.

10. Кычанов Е. И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. Вып. 19. С. 146–157.

11. Парунин А. В. Сведения об Ак Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сб. научн. материалов. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 52–61.

12. Плано Карпини Дж. дель. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.

13. Татар халык дастаны «Идегей». Н.Исэнбэт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 бб.

14. Татар халык дастаны «Идегей». Н.Исэнбэт жыйнамасы

// Совет эдэбияты. 1940. № 12. 34–82 бб.

15. Утемиш-хаджи. Чингис-наме. Факсимиле, перев., транскрип., текст. прим. и исследование В. П. Юдина. Комментар. и указатели М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

16. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку: Изд-во «Элм», 1984. 86 с.

17. Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н. Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский ин-т гум. исслед. при Правительстве КЧР. М.: Наука, 2016. 512 с.

18. Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Утемиш-хаджи. Чынгыз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментар. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.

19. Эдигэ; Эдиге бий // Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы. Хрестоматия: Пед. инст. филол. факульт. кърымтатар тили ве-эдебияты болюминынъ студ. ичюн (Тертип этиджи Дж. Бекиров). Ташкент: «Укитувчи», 1991. С. 4–56.

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОБЛИКУ
ГОСТИНОГО ДВОРА 1720-Х ГГ. В ТРУДЕ
В. И. КОЧЕДАМОВА
«ТОБОЛЬСК. КАК РОС И СТРОИЛСЯ ГОРОД»**

Е. П. Загваздин

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

Одной из основополагающих работ по истории архитектуры города Тобольска до сих пор остаётся труд В. И. Кочедамова «Тобольск. Как рос и строился город», вышедший в 1963 г. В статье дан небольшой критический анализ, связанный с изображением Гостиного двора на графической реконструкции Тобольского кремля 1720-х гг., опубликованного в этом труде. С привлечением архивных, картографических и археологических данных показано, что расположение некоторых архитектурных элементов Гостиного двора (крыльцо, восточная надвратная башня и др.) на рисунке В. И. Кочедамова не соответствует историческим реалиям 1720-х гг.

Ключевые слова: Тобольск, Гостиный двор, В. И. Кочедамов, реконструкция, критический анализ, архивные источники, археологические источники.

**SOME REMARKS ON APPEARANCE OF THE
COURTYARD GUEST OF 1720S IN MONOGRAPH BY V.I.
KOCHE DAMOV «TOBOLSK. HOW GROW UP AND WAS
BUILT THE CITY»**

One of fundamental works on architecture history of Tobolsk still remains the work of V. I. Kochedamov «Tobolsk. How grow up and the city was built» was released in 1963. This article gives a small critical analysis related to the image of the exterior of the Courtyard guest at the graphic reconstruction of the Red Square Tobolsk Kremlin in the 1720s published in this work. Using archival cartographic

and archaeological data, it is shown that the location of some of the architectural elements of the Courtyard guest (porch, eastern supragate tower, etc.) under reconstruction by V. I. Kochedamov does not correspond to the historical realities of the 1720s.

Keywords: V. I. Kochedamov, reconstruction, critical analysis, archival sources, archaeological sources

Одним из крупных специалистов, изучавших архитектурное наследие С. У. Ремезова, был советский архитектор, педагог и ученый Виктор Ильич Кочедамов. Его изыскания отражены в фундаментальном труде под наименованием «Город Тобольск. Как рос и строился город» [7]. Необходимость в переосмыслении его научного наследия заключается в том, что за более чем полвека с момента издания этой работы появились новые данные, которые позволяют пересмотреть ряд представлений, как об облике архитектурных памятников города, так и об их конструктивных особенностях. Статья посвящена критическому анализу, связанному с изображением Гостиного двора на графической реконструкции Тобольского кремля 1720-х гг., опубликованного в этом труде [7, с. 69, рис. 41].

Гостиный двор входит в ансамбль Тобольского кремля и является одним из ярких памятников города ремезовской эпохи. История памятника сложна и изобилует почти детективными сюжетами. 18 июня 1701 г. воеводы М. Я. и П. М. Черкасские запросили сведения в Сибирском приказе относительно будущего месторасположения гостиного двора. Они поддержали просьбу населения, желавшего торговать на нижнем посаде, близ старого базара, неподалеку от иртышской пристани. По их мнению, расположение Гостиного Двора на уже сложившемся торговом месте, более удобном в транспортном отношении, привело бы к увеличению товарооборота, а значит и пополнению казны от таможенных сборов.

Сибирский приказ 4 августа того же года направил в Тобольск грамоту с указанием места строительства будущего

гостиного двора на нижнем посаде на берегу Иртыша. В грамоте говорилось: «гостин двор и ряды и лавки, а посреди гостина двора важню на каменных столбах построить кирпичные на таких местах, где будет прилично, по вашему верному и радетельному разсмотрению, чтоб то строение также черепицею или земляным дерном покрыть, чтоб впредь было безопасно от пожара» [6, с. 31].

Неизвестно по каким причинам в 1702 г. Сибирский приказ отменил это распоряжение и, вопреки практическим соображениям воевод, предписал «выбрать к строению место тобольским купечеством удобное, где бы и городской стене было в замену» на верхнем посаде [6, с. 31–32].

В литературе существует несколько точек зрения на датировку строительства Гостиного двора. Н. А. Абрамов и В. И. Кочедамов, вслед за И. Л. Черепановым, датируют его постройку 1703–1706 гг. В. Ф. Ретунский и Д. И. Копылов – 1703–1705 гг.; О. Н. Вилков – 1704–1706 гг., а К. М. Голодников сообщает общую дату сооружения Приказной палаты и Гостиного двора – 1702–1706 гг. По более обоснованным данным, выявленным на тщательном анализе архивных данных, С. В. Копылова датирует окончание строительства Гостиного двора 1708 г. [6, с. 34]. Выявлено и имя подмастерья, руководившего его строительством до июля 1704 г. – Г. Я. Шарьпин [6, с. 33].

Гостиный двор задуман С. У. Ремезовым как замкнутый четырехугольник, стороны которого составляли торговые и складские помещения, обращенные вовнутрь. В 1741 г. Тобольская губернская канцелярия сообщила Г. Ф. Миллеру: *«Под оным гостиным двором имеется земля длиннику 31 сажень, поперешиник 23 сажени, на которой земле оной гостиный двор построен четвероугольно, и на оных угла имеется по одной башне...»*. Канцелярия привела данные и о количестве складских и торговых помещений: 27 погребов, 67 лавок (32 на верхнем этаже, 35 на нижнем) [6, с. 34].

С течением времени опасения тобольских воевод по поводу расположения Гостиного двора подтвердились. Из-за

неудобства доставки товаров в нагорную часть Тобольска купцы предпочитали торговать в деревянных лавках нижнего посада. Ф. И. Соймонов, назначенный в 1757 г. губернатором в Тобольск, застал Гостиный двор в запущенном состоянии. Бывшие купеческие лавки занимала «татарская комиссия», словесный суд и 50 колодников, а подвалы были залиты водой. По указанию Ф. И. Соймонова здание отремонтировали, после чего магистрат сдавал лавки и подвалы «в наймы приезжим купцам с немалой прибылью» [6, с. 35].

При губернаторе Д. И. Чичерине в нём разместился ряд губернских учреждений, а в 1764 г. здесь расположилась первая казённая аптека. При пожаре 1788 г. пострадали размещавшиеся в Гостином Дворе банковская контора, губернское и уездное казначейства, аптека, обер-кригс-комиссарская комиссия и часть артиллерийского цейхгауза [6, с. 35–36].

С 1822 г. здание занимает тобольский приказ о ссыльных, затем здесь размещалась арестантская рота. С 1919 по 2004 г. в здании размещался Тобольский филиал областного архива [2, с. 1]. После переезда госархива, в Гостином дворе размещались коллекции отдела фондов Тобольского музея-заповедника. Функционировала постоянная археологическая экспозиция. В его стенах действовал клуб исторической реконструкции «Ильвинг». Здесь же располагалась таксидермическая мастерская.

С 2009 по 2014 гг. Гостиный двор подвергся капитальной реконструкции. В ходе реставрационных работ была достроена утраченная северная аркада, начатая возводится в 1980-е гг.; возведена южная аркада. К аркадам пристроены два крыльца. Сейчас на площадях Гостиного двора размещается визитно-гостевой центр Тобольского Кремля.

Закончив краткий обзор истории Гостиного двора, остановимся более подробно на реконструкции облика Гостиного двора 1720-х гг. Обратившись к работе В. И. Кочедамова отметим, что в 4 разделе монографии опубликовано два плана памятника и чертеж его западного фасада из плана 1748 г. [7, с. 60, рис. 30, 31, 32, 33]. На первом чертеже изображен план

здания с многочисленными лестницами по его периметру [7, с. 58, рис. 30]. Второй чертеж определен как план второго этажа осуществленной постройки [7, с. 58, рис. 31]. Все эти чертежи стали одной из основ для графической реконструкции внешнего облика Тобольского кремля 20-х гг. XVIII в., в которую включен и Гостиный двор [7, с. 69, рис. 41].

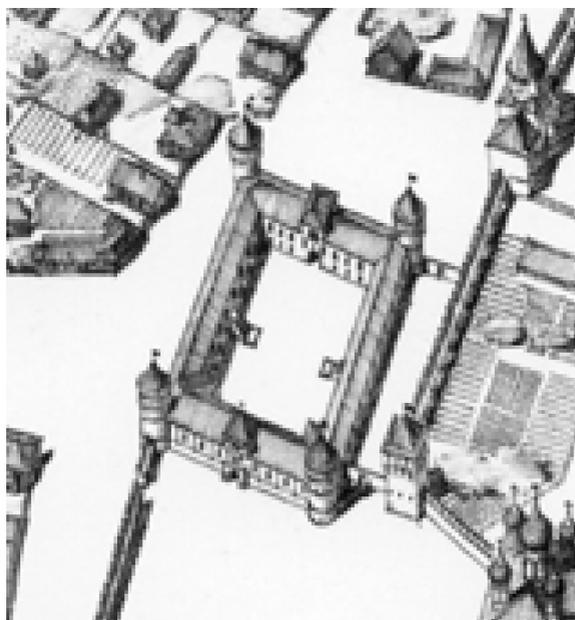

Рис. 1. Внешний вид Гостиного двора на объемном изображении территории Тобольского Кремля 1720-х гг. [по: 7, с. 69, рис. 41]

Однако если экстерьер западного фасада на реконструкции выглядит достаточно убедительно, даже несмотря на то, что привлечен более поздний план 1748 г., то в облике восточной части памятника существует ряд противоречий.

Изображенная башня над восточными воротами Гостиного двора является лишь проектным вариантом исполнения фасада [17, л. 20 об.–21], который не был реализован. Об этом говорит

множество других планов и проектов С. У. Ремезова [18, л. 204; 17, л. 19, л. 135 об.–136, л. 153 об.–154], где присутствует лишь западная проезжая башня. На объемном плане города 1746 г., являющегося копией с плана начала XVIII в., у Гостиного двора также видна лишь западная башня [9].

Что касается рисунка крылец у южной и северной стен, то во всех известных чертежах С. У. Ремезова, где изображён Гостиный двор (включая проект планировки территории), крыльца с этих сторон вообще отсутствуют. Вызывает недоумение и то, что чертеж, атрибутированный В. И. Кочедамовым как план второго этажа, на котором присутствуют ступенчатые входы, с первого взгляда резко выбивается из стилистики чертежей С. У. Ремезова.

Изучение ссылок на документы показывает, что автор ссылается на два чертежа из Служебной чертежной книги (17, л. 153 об.–154, л. 154 об.). При этом второй чертеж из этого источника абсолютно иной по облику, чем тот, который опубликовал в монографии. Таким образом, в иллюстрации облика Гостиного двора 1720-х гг. закралась грубая ошибка, и данный вариант в отображении местоположения крылец не может быть принят.

С. У. Ремезов планировал осуществить доступ на второй этаж галереи посредством многочисленных лестниц, располагавшихся по периметру двора. Естественно, что не всё в проекте оказалось осуществлённым. Действительное расположение лестниц для подъема на второй этаж галереи демонстрирует план начала XVIII века [17, л. 18 об.–19]. На этом объемном плане изображена лестница у восточной галереи. Но с гораздо большей детализацией предстаёт перед нами памятник на плане 1746 г., где у восточной стены также фиксируется лестница, ведущая на второй этаж. Однако размеры и более точное расположение крылец даёт план 1728 г., снятый унтер-офицером Ефимом Бузовлевым и инженером-прапорщиком Семёном Бабарыкиным [11].

Верхнюю дату существования входов можно ориентировочно определить по некоторым планам 40-х гг. XVIII в. На проекте реконструкции оборонительных сооружений кремля

1740 г. [12] лестницы присутствуют, тогда как уже на плане 1748 г. их нет [13]. Отсутствуют они и на планах 1763 г. [14], 1773 г. [15], 1784 г. [8]. Таким образом, по планам города их исчезновение датируется 40-ми гг. XVIII в.

Точное время появления новых крылец, но уже с южной и северной стороны, определить затруднительно. Небольшие археологические исследования 2009 г. в Гостином дворе позволили повторно изучить кирпичный фундамент одного из крылец из плана, опубликованного В. И. Кочедамовым и прояснить некоторые детали его устройства [3].

Южное крыльцо располагалось в 9,4 м к северу от южной стены и в 19 м к востоку от действующей юго-западной входной группы. Размер шурфа 1,7 x 3,2 м. Шурфов расчищен лишь небольшой фрагмент фундамента с двумя смежными сторонами. Наибольшая ширина фундамента составляла 1,2 м, а максимальная длина в шурфе – 1,9 м. Протяженность фрагмента стены по линии запад-восток, от места сопряжения – 1,5 м. Мощность кладки, прослеженная в шурфе, составляет 1,9 м. Фундамент в материк не заглублен, сложен из большеформатного кирпича размером 28,5-30 x 15,5 x 7,5 см.

Более подробные данные о размерах южного крыльца присутствуют в отчете реставраторов за 1985 г.: *«В результате исследований был выявлен фундамент этой лестницы, по которому было определено, что лестница находилась напротив пятой торговой лавки, если отчёт лавок вести от дворовой стены западного блока... Кирпичный фундамент лестницы имеет в плане П-образную форму размерами 6,6 x 4,8 м и примыкает длинными сторонами к фундаментам опор галереи. Ширина длинных сторон фундамента в 2,5 кирпича (0,8 м), ширина поперечной части фундамента 3,5 кирпича (1,12 м).*

Найдены ступени с остатками деревянного настила; обнаружены гнезда в кладке размерами в плане 29 x 30 см с остатками деревянных стоек. Найденные ступени располагались с западной стороны. Фундамент лестницы и ступени выложены из большемерного кирпича размерами 15,5 (16) x 30 x 7,5 (8) см

на известковом растворе. Глубина заложения фундамента и материал постели не определены. Толщина слоя над погрёбённым фундаментом 24 см, а глубина заложения нижнего ряда кирпичей ступени от дневной поверхности – 67 см.

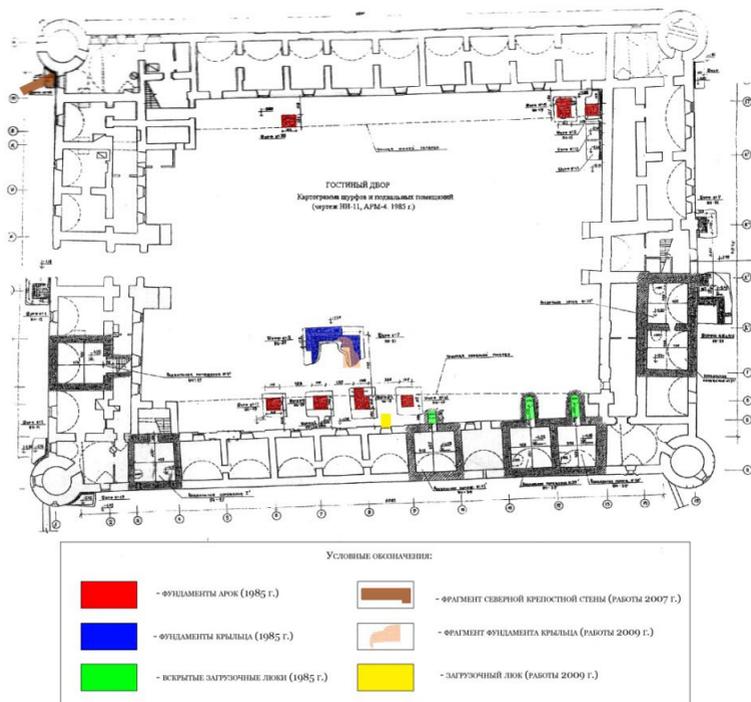

Рис. 2. Сводный план исследований на территории Гостиного двора (1985, 2007, 2009 гг.)

По выявленным остаткам фундамента трудно судить о конструкции лестницы. Скорее всего, это была деревянная лестница шириной не менее 2,5 м на тетивах. Тетивы опирались внизу на площадку, которая возвышалась над дворовой мостовой и имела три кирпичные ступени с деревянным настилом.

РГИА хранится многостраничный акварельный альбом планов и фасадов зданий города под наименованием «Планы и фасады казенных строений города Тобольска. 1800 г.» [15, л.6а, л. 6б]. Его изучение позволило обнаружить план Гостиного двора, который послужил В. И. Кочедамову одной из основ при создании графического образа Тобольского кремля 1720-х гг. Этот чертеж действительно оказался планом второго этажа, но в монографии его повторно постигла неудача – он оказался перевернут.

Рис. 4. Археологические исследования 2009 г. Вид с севера на частично раскрытый фундамент утраченного южного крыльца Гостиного двора

Таким образом, с привлечением архивных данных из фондов РГИА удалось несколько сузить дату возведения лестниц с южной и северной стороны Гостиного двора, которую следует определять 1740-ми – рубежом XVIII–XIX вв. О времени их

разбора данных нет.

Дальнейшую судьбу лестниц Гостиного Двора отражает фотоисточник рубежа XIX–XX вв. (4, с. 66, рис. 3). На нём изображен фрагмент внутреннего двора. На фотографии видна частично разрушенная арочная галерея и довольно простая по своей конструкции приставная лестница. Следы капитальных кирпичных крылец на поверхности отсутствуют.

Вызывает возражение изображение на рисунке места стыковки северной крепостной стены с северо-западной башней Гостиного двора. На ней крепостная стена примыкает к середине башни. Её действительное положение, к примеру, демонстрирует план 1728 г., а также план Красной площади 1748 г., копии из которого использовал В. И. Кочедамов в своей книге. На этих планах XVIII в. северное прясло примыкает к углу между западной стеной Гостиного двора и его северо-западной башней.

Дополнительным подтверждением такой диспозиции служат материалы археологических исследований [1]. В 2007 г. с наружной стороны памятника, с запада, была расчищена часть крепостной стены длиной около 6 м и шириной около 1,7 м, от которой сохранилось лишь несколько рядов кирпичной кладки. Большая часть кладки разрушена, но сохранилась известково-кирпичная забутовка – основание стены. Остатки одной из опор имели размеры около 0,8 x 1,3 м. Раскопанная северная стена по всем признакам также имела арочную конструкцию, как и на других участках крепостных стен Тобольского кремля.

Изучение научного творчества учёного и архитектора В. И. Кочедамова позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы, касающиеся истории и архитектуры городов Сибири. В данном обзоре был дан критический разбор одной из его реконструкций – облика Тобольского кремля 1720-х гг., а конкретно того, как на ней изображался Гостиный двор – детище другого известного сибирского архитектора С. У. Ремезова.

Анализ архивных источников, которые использовал учёный, а также привлечение археологических материалов показало, что внешний облик Гостиного двора на этом рисунке

лишь частично соответствует историческим реалиям. В частности, исторически не соответствует расположение крылец на внутреннем дворе. Строительство южного и северного крыльца датируются 1740-ми – рубежом XVIII–XIX вв. В 1720-х гг. крыльца располагались во дворе у западной и восточной стены.

Также на рисунке не соответствует место стыковки северной крепостной стены с северо-западной башней памятника. Картографические и археологические данные однозначно указывают на то, что стена подходила к месту примыкания западной стены Гостиного двора к башне, а не располагалась по её центру.

В целом же иллюстрация В. И. Кочадамова имеет большое научное значение и, несмотря на ряд недостатков, создает положительное впечатление и формирует в сознании устойчивый образ Тобольска ремезовской эпохи.

Список источников и литературы

1. Балюнов И. В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Тобольского Кремля в 2007 году. Тобольск, 2008 // Архив ИА РАН.
2. Горохов В. У госархива юбилей // Тобольская правда. 2009. 21 ноября.
3. Загваздин Е. П. Отчёт по результатам археологической разведки на территории Гостиного двора г. Тобольска. Тобольск, 2009 // Архив ИА РАН.
4. Загваздин Е. П. Материалы к истории Гостиного двора Тобольска // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина, 15-18 апреля 2014 г. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. Т. IX. Ч. 1. С. 61–68.
5. Загваздин Е. П. О применении брускового кирпича в капитальном строительстве г. Тобольска в конце XVII – начале XX вв. // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы VI Всероссийской научной конференции молодых историков.

Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2005. С. 27–29.

6. Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII – XVIII в.). Новосибирск, 1979. 256 с.

7. Кочадамов В. И. Тобольск (Как рос и строился город). Тюмень, 1963. 156 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов). Санкт-Петербург, 1839. 416 с.

9. Рахимов В. Г. Гостиный двор: документальные свидетельства // Наследие Тюменской области. № 2. Тюмень, 2012. С. 51–54.

10. Рахимов В. Г. Подпорные стены Прямского взвоза Тобольского кремля // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2004. С. 176–201.

11. РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2177.

12. РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2180.

13. РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2181.

14. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22669.

15. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22671.

16. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 792.

17. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: текст рукоп. Рос. нац. б-ки (С.-Петерб.), коммент. / Елена Дергачева-Скоп, Владимир Алексеев. Тобольск: обществ. благ. фонд «Возрождение Тобольска», 2006. Т. 1. 334 с.

18. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 690 с.

**ЖЕРТВОВАТЕЛИ ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.²⁹**

А. А. Валитов, Д. Ю. Федотова

Россия, г. Тюмень

Тюменский государственный университет

Статья посвящена изучению деятельности меценатов региона, направленной на финансирование Тобольской мужской гимназии. Жертвователями являлись купцы и чиновники Западной Сибири. Особой формой благотворительной деятельности являлось назначение именных стипендий для гимназистов, показавших высокие результаты в обучении либо нуждающихся в материальной поддержке.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, Тобольская губерния, Тобольская мужская гимназия, пожертвования, стипендии.

**DONORS OF THE TOBOLSK GYMNASIUM
XIXth - EARLY XXth CENTURY**

The article is devoted to the study of the activities of patrons of region aimed at financing the Tobolsk men's Gymnasium. The donors were merchants and officials of Western Siberia. A special form of charitable activity was the appointment of personal scholarships for high school students who showed high results in training or who needed financial support.

Keywords: Ministry of Public Education, Tobolsk Province, Tobolsk men's Gymnasium, donations, scholarships.

²⁹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (исследовательский проект 20-413-720014 р_а_ Тюменская область).

Тобольская губернская мужская гимназия была открыта в 1810 г. в ходе преобразования Главного народного училища. Финансовые возможности местных чиновников были ограниченными, среди основных причин отчисления учеников из мужских гимназий, указывается основная причина – отсутствие средств на оплату обучения, многие учащиеся были вынуждены покинуть гимназию, чтобы начать трудовую деятельность. Пожалуй, самой амбициозной формой филантропии в сфере дореволюционного образования стало учреждение именных стипендий, главная цель которых – помощь малоимущим учащимся и их семьям в оплате за обучение, проживание в пансионе и приобретение учебных пособий.

В первой половине XIX в. стипендии появились только в Тобольской мужской гимназии, основу этого фонда составил капитал, пожертвованный в 1803 г. П. Демидовым на открытие Сибирского университета в Тобольске. Вопрос об университете не был решен, и администрация Тобольской гимназии ходатайствовало перед благотворителем о возможности использовать данную сумму на материальные нужды учреждения. В 1810 г. П. Демидов передал денежные средства в размере 60000 рублей из «университетского» капитала на нужды Тобольской мужской гимназии, на проценты с пожертвованных средств предполагалось обеспечивать обучение нескольких воспитанников [3, л. 31].

В пансионе Тобольской мужской гимназии в период 1836–1837 гг. проживали 10 воспитанников, которые содержались за счет демидовских сумм. Например, комната, выходившая окнами на улицу, служила спальней Демидовских пансионеров, а задняя была занята под столовую [2, с. 156].

С течением времени в Тобольской мужской гимназии увеличивался список именных Демидовских стипендиатов. К 1889 г. в гимназии было 12 видов именных стипендий, семь из которых составляли Демидовские. [2, с. 168].

В 1819 г. Министерство народного просвещения (далее МНП) приняло решение о субсидировании обучения

воспитанников Тобольской мужской гимназии за счет казенных средств, ежегодно выделяя сумму от 100 до 200 рублей из общего бюджета учреждения. По окончании гимназического курса воспитанники должны отработать данную сумму, обязательно устроившись в учебное ведомство МНП и прослужив там не менее шести лет. Однако эта мера не дала желаемых результатов, так как гимназисты, получая на руки от 100 до 200 рублей, учились как «своекоштные» и «не охранялись для звания, к коему готовятся». Тогда попечитель Казанского учебного округа добился разрешения об учреждении при Тобольской мужской гимназии десяти Демидовских стипендий. С 1881 г. из-за инфляции педагогическому совету пришлось ходатайствовать о сокращении количества Демидовских стипендиатов с десяти до семи.

В 1846 г. и 1848 г. в Тобольскую мужскую гимназию поступили средства в размере 9000 рублей для учреждения трех стипендий имени известных и уважаемых в Тобольске людей: Григория Андреевича Жилина, Тобольского 1-й гильдии купца Михаила Антиповича Селиванова и Алексея Кичурова. Так, М. А. Селиванов за свою честность заслужил доверие у жителей Тобольска, которые дважды выбирали его городским головою. За добросовестную службу Михаил Антипович был награжден золотой медалью «За усердие», а в 1833 г. ему присвоили звание почетного потомственного гражданина [5, с. 431].

Учрежденные стипендии предназначались:

первая – для содержания одного пансионера из детей гражданских чиновников, это должен был быть сирота, родившийся в Тобольской губернии;

вторая выдавалась одному воспитаннику, живущему в пансионе и происходившему из купеческого сословия, преимущественно из жителей города Тобольска;

третья была учреждена для оплаты содержания в пансионе одного сироты.

В середины XIX в. материальная поддержка воспитанников мужских гимназий продолжилась. Так, при внесении частными лицами денежных средств, они всегда указывали, на что они

должны быть использованы. Чаще всего жертвовали деньги на содержание воспитанников в пансионах гимназий, на оплату за обучение, что было очень важно, так как родители многих учеников не имели достаточно средств для обучения всех своих детей. Некоторые меценаты устанавливали свои требования: из какого сословия должны были быть учащиеся, их вероисповедание и так далее, но окончательное решение всегда было за Педагогическим советом гимназий.

В 1860 г. купцы и чиновники нескольких городов Тобольской губернии собрали капитал в сумме 8 450 рублей, который был обращен в стипендию в память десятилетнего управления Западною Сибирью генерала от инфантерии Г. Х. Гасфорда. Стипендия предназначалась для содержания в учебных заведениях Тобольской губернии нескольких воспитанников, с наименованием их «воспитанник имени генерала от инфантерии Гасфорда». Из этого капитала 6000 рублей было выделено Тобольской мужской гимназии для учреждения двух стипендий.

В 1865 г. преподаватели разных учебных заведений Тобольской губернии собрали капитал в 800 рублей для учреждения с процентов при Тобольской мужской гимназии стипендии главного инспектора училищ Западной Сибири А. В. Попова.

В 1866 г. петербургский купец 1-й гильдии В. Т. Богашев пожертвовал 3000 рублей, чтобы содержать в Тобольской мужской гимназии одного воспитанника из уроженцев Курганского округа. Выбор стипендиата был возложен на Курганское городское общество, а если оно не находило достойного кандидата, то выбор кандидата передавался на Педагогический совет гимназии. Воспитанник этот носил название «пансионер Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца Богашева».

В 1870 г. вдова надворного советника М. Рогальская завещала Тобольской мужской гимназии капитал в 2000 рублей. Согласно её воле, в пансионе этого учебного заведения должен был воспитываться мальчик из бедных сирот благородного звания. Воспитанник этот во время обучения в гимназии должен

был именоваться стипендиатом коллежского асессора Ф. Горева.

В конце 1873 г. при Тобольской мужской гимназии была учреждена стипендия имени Его Высочества князя Алексея Александровича, основанная на пожертвования жителей села Самаровского Тобольской губернии. На нее в этом учебном заведении должен был содержаться в пансионе один из крестьянских мальчиков, по выбору общества Самаровской волости [1, с. 61].

4 апреля 1877 г. на счет Тобольской мужской гимназии поступил капитал в 3000 рублей, который был обращен в стипендию имени генерал адъютанта А. П. Хрущова для содержания в пансионе одного воспитанника из недостаточных жителей города Кургана или Курганского округа Тобольской губернии.

19 февраля 1880 г. Тобольская городская Дума учредила стипендию имени Императора Александра II для детей жителей города Тобольска, без различия звания и вероисповедания их родителей. 13 мая 1880 г. Тобольская городская Дума учредила еще две аналогичные стипендии.

В декабре 1884 г. известный сибирский купец Я. А. Немчинов пожертвовал капитал в 5400 рублей для учреждения при Тобольской гимназии одной стипендии имени цесаревича Николая Александровича. В стипендиаты, согласно воле жертвователя, Педагогический совет избирал одного из учеников, заслуживающего того по своим успехам и поведению, из числа детей жителей г. Тобольска, православного исповедания, без различия сословий.

В 1903 г. тобольская купчиха А. В. Корнилова пожертвовала сумму в 5000 рублей для содержания в пансионе одного воспитанника. Право пользования принадлежало ученику Тобольской мужской гимназии, христианского вероисповедания, без различия звания и происхождения. Таким образом, к 1905 г. в Тобольской мужской гимназии числилось 34 стипендии: на проценты с пожертвованных капиталов – 20, из средств государственного казначейства Министерства народного

просвещения – 14.

В начале XX в. в западно-сибирских мужских гимназиях продолжали существовать прежние стипендии, а также появлялись новые. Так, в 1908 г. при пансионе Тобольской мужской гимназии была утверждена стипендия имени П. Н. Панова [4, л. 13].

Таким образом, к 1915 г. при Тобольской мужской гимназии существовало 48 стипендий, из них 34 на пожертвования меценатов и 14 – из государственного казначейства. Стипендии стали существенным подспорьем для материально нуждающихся учеников в XIX – начале XX вв. Благодаря существовавшим стипендиям бедные, но способные юноши могли получить качественное образование. Следует отметить, что только небольшая часть стипендий была направлена на помощь тем воспитанникам Тобольской мужской гимназии, которые не могли не только оплатить свое обучение, но и нуждались в оплате своего проживания в пансионах. С увеличением спроса на гимназическое обучение увеличилось количество учащихся в данных учебных заведениях, однако существующих стипендий не хватало на всех воспитанников, нуждающихся в помощи.

Список источников и литературы

1. Высочайшие повеления от 20 февраля 1867 г.: об учреждении временной стипендии при Томской мужской гимназии с наименованием «стипендией 4-го апреля 1866 г.» // ЖМНП СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1867. Ч. 133. Март.

2. Замахаев С. И., Цветаев Г. А. Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск: Тип. Губ. Правл., 1889. 321 с.

3. ОГКУ ГАТО — ОГКУ «Государственный архив Томской области». Ф. 126. Оп. 1. Д. 225.

4. ОГКУ ГАТО. Ф. 126 Оп. 2. Д. 2313.

5. Тобольский биографический словарь. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. 576 с.

**ПОКАЗАТЕЛИ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ
ТАТАРСКИХ И РУССКИХ МАЛЬЧИКОВ ПЕРИОДА
ВТОРОГО ДЕТСТВА И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТОМ, С ПОЗИЦИЙ
«ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ»**

**Н. Я. Прокопьев, Е. Т. Колунин, Д. И. Митасов¹,
Е. С. Гуртовой²**

*¹Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет
Россия, Тюмень, ²Тюменский государственный медицинский
университет*

У детей и подростков, занимающихся спортом, преподавателю физкультуры и тренеру ДЮСШ важно знать базовые показатели деятельности функциональных систем, чтобы грамотно проводить тренировочный процесс. Цель: с позиций «золотого сечения» характеризовать базовые показатели сердечно-сосудистой системы татарских и русских мальчиков периода второго детства и подросткового возраста, занимающихся спортом. Материал и методы. Обследовано 69 татарских и 93 русских мальчиков, занимающихся спортом. Проанализированы значения золотого сечения по показатели артериального давления, пульса и температуры тела. Результаты и обсуждение. Установлено, что изучаемые показатели функциональных систем детей и подростков приближаются к классическим значениям золотого сечения.

Ключевые слова: мальчики, функциональные системы, спорт, золотое сечение.

**INDICATORS OF THE CARDIOVASCULAR SYSTEM OF
TATAR AND RUSSIAN BOYS OF THE PERIOD OF THE
SECOND CHILDHOOD AND ADOLESCENCE, ENGAGED IN
SPORTS, FROM THE STANDPOINT
OF THE «GOLDEN SECTION»**

In children and adolescents involved in sports, it is important for a physical education teacher and a coach of CYSS to know the basic indicators of the activity of functional systems in order to competently conduct the training process. Purpose: from the standpoint of the “golden section” to characterize the basic indicators of the cardiovascular system of Tatar and Russian boys of the period of second childhood and adolescence involved in sports. Material and methods. 69 Tatar and 93 Russian boys involved in sports were examined. The values of the golden section for blood pressure, pulse and body temperature are analyzed. Results and discussion. It is established that the studied indicators of the functional systems of children and adolescents approach the classical values of the golden section.

Keywords: boys, functional systems, sport, «golden section».

Актуальность исследования: «Золотое сечение», или «золотая пропорция», на протяжении многих столетий находятся под пристальным вниманием специалистов различного профиля – астрономов [1, 10], математиков [6], механиков [7, 22], художников [5], медиков [8, 9, 12, 18, 19, 20, 21]. В последние годы проблема «золотой пропорции» применительно к человеку переживает стадию накопления теоретических и практических знаний.

Научное наследие выдающегося итальянского математика Леонардо Пизанского (1170–1250) по прозвищу Фибоначчи, открывшего миру золотое сечение, подробно представлено в самых различных изданиях [2, 3, 4, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 23].

Отметим, что числа золотого сечения выражаются как $1,618\dots$, либо как $0,618\dots$ и получены из следующего математического ряда (1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597 ...) как результат деления соседних чисел. Так, например, чтобы вычислить число ряда следует сложить два предыдущих члена (например, $1+2=3$; или $3+5=8$; или $13+21=34$; или $34+55=89$). Следовательно, деление предыдущего числа на последующее будет равно $0,618$, а последующего на предыдущее

Рис. 1. Портрет итальянского математика Леонардо Пизанского (Фибоначчи)

Что касается человеческого организма, то специалисты различного профиля выделяют в нем более двухсот подсистем. С математических же позиций мы можем смело считать, что каждая подсистема человека есть отдельное измерение организма как целостного индивидуума. Иными словами, количество таких подсистем выражает мерность его состояний. Корректность и точность оценки показателей каждой из подсистем обеспечивает интегральный показатель, рассчитываемый для соответствующего распределения и который позволяет довольно точно проводить сравнительный анализ полученных данных. В свою очередь полнота охвата рассматриваемых в ходе исследования показателей является важнейшей составляющей достоверности и обоснованности, как выводов, так и практических рекомендаций.

Позволим себе высказать мысль о том, что несколько лет

назад с этической и этнической стороны необоснованно было принято решение убрать из паспорта графу национальность. На протяжении многих веков на территории нашей страны проживают люди различных национальностей, превратившихся за многие десятилетия в дружные высокоорганизованные коллективы, в которых было непреложным правило исключительного уважения, как к национальности, так и вероисповеданию. Во всех научных исследованиях считалось грамотным и корректным проводить сравнение, например, физического развития или функционального состояния у представителей различных национальностей. И это считалось нормой и правилом, непреложным атрибутом любого научного труда. У каждого народа есть и всегда будут свойственные ему национальные обычаи и традиции, уклад жизни, характер питания, отношение в семье и т.д. Не вызывает сомнения тот факт, что именно национальные традиции позволяют детям выбирать те или иные виды спорта, которые на протяжении многих лет культивировались в народе. Именно национальные особенности позволяли осуществлять отбор и подготовку в избранном виде спорта в зависимости от национальности. В этой связи считаем корректным проводить сравнение, например, функционального состояния сердечно-сосудистой системы у детей в зависимости от их возраста, национальности, уклада жизни, характера питания и т.д. при занятиях спортом.

В доступной литературе мы не встретили работ, характеризующих показатели «золотого сечения» у коренных русских и татарских мальчиков школьного возраста, занимающихся спортом, родители которых на протяжении трех поколений постоянно проживали в г. Тюмень. Что касается изучения пропорций золотого сечения центральной гемодинамики у мальчиков русской и татарской национальности, занимающихся спортом и проживающих в г. Тюмень, то таких исследований за последние годы крайне мало.

Цель исследования: с позиций «золотого сечения» изучить некоторые показатели функциональных систем русских и татарских мальчиков периода второго детства и подросткового

возраста г. Тюмень, занимающихся спортом

Материалы и методы: Обследовали 162 мальчика 8-17 лет, из которых 93 русские и 69 татар, обучавшихся в муниципальных образовательных учреждениях г. Тюмень и занимающихся спортом.

В данном сообщении мы делимся только результатами изучения возрастных значений систолического артериального давления (АДС, мм. рт. ст.), которое измерялось в состоянии физиологического покоя по методу Короткова на плече. Использован полуавтоматический тонометр «UA-702, AND», Япония, в соответствии с медицинским стандартом 93/42 ЕЕС, EN 60601-1. Частота сердечных сокращений (ЧСС, уд/мин) подсчитывалась пальпаторным методом на лучевой артерии. Температура тела (T^0 , по Цельсию) определялась с помощью электронного термометра «SENSITEC NF-3101» в подмышечной впадине.

Исследования соответствовали Приказу МЗ РФ за № 226 от 19.06.2003 года «Правила клинической практики в РФ». Соблюдены принципы добровольности, прав и свобод личности, гарантированных статьями 21.2 и 22.1 Конституции РФ. Получено устное согласие мальчиков на проведение исследования.

Результаты и обсуждение: Результаты расчета возрастного показателя «золотого сечения» по АДС, ЧСС и T^0 тела у русских и татарских мальчиков (табл. 1) свидетельствуют о том, что классическое значение «золотого сечения» (1,618) у них определяется не всегда.

Это мы связываем с рядом факторов. Во-первых, с тем, что в каждой возрастной группе было относительно небольшое число обследованных детей. Во-вторых, АДС, как интегральный показатель центральной гемодинамики, у мальчиков периода второго детства, т. е. младшего школьного возраста, является мобильным, и еще не успело стабилизироваться. В-третьих, особенностями ЧСС детей периода второго детства, т.е. так называемыми «физиологическими ножницами». Обращает

внимание то обстоятельство, что у русских мальчиков начиная с 12 лет, т.е. в начале пубертатного периода, показатели АДС стремились к «золотому сечению», тогда как у татарских детей начиная с 9 лет.

Таблица 1

Показатели «золотого сечения» русских и татарских мальчиков г. Тюмень

Возраст, лет	Русские мальчики		Татарские мальчики	
	По АДС	По ЧСС и T ⁰	По АДС	По ЧСС и T ⁰
8	1,591	1,606	1,607	1,611
9	1,593	1,612	1,614	1,619
10	1,598	1,609	1,620	1,617
11	1,607	1,604	1,619	1,618
12	1,616	1,612	1,615	1,616
13	1,620	1,615	1,623	1,619
14	1,619	1,619	1,620	1,618
15	1,620	1,619	1,619	1,619
16	1,619	1,620	1,616	1,617
17	1,617	1,614	1,619	1,618
Всего	1,610	1,613	1,617	1,617

Если судить о «золотом сечении» АДС у татарских и русских мальчиках в целом, что отчетливо видно из таблицы, то у татарских детей оно значительно ближе к значениям 1,618. Анализируя полученные результаты АДС, мы склонны считать, что веками сложившийся оседлый образ жизни татар, т. е. проживание в одной местности, генетически предрасполагает к более совершенной регуляции центральной гемодинамики. Вполне естественно, что высказанное предположение требует детального осмысления, причем на большем по числу обследованных

детей. Что касается показателя «золотого сечения» по ЧСС и T^0 тела, то мы также не всегда отмечали его классического значения, хотя у татарских мальчиков в возрасте 11, 14 и 17 лет значения были классическими, а возрасте 9, 10, 13, 15 и 16 лет они максимально приближались к 1,618. Если рассматривать суммарное возрастное значение показателя золотого сечения по АДС и по ЧСС и T^0 , то у татарских мальчиков они максимально близко приближались к идеальному значению 1,618 в отличие от русских детей.

Выводы

1. У русских и татарских мальчиков 8-17 лет, являющихся коренными жителями г. Тюмень и занимающихся спортом, впервые получены данные о показателях «золотого сечения» по артериальному давлению и соотношению пульса и температуры тела

2. Анализ «золотого сечения» показателей систолического артериального давления, частоты сердечных сокращений и температуры тела русских и татарских мальчиков свидетельствует о том, что эта величина у значительной части детей и подростков еще не стабилизировалась, но, тем не менее, стремится к классическому значению.

Список источников и литературы

1. Бутусов К. П. «Золотое сечение» в Солнечной системе. Проблемы исследования Вселенной: Астрономия и небесная механика. М.-Л.: АН СССР. 1978. Вып. 7. С. 475–500.

2. Васютинский Н. А. Золотая пропорция. М.: Молодая гвардия, 1990. 238 с.

3. Воробьев Н. Н. Числа Фибоначчи. М.: Наука, 1978. 144 с.

4. Гурин В. И. Принципы симметрии и конечности представления золотой пропорции // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 135–141.

5. Ковалев Ф. В. Золотое сечение в живописи. Киев: Вища школа, 1989. 145 с.

6. Коробко В. И. Краткий исторический обзор работ по золотому сечению // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 121–125.

7. Коробко В. И., Бояркина С. В. Проявления закономерностей золотого сечения в механике деформируемого твердого тела // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 171–174.

8. Коробко В. И., Примак Г. Н. Человек и золотая пропорция. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 174 с.

9. Очинский В. В. Мера в отношениях золотой пропорции и человек как ее источник // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 128–131.

10. Петруненко В. В. Волновые кратности золотого сечения в системах мегамира // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 126–127.

11. Соколов Ю. Н. Природа золотого сечения // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 125–126.

12. Сороко Э. М. Критерий обобщенных золотых сечений в оценке качества терапевтических мер // Принципы пропорции, симметрии, структурной гармонии и математического моделирования в морфологии: материалы международного симпозиума. Винница, 1997. С. 182–183.

13. Сороко Э. М. Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 1984. 365 с.

14. Соколов А. Тайны золотого сечения // Техника

молодежи. 1978. № 5. С. 40–43.

15. Стахов А. П. Коды золотой пропорции. М: Радио и связь, 1984. 152 с.

16. Тимердинг Г. Е. Золотое сечение / Пер. с нем. Петроград: Научное книгоиздательство, 1924. 86 с.

17. Урманцев Ю. А. Золотое сечение // Природа, 1968. № 1. С. 33–40.

18. Цветков В. Д. Ряды Фибоначчи и оптимальная организация сердечной деятельности млекопитающих. Пушкино, НЦБИ АН СССР, 1984. 19 с.

19. Цветков В. Д. Золотое сечение и аспекты организации структур сердечного цикла млекопитающих // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18-23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 146–151.

20. Цветков В. Д. Золотой тройник и оптимизация артериальной системы сердца млекопитающих // Циклические процессы в природе и обществе: материалы второй Международной конференции (Ставрополь, 18–23 октября 1994). Вып. 3. Ставрополь, 1994. С. 157–161.

21. Шапоренко П. Ф. Гармоническая соразмерность частей тела человека и принцип обобщенного золотого сечения // Морфология, 1992. С. 103. № 11–12. С 122–130.

22. Шевелев И. Ш. Принцип пропорций. М.: Стройиздат, 1986. 200 с.

23. Шевелев И. Ш., Марутаев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение. М.: Воздушный транспорт, 1990. 349 с.

УДК 821.512.145(571.1)

КРАТКИЙ ОБЗОР ТОБОЛЬСКОЙ СИБИРСКО- ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т. И. Солодова

Россия, Тобольск

Статья содержит сведения о сибирско-тобольской татарской литературе с доермаковского периода по XX век. Наряду с общей характеристикой литературы, автор обращается к рассмотрению жизни и творчества татарских писателей разного времени, связанных с Тобольском: Амдами, Тубылы и Я. К. Занкиева.

Ключевые слова: литература, летопись, рукопись, мусульманская культура, суфизм, фольклор.

BRIEF REVIEW OF THE SIBERIAN-TOBOL TATAR LITERATURE

The article contains information about the Siberian-Tobolsk Tatar literature from the pre-Ermak period up to the 20th century. Along with the general characterization of the literature, the author turns to the description of the life and work of Tatar writers of different times associated with Tobolsk: Amdamy, Tubyly and Ya.K. Zankiev.

Keywords: literature, chronicle, manuscript, Muslim culture, Sufism, folklore.

Обращение к истокам сибирской литературы обычно начинают со времени заселения Сибири русскими людьми. Однако, если быть объективными и справедливыми к прошлому, то необходимо иметь в виду, что литература Сибири – это и письменное творчество народа, населяющего его до судьбоносного похода Ермака, т. е. татар.

Имели ли татары свою книжную культуру во времена

правления хана Кучума?

К сожалению, памятники книжной культуры периода Сибирского ханства не сохранились, но имеются предания, говорящие о существовании у хана Кучума библиотеки. Кроме того, «Сибирские летописи», в частности, «Ремезовская», а также русско-немецкий историограф, первый историк Сибири Г. Ф. Миллер опираются в своих трудах на данные «летописцев татарских», что говорит о существовании в государстве письменной культуры» [3, с. 229].

Частично было восстановлено «родословие сеидов», созданное в доермаковский период, «...оказалось, что в нём имеется значительный объём исторических сведений с указанием некоторых дат» [3, с. 230]. Таким образом, в определённой степени о «родословии сеидов» можно говорить как о татарской летописи.

Литература сибирских татар в XVII веке развивается в направлении летописного родословия. Это генеалогические записи родов, которые назывались «сажара» («шежере», «сацара»), или «татарские летописи». О них впервые упоминается в широко известных сибирских летописях: Строгановской, Есиповской, Ремезовской.

В «сажара» повествовалось не только о представителях данного рода, но и об исторических событиях, в которых они принимали участие. Поэтому их с полным правом можно назвать летописями, отражающими вехи истории сибирских татар.

Например, «Шажара рисаләсе» – «Трактат о генеалогии». Он составлен в начале XVII века в Тобольске Ходжам Шакармом, сыном Юсуф-бия. Трактат был опубликован в 1872 году как образец письменной культуры сибирских татар.

Сохранились и рукописи XVII века, имеющие исторический характер. Одна из них – принадлежит жителю деревни Кушкуль Новосибирской области Ахмаджану Гиззатуллину. Она была найдена в 1961 году. В рукописи содержатся литературно-фольклорные тексты, отрывки из религиозных сочинений, исторические сведения. «Первая часть названа в оригинале

«Бараба иле», т. е. «Барабинский иль». Вторая запись – «Туралы Тубыл халкы», т. е. «Туралы – тобольское население» [3, с. 285].

Очень много трудов по истории и культуре сибирских татар написал российский востоковед-тюрколог, этнограф и археолог, академик В. В. Радлов (1837–1918). Благодаря ему мы имеем возможность познакомиться со многими сторонами их духовной и материальной жизни прошлых веков, в том числе с фольклором и литературой.

Тобольск в XVII–XVIII столетиях был не только центром русской православной духовности, но и важным местом сосредоточия мусульманской религиозной культуры. Тобольск стал родиной русской сибирской литературы, и вместе с тем в нём очень ярко проявила себя татарская духовная литература.

Одним из самых интересных и талантливых татарских поэтов сибирского средневековья был тоболяк Амдами.

О самом Амдами известно немного. Настоящее его имя Худжа Шукур бине Гавас-бай. Амдами он называет себя в поэме «Насихатнамэ» («Наставления»). Амдами в переводе с древнетатарского «друг», «попутчик». Видимо, поэт хотел, чтобы читатели воспринимали его как своего доброго друга и советчика в трудных ситуациях, близкого человека, который поможет выбрать правильную дорогу в жизни и избежать ошибок. О себе он говорит в поэме в третьем лице, обращаясь к читателю: «/ Будет другом он тебе, головой кивая / Болеть будешь – в глазах у него будет слеза /». ³⁰ Амдами наставляет: «/ Хорошим другом будь всегда / Впустую не проводи свою жизнь /».

В 1694 году поэт окончил медресе, т. е. получил очень хорошее по тем временам образование, и долгие годы был духовной главой тобольских татар. Крупный знаток татарской литературы, наш современник, Ф. З. Яхин пишет: «Амдами является одним из блестящих поэтов XVIII века. Он был не только ахундом-священнослужителем и мударрисом-профессором, но и занимал большой государственный пост, был Главой «народа

³⁰ Здесь и далее перевод тобольского исследователя творчества Амади Ф. С. Сайфулиной.

Таб», то есть тобольских татар». Вот и всё, что мы знаем о внешней жизни поэта. Что же касается его духовного мира: к чему он стремился, в чём хотел быть помощником своему читателю, его искания, вера, отношение к жизни и человеку – всё это содержится в единственном известном нам его творении – поэме «Насихатнамэ». Скорее всего, у него были ещё произведения.

Судьба поэмы Амдами уникальна: она несколько раз всплывала из небытия и снова забывалась – это очень редкий случай.

Впервые её рукопись была обнаружена в первой половине XIX века. Существуют сведения, что тогда её в первый раз издали, но ни один экземпляр этого издания до сих пор не обнаружен. В 1872 году поэму напечатали второй раз в городе Казани, и знатоки древнетатарской литературы высоко её оценили. Однако вскоре о книге и её авторе совершенно забыли. Прошёл почти век, и в начале 60-х годов XX столетия учёные вновь нашли рукопись поэмы, написанную на старотатарском языке, в основе которого лежит арабская графика. И опять забвение... до 1990-го года. Именно в этом году в мечети города Альметьевска учёными была найдена вторая рукопись поэмы. С этого времени интерес к творчеству Амдами стал постоянным.

Поэма «Насихатнамэ» имеет более 1 000 стихотворных строк и состоит из 48 глав. К сожалению, мы можем судить о ней только по литературоведческим источникам, поскольку она не переведена полностью на русский язык, и по переводам некоторых стихотворных строк, сделанных её исследователями. Да и не всякий, говорящий по-татарски, сможет одолеть текст произведения: язык, которым оно написано, очень сложен и далёк от современного татарского.

Тем не менее, нам кажется важным узнать и понять то, что желал донести до своих читателей средневековый автор с прекрасным псевдонимом «Амдами», что хотел сказать друг-поэт своему другу-читателю.

Произведение поднимает много проблем: война и мир, общество и человек, богатство и бедность, смысл жизни, вопросы

веры; образование, воспитание и просвещение, здоровье... Поэт даёт наставления людям, занимающим различное место в социуме, рассуждает о счастье и справедливости.

Поэма не имеет единого сюжета, но есть стержень, который делает её целостным произведением. Это цель автора – воспитать в человеке высокие нравственные качества, отвратить от дурного и направить на доброе, истинное. С этим связано и название поэмы «Насихатнамэ». «Насихат» в переводе с арабского «назидание», «наставление», «нравоучение», а «намэ» – «послание», «письмо», «книга». Автор обращается и к своим современникам, и к потомкам с наставлением, которое он пишет, желая сделать человека лучше, совершеннее.

Учёные считают поэму Амдами классическим, традиционным произведением средневековой восточной литературы. И это, прежде всего, справедливо для её жанра. Форма письма с нравоучительным содержанием была очень распространена в то время в литературе с арабско-тюркскими корнями. Об этом говорят названия произведений персидских поэтов: Фирдоуси (конец X – начало XI вв.) – «Шахнамэ» («Книга царей») и Ф. Гаттара (конец XII – начало XIII вв.) – «Панднамэ» («Назидания»).

Именно поэма Гаттара легла в основу произведения Амдами. Он сам об этом пишет так: «/ Иди, бери листок бумаги и перо, / Напиши для себя это «Наставление». / Рассказал ты эти назидания, / А подсказал тебе Шейх Гаттар, знай это / Прежде было на таджикском языке, / Амдами пересказал на тюркском /». Однако «Насихатнамэ» не является её копией-переводом. Большинство учёных, сравнивая эти два произведения, подчёркивают во многом самостоятельность творчества Худжы Шукур бине Гавас-бая, говорят о высоком уровне его поэтического таланта и мастерства.

В средние века в восточной литературе были очень распространены идеи суфизма. В этом плане Амдами – один из лучших татарских поэтов-суфий, приверженцев этого учения. В основе суфизма лежит мысль о необходимости совершенствования

духовного мира человека по примеру пророка Мухаммеда. Путь к воспитанию «совершенного человека» – в бескорыстном и преданном служении Аллаху, в борьбе с собственными пороками и искушениями, в аскетическом образе жизни. Надо думать, что в 60-е годы XX века о книге Амдами не случайно «забыли»: она по своему идейному содержанию совсем не вписывалась в атмосферу атеизма того времени.

Поэт считает, что человек должен думать не о своих жизненных удовольствиях и благах, а о том, насколько его поступки соотносятся с высокими нравственными принципами, которые завещаны пророками, провозглашающими волю Аллаха. Ведь Бог дал человеку всё, что ему нужно для совершенства:

Ум дал для познания, глаза – чтобы видеть,

Язык – чтоб говорить, а в языке – слова.

Руки дал, чтоб держать, ходить – ноги,

Могут ли быть богатства, лучше этих?

Единственное, что требуется от человека – соблюдать законы Бога и искоренять в себе пороки. Самым страшным пороком Амдами, следуя суфизму, считает «нафс» - алчность. Под алчностью он понимает жадность, скупость, корыстолюбие, эгоизм, ненасытность желаний.

«Жадность прикроет твои глаза, превратит в животное», - уверяет он.

«Нафс» отдаляет человека от Всевышнего, с алчностью надо безжалостно бороться. Олицетворением этого порока в поэме является образ змеи, которая может поглотить одержимого жадностью.

Автор внушает читателю мысль о необходимости быть щедрым, добрым, трудолюбивым; о том, что нужно довольствоваться малым, стремиться к знаниям – только так он сможет быть в гармонии с самим собой, миром и Всевышним, то есть достичь свободы души. Три вещи, по Амдами, делают человека внутренне свободным: искренняя вера в Бога, страх прегрешения перед ним и честность.

Через всю поэму проходит образ лирического героя.

Это человек, недовольный собой, он считает, что далёк от совершенства, делает много ошибок, но искренне желает стать лучше, мучительно ищет пути к этому, знает, что необходимо всю жизнь учиться и делать добро людям. Все эти качества нужно развивать в себе человеку истинно верующему – именно они приближают к Богу.

Насколько лирический герой поэмы соотносится с её автором, судить трудно: слишком мало мы знаем о его жизни. Понятно только, что, несмотря на высокое духовное положение, он считает себя человеком грешным и просит прощения у Аллаха:

«/ О Всевышний, помоги мне бедному, / Меня, грешного твоего, ты прости, / За написанное мною ты прости, о Аллах, / Свершил в этом мире множество грехов /».

Несомненно, поэма Амдами призывает к соблюдению этических норм поведения в соответствии с религией ислама. Но ведь в основе любой религии лежат общечеловеческие нравственные категории. Поэтому в наше время его произведение ценно не только как факт истории сибирской татарской литературы и духовное наследие мусульманства, но и – более всего – стремлением сделать человека лучше, т. е. высоким морально-нравственным содержанием.

О литературе тобольско-сибирских татар XIX века имеется очень мало сведений.

В результате нескольких научных экспедиций с целью изучения языка и фольклора сибирских татар, казахов и киргизов академик В. В. Радлов (1837-1918) создал десяти томный труд «Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым». Один из томов, материал для которого академик собирал в 1859-1871 годах, посвящён фольклору и языку барабинских, тарских, тюменских и тобольских татар. Впервые том был издан в 1872 году. Он состоит из 112 произведений татарского устного народного творчества.

Кроме того, мы располагаем краткой информацией о

татарском поэте **Ахметзяне Тубылы** (1826–?).

Он провёл в Тобольской тюрьме около 15 лет. Предположительно был родом из приволжских татар. В 1871 году его безвинно осудили и отправили в Тобольскую тюрьму. Что послужило причиной суда над ним, – неизвестно.

В татарской поэзии А. Тубылы, так же, как и Амдами, представляет собой направление суфизма.

О самом существовании Тубылы не было известно вплоть до конца XX века. В 1982 году учёный-текстолог М. Ахметзянов во время археологической экспедиции нашёл два рукописных сборника поэта в одной из деревень Казанской области. Он же записал четыре предания о Тубылы, провёл серьёзную работу с его рукописными текстами и письмами, отправленными из тобольской тюрьмы семье и друзьям.

Выяснилось, что Ахметзян Тубылы был личностью незаурядной и очень талантливой. Его друзьями являлись видные татарские литераторы, а жена – дочерью одного из известных в то время поэтов Г. У. Имяни, которого Тубылы почитал как своего учителя.

Именно в тобольской тюрьме поэт написал свои лучшие стихи. Его произведения подчас наполнены тоской, печалью и даже отчаянием. Но не эти чувства являются определяющими творчество Тубылы. Глубоко проникнувшийся идеями Корана, он находился на позиции необходимости терпения и стойкости в любых жизненных испытаниях, принимал все удары судьбы как средство очищения души, посланное ему Богом («Обращение к Исполнителю желаний», «Великая хвала Аллаху»).

Понятие терпения у Тубылы тесно связано с пониманием им любви и красоты. Для него это чувства, которые дополняют друг друга. Любовь без терпения не имеет опоры и не выдерживает испытаний временем. Терпение без любви быстро истощается, а красота облагораживает и любовь, и терпение. Все эти три понятия бессмысленны без конечной цели их проявления – добра. В этом заключается цельность этико-эстетических взглядов поэта.

Творчество Тубылы образно, многозначно и эмоционально.

Особенно это касается цикла стихов о тюрьме, которые имеют автобиографический характер. Любовная лирика поэта воспевает связь души и тела, бескорыстность чувства, сильную страсть.

Как сложилась жизнь Тубылы после освобождения из Тобольской тюрьмы, неизвестно.

Информация о татарско-тобольской литературе конца XIX – начала XX века очень скудна. Известно лишь то, что в этот период видный казанский учёный, профессор Н. Ф. Катанов (1862–1922) записал сибирско-татарские легенды и предания: «Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане», «Преданья тобольских татар о прибытии Мухамедданских проповедников в г. Искер», «Преданья тобольских татар о происхождении киргизского народа», «Преданья тобольских татар о Кучуме и Ермаке» и др. Они были напечатаны в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» в 1896–1898 годах. В настоящее время «хранятся в архивах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника» [3, с. 285].

Уникальным явлением литературного творчества сибирских татар XX века является проза тобольского писателя Якуба Камалеевича Занкиева (1917–2003). Уникальным – потому что Якуб Занкиев – единственный представитель национальной монументальной прозы этого народа.

Якуб Камалеевич прожил большую и достойную жизнь. Ровесник Октябрьской революции, он является потомком сибирских татар; его род берёт начало от бухарского племени. Детство и молодость Занкиева прошли у берега Иртыша в татарском селении Епанчинские юрты, находящемся в 20-ти километрах от древней столицы хана Кучума – Искере.

Педагог по профессии и призванию, Якуб Камалеевич, преподавал математику в разных школах Тобольского района, был и завучем, и директором школ, и заведующим Тобольского районо. Заслуженный учитель, он служил делу воспитания не только преподаванием, но и публикацией заметок об образовании и воспитании в местной прессе, где начинал печататься в 60-е годы прошлого века. «Мысли о воспитании», «Мои первые учителя»,

«Живёт на селе учитель», «Микроклимат в школе и молодой учитель» – вот названия лишь некоторых заметок, напечатанных в газетах «Советская Сибирь» и «Тобольская правда» в разные годы.

Всего публикаций у Занкиева около 300. Рассказы, очерки, фельетоны, сборник произведений, предназначенных для детей, – «Кайчыколак» («Остроушко»).

Особенно волновали его нравственные проблемы, вопросы современной педагогики, тема памяти и преемственности поколений. «Человек добротою славен», - утверждает он названием одной из своих статей. «Ноют раны у ветерана» - название другой. И раны эти не только физические, но и душевные. Участник Великой Отечественной войны, ушедший добровольцем на фронт, награждённый орденами и медалями, он тревожил память современников обращением к страшным событиям войны, к её суровым урокам, рассказывал о людях, ценой своей жизни завоевавших победу.

Воспитанный в духе любви к своему народу и почитанию его традиций, Якуб Камалеевич с юности интересовался прошлым сибирских татар, их устным народным творчеством, национальной культурой и этикой.

«После войны у меня возникло желание написать книгу об учителях, рассказать об истории, обычаях, этнографии моих земляков – коренных сибирских татар Прииртышья, – пишет Занкиев в автобиографии «Ступеньки моей жизни» [4, с. 39].

Этот замысел осуществить было нелегко: задуманная эпопея требовала большого труда, писательского опыта. Огромное желание сказать своё слово, представить читателю ту область народно-национальной жизни, к которой почти никто до него не обращался, – жизнь сибирских татар – преодолело все препятствия...

Более того, по сути дела, Занкиев стал основоположником литературы этого народа. «...исторические деформации и катастрофы долгое время не позволяли появиться в среде сибирских татар профессиональным литераторам. Лишь в

последнюю четверть века, в условиях очередной, трудной для России полосы реформ, они заявили о ней», – пишет В. Рогачёв в предисловии ко 2-й книге романа Занкиева «Зори Иртыша», имея, прежде всего, в виду творчество Якуба Камалеевича [2, с. 4].

«В 1988 году Казанское издательство выпустило первую книгу романа «Зори Иртыша» («Иртеш таннары») на татарском языке. Вторая книга увидела свет в 1995 году», – пишет Занкиев в автобиографии [4, с. 40]. На русский язык первая книга романа была переведена в 1996 году, спустя два года – вторая. В подготовке к изданию произведения на русском языке автору помогали журналист Ф. Баязитов и кандидат филологических наук Х. Алишина. Сам же перевод сделан учительницей английского языка гимназии № 10 г. Тобольска Нафилей Сайфуллиной.

Роман «Зори Иртыша» будет интересен всем, не зависимо от национальности, так как поднимает серьёзные проблемы общечеловеческого характера, помогает людям разных этнических групп лучше узнать и глубже понять друг друга.

События романа начинаются в августе 1917 года и заканчиваются весной 1945 года. Место действия – Сибирь: в основном, это село Ялан, находящееся недалеко от г. Тобольска. Несколько сцен происходит в Тобольске и в Омске. Изображая время Великой Отечественной войны, автор часто переносит события во фронтовые зоны.

История является центром книги Занкиева. Она – связующее звено жизни героев, определяет не только их судьбы, судьбы представителей сибирских татар, но и всего народа, всего населения Советского Союза.

«Сломленный дух народа – самое страшное, что ниспослано нам судьбой», – пишет автор. [2, с. 42]. Дух народа не смогли сломить те тяжкие испытания, которые выпали на его долю в первой половине XX века. Занкиев показывает это, обращаясь к изображению жизни татар села Ялан. История этого села уникальна настолько, насколько уникален каждый её житель, и вместе с тем она типична. Судьба сибирских татар органично вписывается в контекст общей истории страны. И

определяющие её события, через которые, как через страшные грозные перевалы, вынужден был проходить народ, – голод, эпидемии, бандитизм, продрозвёрстка революционных годов, коллективизация и репрессии 30-х, военная мясорубка 40-х.

В произведении много потрясающих сцен, которые не оставят читателей равнодушными.

Обращаясь к изображению военного времени, автор раздваивает сюжетную линию, параллельно описывая тяжёлый труд, подчинённый лозунгу «Всё для победы!», в тылу – село Ялан (колхоз «Заря»); и фронтową жизнь яланцев, ушедших защищать родину.

Измученные от недоедания, похуевшие от постоянной тяжёлой работы, женщины и старики Ялана вынуждены были встречаться с новыми бедами: суровые зимы, эпидемия среди скота, неурожай хлеба, лесных даров, исчезновение рыбы в Иртыше.

Бандиты из остатков белых и дезертиров, обосновавшихся около села, грабили скот, всяческими путями стремились подорвать у людей веру в победу над фашистами. К этим объективным трудностям прибавлялся страх перед начальством в виде уполномоченных, грозивших арестом и даже расстрелом за невыполнение государственного плана поставки зерна, за отказ от подписки на военный заём.

«Каких только войн не перевидала наша многострадальная и прекрасная мать земля! Горели жилища, рушились города, целые племена и народы исчезали с лица планеты. Одной рукой человек строил, другой разрушал... Тысячи книг написаны о войне, тысячи памятников напоминают о ней, тысячи фильмов, посвящённых войне, увидели люди. Но никто, наверное, не в состоянии полностью показать то зло, которая приносит каждая из войн. Одна война не может сравниться с другой. Каждая минута войны непредсказуема. Она для человека – самое страшное испытание. Она меняет не только облик людей, но и души», – пишет автор [2, с. 129].

Помнит фронтовик Занкиев, помнят те люди, которые

пережили войну. Память о ней не должна стереться в сознании настоящих и будущих поколений. Книга Занкиева – одна из тех, что помогают сохранить её как память не только рассудка, но и сердца.

И тыл, и фронт автор лишает идеализации. Вместе с тем, он не нагнетает «чёрное», как это часто делают современные писатели, впадая в крайность изображения «безгероического», будто боясь, что их обвинят в несовременности, в приукрашивании и необъективности.

Главный герой произведения – учитель, директор школы Мухамед Уразаев. Роман «Зори Иртыша» был и задуман автором, прежде всего, как повествование об учителе. Наверное, точнее, об Учителе – с большой буквы. Именно таким является его герой. Большевик, коммунист, принимавший участие в установлении советской власти в Сибири, он очень быстро понял, что главная задача его жизни – учить детей, учить для будущего.

Тема учительства проходит через весь роман. Она раскрывается автором как проблема воспитания, приобретения твёрдых нравственных устоев, которые стали бы для учеников стержнем всей их дальнейшей жизни. В традиции тюркских народов почитание учителя. «У нас, татар, исстари учитель – самый уважаемый человек. Каждый хороший его поступок становится примером для всех, каждое его слово запоминают надолго», – говорит Мухамед своей снохе Зосе. И это налагает огромную ответственность на учителя.

Мухамед предан своему народу. Он, учитель истории, – сторонник объективного взгляда на неё и не хочет, чтобы прошлое его народа изображали в уродливом, искажённом свете. «В книгах, в которых говорилось о татарах, она (Зося – Т. С.) вычитала немало отрицательного. Унизительные пословицы, анекдоты, исторические очерки описывали татар и внешне, и по характеру очень неприглядными. Зося помнила в учебнике истории рисунок «Ермак в Сибири», где татары изображены чуть ли не уродами». [2, с. 204].

Желая восстановить историческую справедливость,

Уразаев собирает народные легенды, интересуется краеведением и этнографией, вместе с учениками отправляется на поиски клада Кучума.

Думается, неслучайно Занкиев дал своему главному положительному герою имя мусульманского пророка и учителя своего народа. Пророком полушутя называет Уразаева один из эпизодических персонажей – доктор Гершензон. Пророк Мухаммед в поисках истины скитался по жизненным дорогам. Учитель Мухамед Уразаев проходит, не покидая Сибирь (за исключением участия в войне) огромную школу ученичества, в которой единственным предметом является жизнь. «Писатель как бы намеренно отправляет Мухамеда по жизненному океану с уверенностью, что такой человек, как Уразаев, сильный и мужественный, пройдет все испытания, жизненные трудности его не сломят» [5, с. 86].

Символическое значение имеет образ Иртыша, проходящий через всё повествование. Это образ самой жизни: бурной и спокойной, ласковой и жестокой, доброй и несправедливой.

«Горе, беды и несчастья не могут полностью остановить ход времени и течение жизни, хотя и делают её иногда невыносимой. Жизнь и Иртыш сродни в этом. Ещё предки сибирских татар, племя сэбэров, поселившееся на берегах этой реки, из-за быстрого течения и разрушающей силы назвали её «жир тишуче», то есть «роющий землю». Это укоренившееся выражение «жир тиш» впоследствии и дало название реке. То спокойно несёт свои воды Иртыш, то забурлит и забеспокоится. Скроется зимой под толщей льда, чтобы весной с удвоенной силой обрушиться на берега, поглотить их в своих волнах и разрушить. Успокаивается, лишь разлившись на заливных лугах, возвращается в своё русло и продолжает движение. Разве в нашей жизни не так происходит? [1, с. 235].

Иртыш изображается автором в разное время года и при разной погоде. Он – источник существования: в самые трудные времена рыба, выловленная в реке, не давала колхозникам умереть от голода. Заливные луга Иртыша, поля, простирающиеся

рядом с ним, – приложение тяжёлого труда и радостная надежда на будущее. И в счастье, и в горе приходят яланцы к реке: она успокоит, утешит, разделит радость и печаль.

«Прекрасны зори над Иртышом! Если сама река, как и судьба, может быть доброй и злой к человеку, то зори над ней несут в себе только залог будущего счастья.

«Ах, зори Иртыша! Здоровым дарят радость, больным – силу, опечаленным – надежду... [2, с. 207].

Изображение народа – сибирских татар – является стержнем романа. Стихия народной жизни, как Иртыш, качает людей на своих волнах, кого-то безжалостно вбирает в себя и утаскивает на дно, кого-то отбрасывает, как ненужный хлам, засоряющий реку, кого-то настойчиво и сильно подталкивает к берегу. Это – стихия, потому что не всегда её действия оправданы, сознательны и идут ей же на пользу.

Стихия народной жизни может быть прекрасной. Именно она хранит в своей памяти легенды и сказки, быль и предания, пословицы и поговорки. Их много в романе: о Кучуме и о Сузге, о терпении, о медведе и хомяке... Народ бережно передаёт из поколения в поколение трудовые праздники, традиции и обряды: ловля метляка на Иртыше, сенокосная страда, проводы на войну.

Всё повествование, особенно сцены, связанные с обрядами, традициями, творчеством сибирских татар, убеждают в том, что книгу писал человек, искренне и сильно любящий Сибирь, Иртыш, свой народ, которым он по праву гордится.

Стихия народного словесного творчества: песни, легенды, поговорки, пословицы – гармонично сливается с многожанровостью повествования: история и психология, элементы приключенческого детектива, любовная и дидактическая линии сюжета. Вместе с тем, фольклор, при всём многообразии используемых видов, вводится в роман без излишеств и нарочитости. Это можно сказать и об описании этнографических особенностей быта сибирских татар: пища, одежда, ритуалы.

Роман «Зори Иртыша» – это, по большому счёту, роман

о том, как в нечеловеческих, жестоких условиях жизни человек остаётся человеком. Роман о человеческом великодушии.

Персонажи романа не фанатики религии и не воинствующие атеисты. Они живут – просто и естественно – жизнью своего народа, а значит, и его традициями, бытом, исторически сложившимися религиозными и нравственными устоями, не отделяя их друг от друга.

Почему же мысль о книге, задуманной после войны, была реализована только спустя почти два десятка лет? Надо думать, что роман, написанный честным, смелым и талантливym пером, не смог бы в послевоенные годы дойти до читателя. Что ожидало бы его автора? Вспомним судьбу романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Вспомним, с каким трудом удавалось А. Твардовскому, редактору журнала «Новый мир», публиковать в 60-е годы правдивые повести о войне, написанные В. Быковым. Не избежать бы Занкиеву страшных обвинений в национализме и клевете на советский народ, «очернении» памяти войны. Нашёлся бы у него переводчик на русский язык? Кто бы осмелился на это? Да и для того чтобы такое крупномасштабное произведение вышло, замысел вылился в разветвлённую, искусно выстроенную систему изображения жизни, судеб, их переплетений – в историко-психологическую полифонию повествования, в которой слышна каждая нота и вместе с тем, это могучий единый аккорд, необходимо время, время и время.

Надо подчеркнуть: роман Занкиева написан на самой заре нового времени, которое окрестили «перестройкой». Якуб Занкиев – один из первых писателей России, решившийся на обнародование правды жизни, долгое время задвигаемой социалистической идеологией в самые тёмные и дальние углы общественного сознания.

Роман «Зори Иртыша» в 1988 году получил второе место на конкурсе «Книга года», который проходил в городе Казани.

В 2001 году на русском языке издаётся второй роман Я. Занкиева «Любовь, объята пламенем». Это произведение представляет собой как бы кальку, клише романа «Зори

Иртыша». Время действия – предвоенные и военные 1941-1945 годы. Действие его также происходит в основном либо в татарской деревне, расположенной недалеко от Тобольска, либо в местах, связанных с Великой Отечественной войной: фронт и фашистский концлагерь. Событийная канва и образы в обоих романах создаются по одинаковой схеме.

Роман «Любовь, объятая пламенем» – добротное произведение – и только. Нет в нём художественной выразительности, накала чувств в изображении жизни, философского осмысления и тонкого лиризма, которые делают роман «Зори Иртыша» произведением, оказывающим глубокое впечатление. Заштампованность образов, некоторая поверхностность в изображении человеческих характеров (резкое деление героев на положительных и отрицательных) без проникновения в глубину души, бросающиеся в глаза погрешности перевода...

Есть в книге и описание народных традиций, обрядов, национальных игр молодёжи, но всё это по яркости и органичности намного уступает диалогии «Зори Иртыша».

Несомненно, некоторые сцены романа, например, связанные с пребыванием главного героя на фронте и в фашистском концлагере, написаны сильно и эмоционально убедительно. Но, в общем и целом, роман «Любовь, объятая пламенем» – лишь вторичная вариация того, что очень талантливо, глубоко, экспрессивно, смело изображалось автором в эпопее «Зори Иртыша».

Почему так получилось? Видимо, для Занкиева образ сельского учителя, прошедшего тяжёлую школу жизни, включающую Великую Отечественную войну, был очень важен и как для писателя, и как для человека. Поэтому он ещё раз к нему возвращается. Важен как для писателя – потому что давал возможность показать переплетение человеческих судеб и характеров в переломные моменты эпохи; как для человека – потому что в известной степени это был и его, учителя-фронтовика Занкиева, опыт, его жизненные впечатления, его

осмысление бытия.

Как бы то ни было, оба романа Якуба Занкиева – это важное явление эпической литературы сибирских татар. Они написаны на родном языке, повествуют о жизни родного народа, и в этом его огромная заслуга.

Скончался Занкиев в 2002 году на восемьдесят шестом году жизни. Прекрасный семьянин, он дал миру семерых детей, многочисленных внуков и правнуков.

Жаль, что город Тобольск недостаточно хорошо знает своего писателя, недостаточно признаёт его значимый вклад в литературу Сибири. Я убеждена: Якуб Камалеевич достоин того, чтобы ему был посвящён один из залов музея, чтобы его скульптурный бюст был поставлен в городском сквере. Надеюсь, что это когда-нибудь осуществится!

Список источников и литературы

1. Занкиев Я. Зори Иртыша. Книга 1-я. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 272 с.

2. Занкиев Я. Зори Иртыша. Книга 2-я. Тюмень: СофтДизайн, 1998. 232 с.

3. История и культура сибирских татар (с древнейших времён до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ., Изд-во «Артифакт». 2014. 440 с.

4. Лунолицая красавица Сузге. Литературно-критический сборник, посвящённый 80-летию видного общественного деятеля, заслуженного учителя РФ, члена Союза писателей Республики Татарстан Якуба Камалеевича Занкиева. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1997. 100 с.

5. Общество, школа, педагог // Материалы шестой Тюменской областной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Указа Петра I об открытии в Тобольске первой сибирской школы. Тобольск, 1997. 154 с.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ
Р. З. ЯНГУЗИНА БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

М. Р. Бижанова

Россия, Уфа, Башкирский государственный университет

В статье рассматривается музей этнографии им. Р. З. Янгузина, который посвящен традиционному быту и культуре башкирского народа. В 1985 г. на основе собранной коллекции Р. З. Янгузин добился открытия этнографического музея БашГУ. Уникальность собранных коллекций объясняется тем, что многие предметы, издавна бытовавшие среди башкир, были уже утрачены к этому времени или редко встречались в повседневном быту. На сегодняшний день в фонде музея хранятся около 1000 предметов.

Ключевые слова: традиционная культура, этнос, музей, этнография.

**R. Z. YANGUZIN ETHNOGRAPHIC MUSEUM OF BASHKIR
STATE UNIVERSITY**

The article deals with the Museum of Ethnography named after R. Z. Yanguzin, which is dedicated to traditional life and culture. In 1985, on the basis of the collected collection of R. Z. Yanguzin achieved the opening of the ethnographic museum of the Bashkir State University. The uniqueness of the collected collections is explained by the fact that many items that have long existed among the Bashkirs were already lost by this time or were rarely found in everyday life. Today, the museum's fund contains about 1000 items.

Keywords: traditional culture, ethnos, museum, ethnography.

Музеи являются институтом социальной памяти, который

отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует первоисточники знаний о развитии общества – музейные предметы, их коллекции, другие виды движимого и недвижимого, материального и нематериального культурного наследия. Таковыми являются, в основном, исторические, в частности, этнографические музеи. Во время проектирования этнографических музейных экспозиций исследуются особенности материальной и духовной культуры этноса, взаимовлияния культур.

Экспозиция этнографического музея восстанавливает среду бытования, фрагмент исторической памяти – реальной действительности прошлого. Посетитель испытывает воздействие воссозданной историко-культурной среды. Экспонирование этнографических коллекций логически связано с выполнением музеем функции образования и воспитания: пропаганды народного быта, разъяснения истоков и сущности этнических факторов в традиционной культуре, его связи с социально-экономическими условиями развития этноса, воспитания толерантности, терпимости, понимания менталитета людей другой культуры и религии. В более широком смысле это означает, что в наши дни решение национальных, этнических и культурных конфликтов невообразимо без помощи исторической памяти, выполнявший роль инструмента или ключа. Такой подход усиливает идеологическую значимость этнографических экспозиций, способствует формированию и восстановлению исторической памяти, национального самосознания и этнической идентичности [3, с. 65–67]. Музей этнографии им. Р. З. Янгузина посвящен традиционной материальной и духовной культуре башкирского народа.

Основатель музея Рим Зайнигабидтинович Янгузин (Рим Зәйнигәбитдин улы Янғужин) родился 15 ноября 1941 г. в селе Аючево Стерлитамакского района Башкирской АССР.

С золотой медалью окончил Ишимбайскую школу-интернат, а в 1964 г. – исторический факультет Башкирского государственного университета. Учился в аспирантуре

на кафедре этнографии Московского государственного университета и в 1968 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

С 1968 г. работал в Башкирском государственном университете, был старшим преподавателем, доцентом, профессором и заведующим кафедрой истории СССР, с 1991 г. являлся заведующим кафедрой истории Башкортостана и этнографии. Профессор, доктор исторических наук Р. З. Янгузин занимался исследованием истории развития хозяйства башкир в XIX – начале XX вв. Особое внимание обращал на вопросы перехода от кочевого скотоводства к земледелию, формированию территориальных и хронологических особенностей хозяйственной жизни, хозяйственного районирования. Занимался вопросами историографии этногенеза башкир, а также исторической демографией Башкортостана. Ученым были исследованы социальная структура и организация башкирского общества в XVIII–XIX вв. Начиная с 1969 г. Р. З. Янгузин возглавлял этнографические экспедиции по районам Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской области, целью которых являлось комплексное исследование этнической истории башкирского народа, его традиционного хозяйства, культуры, языка.

Понимая, что музей имеет возможность передать комплекс знаний, подкрепляемый научно обоснованной экспозицией, состоящих из подлинных, достоверных доказательств преподаваемой теории по этнографии, ученый в 1985 г. на основе собранной коллекции добился открытия этнографического музея БашГУ. Процесс обучения в музее становится более насыщенным, красочным, следовательно, запоминающимся.

В 2003–2005 гг. под руководством ученого была произведена реэкспозиция музея. В 2006 г. состоялось открытие обновленного музея. Уникальность собранных коллекций объясняется тем, что многие предметы, издавна бытовавшие среди башкир, были уже утрачены к этому времени или редко встречались в повседневном быту. В начале XX в. комплексные этнографические исследования

проводил среди башкир С. И. Руденко – выдающийся этнограф, историк, археолог. Собранные им коллекции составили основу монографии «Башкиры». Спустя полвека Р. З. Янгузин смог найти такие же редчайшие предметы быта башкир и повторить коллекцию Руденко, т. е. ученый отбирал подлинные предметы традиционной культуры, которая является документами эпохи, формировал коллекцию на основе существующих научных классификаций XX века.

Музейный фонд в настоящее время составляют около 1000 предметов. В экспозиции задействованы предметы традиционного быта и художественных промыслов: широко представлены образцы вышивки, ткачества, резьбы по дереву, узорные войлоки, тканые ковры, вышитые домотканые полотенца. Концепцию музея определяет системная характеристика истории и культуры башкир. Его центральную зону занимает экспозиция «Башкирская юрта», воссоздающая интерьер традиционного жилища, которое и поныне используется в традиционных праздниках как, например, сабантуй. Основные разделы музея: «Коневодство», «Земледелие», «Бортничество», «Охота», «Деревообработка», «Ковроделие», «Вышивка», «Ювелирное искусство», «Музыкальные инструменты». Все экспонаты собраны Р. З. Янгузиным и его учениками на безвозмездной основе, на авторитете ученого. При этом он был требователен к экспонатам, их качеству и достоверности.

Центральное место в музее занимает макет башкирской юрты с войлоком. В относительно небольшом помещении не удавалось вместить юрту в натуральную величину, пришлось ограничиться уменьшенной копией [5, с. 56]. Юрта – как легкая и быстро разбирающаяся конструкция была на протяжении многих тысячелетий основным жилищем скотоводов кочевников. Возникновение решетчатой юрты С. И. Вайнштейн относит к 1 тысячелетию нашей эры – узловой эпохой в истории племен Евразии, когда заканчивается процесс генезиса хозяйственно-культурных типа кочевых скотоводов, и он стабилизируется в своих в классических формах. В этот

период ознаменован достижениями в материальной и духовной культуре, означающими, что кочевой стиль достиг своего совершенства. В результате многовекового отбора и шлифовки под углом зрения максимальной практичности, компактности, прочности, легкости и удобства при постоянных переездах появились мобильное жилище, сборно-разборная мебель, небьющаяся посуда, покроя одежды, предназначенной для верховой езды [2, с. 42–46].

Преимуществом юрты было то, что она не нуждалась в транспортировке в громоздких повозках, ее можно было быстро собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти вьюком в малодоступные места. Состоит юрта из вертикальной стенки из решеток и самостоятельного верха, образованных из жердей (ук). Для изготовления решеток юрты использовали преимущественно древесину ивы и березы. Размеры юрты зависели от количества звеньев решетки и могли быть весьма большими, не делая ее из-за этого значительно менее транспортабельной. В прошлом юрты (*тирма*) изготавливались специальными мастерами (*тирмаесе, оста*), которые были известными людьми в районах Башкирии. По данным С. Н. Шитовой и других авторов, среди мастеров по изготовлению юрт была четкая специализация. Одни мастера делали только решетчатые каркасы юрт (д. Абдулнасырово Хайбуллинского района), другие – жерди купола (ук) (дд. Абдулкаримово, Куватово, Янгазино Баймакского района). Деревянный обод для устройства светодымового отверстия в верхней части купола изготавливали особые мастера в д. Ишберды Баймакского района и д. Рафиково Хайбуллинского района, так как рядом было немало березовых лесов. Кошмы для покрытия решетчатого остова юрты, ее купольной части, отдельно купольного отверстия производили только женщины в деревнях юго-восточных и зауральских районов Башкирии. Среди кошмодельщиц также были особо признанные, благодаря своему умению, мастерицы. Мастерство и практические навыки мастеров обычно передавались из поколения в поколение, то есть в большинстве случаев это было семейным делом, обеспечивавшим

благосостояние семьи [1, с. 21]. Поэтому кошму профессор Р. З. Янгузин заказал именно в Баймакском районе.

Внутреннее убранство юрты отражало представление народа о мироздании. Все предметы интерьера наделялись символическими и магическими значениями. Обустройство переносного дома говорило о достатке семьи, ее месте в племени. Ученый Р. З. Янгузин стремился сохранить аутентичность внутреннего убранства и ему это удалось добиться. На стенах юрты размещены ворсистые ковры, которые защищали помещение от холода. Там, где располагался *төндөк* (круглое отверстие в центре купола, служащее для дневного освещения), проложена полоса ткани, вышитая национальными орнаментами. Она носит название *баскур*. Полы юрты застеланы домотканными коврами, собранными из разных районов Республики Башкортостан (коврами из войлока). По краям юрты расположены сундуки, на которых выложены горы подушек и одеял. Также юрту украшает современный свадебный сундук для хранения столовых и чайных принадлежностей. Слева от входа, как принято у кочевников, ученый разместил на стенах: одежду, сумки, конную сбрую, оружие для охоты. Сердце юрты в степи — очаг, также получил свою реализацию в виде искусственного огня, располагающийся в центре юрты. Кочевники размещали казан на треноге, разводили под ним огонь, а затем приступали к приготовлению пищи. Дым от огня выходил прямо в отверстие *төндөк*. За очагом, напротив входа, было почетное место в юрте (*тыр*). Оно предназначалось для важных гостей или старейшин семьи. Таким образом, перед нами предстает традиционное жилище башкир с полным интерьером, соответствующее своему традиционному прошлому.

Коллекция предметов музея отражает сложный собой сложный комплекс традиционного хозяйства башкир, включающий в себя скотоводство, земледелие, пчеловодство, рыболовство, охоту, промыслы и ремесла.

По мнению многих исследователей, в том числе и Р. З. Янгузина, башкиры прошли сложный путь хозяйственного развития —от полукочевого скотоводства к оседлости и

земледелию. Для башкирского хозяйства, начиная, по крайней мере, с XVIII в. было характерным смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство [6, с. 67]. В музее представлены экспонаты, характеризующие скотоводческое хозяйство башкир. Например, предметы коневодства. У башкир коневодство было одним из ведущих направлений в хозяйстве [4, с. 96–97]. Количество лошадей исчислялись и измерялись богатством и знатность башкир. Роль лошади у башкир определялось огромным хозяйственным значением. Прежде всего, лошадь являлась наиболее выносливым и приспособленным животным для пастбищного способа кормления в течение круглого года (тебеневка). Разведение лошадей делало хозяйство чрезвычайно подвижным. Лошадь доставляло кочевнику мясо, молоко – из которого изготовлялся кумыс, кожу для обуви и утвари.

В музее представлены конские снаряжения – это совокупность приспособлений для запряжки лошади при использовании её для верховой езды или перевозки грузов: недоуздок (*нукта*), состоящий из оголовья (*башлык*), намордник (*моронһалык*) и длинный поводок (*тезген*), узда (*йүгән*) с удилами (*ауызлык*), седло (*эйәр*), потник (*уңлек*) с чепраком (*серге, тукым*), подпруги (*айыл, тартма*), стремяна (*өзәңге*), плети (*камсы*), хомут (*камыт*), гребень (*ат кыргыз*). Украшенные резьбой, деревянные, мужские и женские седла, являются уникальными по времени изготовления – конец XIX в. С. И. Руденко еще в начале XX в. в 1904–1906 гг. обнаружил такие же седла у пермских башкир [4, с. 212]. Отдельную серию предметов представляют кованые железные стремяна, покрытые чеканным узором, датированные XIX вв.

Комплексное традиционное хозяйство характеризуются предметами рыболовства (деревянная лодка долбленка, морда, острога), пчеловодства (ульи-колоды, ремень, сплетенный из полос сыромятной конской кожи, топор-тесло, роевня, маточник), земледелия (кайло, орудие для перекапывания земли, борона, серп, коса горбуша, цепь который употреблялся башкирами для молотбы хлеба, деревянная лопата для веяния хлеба, деревянные

ступы, чугунные или каменные жернова для размалывания зерна), охоты (охотничьи лыжи, лук и стрелы, макет фитильного мушкета, сабли, длинные ножи, наконечники стрел, налучье, колчан, кистень, наконечники пики, ружейные принадлежности, рогатина на медведя, сани для охоты на тетеревов, железные капканы различного диаметра).

Уникальным экспонатом является колодный улей, привезенный из Бурзянского района. Как известно, бортничество и его древнейшие формы до сегодняшнего дня сохранены у бурзянских башкир.

В музее собрано огромное количество деревянной утвари. В прошлом деревянная утварь была популярной среди кочевых народов Евразии в связи с его легкостью, удобством при перекочевывании. Совпадают не только названия, но и функциональная принадлежность башкирской утвари с казахскими, например, ижау (на баш. яз.) – ожау (на каз. яз.) ковш использовался для питья кумыса, отличался изяществом и красотой как у башкир, так и у казахов, кашык (на баш. яз.) – касык (на каз. яз.), кебе (на баш. яз.) – куби (на каз. яз.), бешкэк (на баш. яз.) – писпек (на каз. яз.), күнэк (на баш. яз.) – көнек (на каз. яз.), ашлау (на баш. яз.) – астау (на каз. яз.) являлись преимущественно торжественной или даже обрядовой посудой. Праздничные чаши ашлау были более вместительными, чем повседневные. Некоторые старинные ашлау, диаметр которых доходил до одного метра, были рассчитаны на целую баранью тушу, табак (на баш. яз.) – табак (на каз. яз.), киле (на баш. яз.) – кели (на каз. яз.), хаба (на баш. яз.) – саба (на каз. яз.).

В районах, где растет береза, в быту была распространена берестяная утварь. Из бересты делали туюски, банки для хранения сметаны, лотки для муки, посуду для хранения муки, ягод, соли и т. п. В фондах музея собраны сосуды туюски из разных районов Республики Башкортостан.

В конце XIX – начале XX века в состоятельных семьях появилась покупная металлическая, стеклянная и керамическая посуда; чайники, самовары, кувшины, которые представлены в

музейной экспозиции.

Башкирское народное искусство представлено в музее различными оранментированными войлочными, шерстяными коврами, вышитыми полотенцами. К сожалению войлочные изделия трудно сохранить в течение длительного времени даже в условиях музеев. Большинство войлоков музея датируется началом и серединой XX в. В производстве кошм использовали овечью шерсть. В нашем музее сохранился кошма со сложным вкатанным узором. Орнамент состоит из «бегущих волн», условно можно назвать «кускарным», в сочетании ромбами и внутри орнаментом *сапраи*.

Женская одежда состоит из платьев и праздничных *елянов*. О вышивке на одежде башкир следует сказать особо. Юго-восток – единственный регион на огромной территории расселения башкир, где было принято украшать вышивкой верхнюю одежду. Особенно нарядными были женские халаты. В музее имеется свадебный елян. Шили из черных лощеных тканей и украшали по вороту, вдоль пол, по подолу и по низу рукавов в несколько рядов полосами красного, зеленого сукна с окантовкой из синего и желтого материала, или золотого позумента. За широкой обшивкой размещались вышитые шелком и бисером или выложенные кораллами солярные узоры. Специфической особенностью верхней одежды были эполеты (*яуринса*) – плечевые нашивки из позумента с бахромой или вышитые наплечники. Линию талии на спинке отмечали с двух сторон отрезки позумента (*бөйөрлөк*), ряд монет или кисточки, в центре – выложенные бисером, сердоликом и кораллами солнышки. В орнаменте одежды отдавались предпочтение роговидным узорам – *кускарам*, треугольникам-амулетам, солнечным дискам, звездам. В нашем музее сохранился белый мужской чекмень конца XIX в. из сукна. Декорирован полосой красных и желтых крестиков, подол по краям оранментирован солярным орнаментом. Как и мужской, так и женский чекмен не имел застежек или завязок, запахивался в любую сторону. На концах рукавов, кругом по краю ворота, по бортам и по подолу обшивался широкой полосой

красного, черного сукна или материи.

Внимание привлекает разные по форме и размеру нагрудные украшения башкирских женщин. состоящая из кораллов и монет, которые датируются началом XX в.

Представляют собой интерес традиционные музыкальные инструменты башкир. Курай представлен разными видами (*агас курай, көпшә курай, тимер курай*), кыл-кубыз, кубыз. Особо следует остановиться на кыл-кубызе, подаренном музею известным исполнителем кубаиров Ильсен Мирхайдаровым. В музыкальном творчество башкир этот инструмент слегка забыт. В начале 90-х гг. XX в. кыл-кубыз был восстановлен с некоторыми изменениями заслуженным работником культуры РБ Р. М. Галимовым, усовершенствован И. М. Мирхайдаровым, В. Ш. Шугаюповым. Кыл-кубыз является древнетюркским музыкальным инструментом, и на нем в основном играли баксы, шаманы при камлании, наверняка поэтому он не получил такого широкого распространения среди обычных людей, т. к. камлание было доступно только особо одаренным людям, шаманам, которые общались с духами, исполняя ритуальные песни *харнау* (*харнау*).

Таким образом, многолетняя научная работа Р. З. Янгузина способствовала накоплению уникальных исторических предметов, характеризующих традиционный быт, хозяйство и культуру башкир. Как известно, преимущество музейных предметов состоит в их наглядности. Проведение исследований с опорой на такие источники является актуальной задачей исторической науки. Главным образом с музейными предметами работают сотрудники музеев. В случае обеспечения доступа к музейным материалам исследователей у них появится возможность их изучения, а это будет способствовать популяризации и введению в научный оборот новых источников. На сегодняшний день основная осознанная музейная аудитория — это студенты и специалисты с высшим гуманитарным образованием. Можно предположить, что экспозиционеры на современном этапе осуществляют свою деятельность для коллег гуманитариев и людей, включенных в систему высшего образования и научной деятельности.

Список источников и литературы

1. Башкирская юрта. Методическое пособие / Р. М. Юсупов, Р. А. Султангареева, С. Н. Шитова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 70 с.
2. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4. С. 42–62.
3. Геворгян Л. П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Артикульт. 2014. 16 (4). С. 65–74.
4. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
5. Светлый путь (Воспоминание о профессоре Риме Зайнигабитдиновиче Янгузине) / Сост. З. В. Янгузина. Уфа: «Китап», 2009. 191 с.
6. Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа: «Китап», 1998. 240 с.

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЙНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ
ЦЕНТРОВ «ЧИМГИ-ТУРА», «ИСКЕР» И МУЗЕЯ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКИХ ТАТАР
В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЭСКИЗ)**

З. А. Тычинских, А. А. Адамов¹, Д. М. Исаков²

Г. И. Зиннатуллина³

*¹Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

*²Россия, Казань, Центр этнологического мониторинга
Всемирного конгресса татар, журнал «Туган жир» /
«Родной край»*

*³Россия, Тюмень, Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище им. А. И. Прошлякова*

Представлен концептуальный эскиз проекта создания музейно-просветительских центров «Чимги-тура», «Искер» и Музея истории и этнографии сибирских татар. Авторы показывают, что формирование музейного пространства, отражающего историю и культуру татарского населения Западной Сибири, является на сегодняшний день важной и актуальной задачей. Историко-культурное наследие сибирских татар, представленное в музейных экспозициях Тюменской области, может вызывать большой интерес у туристов, дополнить и обогатить разрабатывающиеся в рамках реализации целевых программ направления по развитию туризма в Тюменской области.

Ключевые слова: Музей истории и этнографии сибирских татар, музейно-просветительские центры «Чимги-тура», «Искер», историко-культурное наследие, сибирские татары, Тюменская область.

THE PROJECT OF CREATION OF MUSEUM AND EDUCATIONAL CENTERS «CHIMGI-TURA», «ISKER» AND THE MUSEUM OF HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN TATARS IN THE TYUMEN REGION (CONCEPTUAL SKETCH)

A conceptual sketch of the project for the creation of the museum and educational centers «Chimgi-Tura», «Isker» and the Museum of the History and Ethnography of the Siberian Tatars is presented. The authors show that the formation of a museum space reflecting the history and culture of the Tatar population of Western Siberia is an important and urgent task today. The historical and cultural heritage of the Siberian Tatars, presented in the museum expositions of the Tyumen region, can arouse great interest among tourists, complement and enrich the directions for the development of tourism in the Tyumen region that are being developed as part of the implementation of targeted programs.

Keywords: Museum of the History and Ethnography of the Siberian Tatars, museum and educational centers «Chimgi-Tura», «Isker», historical and cultural heritage, Siberian Tatars, Tyumen region.

Вопрос о необходимости создания музеев, посвященных истории и культуре уникального тюркоязычного народа – сибирских татар, поднимался неоднократно. В очередной раз он был озвучен 18 июня 2019 г. в г. Тюмени на встрече татарской общественности с президентом Республики Татарстан Р. Н. Миннихановым, который поддержал соплеменников и поручил ведомствам РТ помочь в осуществлении проекта создания музеев в г. Тюмени и Тобольске. Впоследствии состоялись встречи в Казани инициатора проекта З. А. Тычинских с руководством Всемирного Конгресса татар. По поручению руководителя ВКТ В. Г. Шайхразиева ею была организована рабочая группа по созданию концептуального эскиза будущих музеев, которая в течение 2020 г. работала над проектом. Дальнейшие шаги были

связаны с защитой проекта в январе 2021 г. в г. Казани на рабочем совещании, организованным ВКТ с участием ученых и музейных работников, на котором он был одобрен. Одновременно шли переговоры относительно возможности предоставления зданий для размещения будущих музеев с администрацией г. Тобольска и частными инвесторами. 13 и 14 октября 2021 г. в Тюмени и в Тобольске состоялись круглые столы, на которых ученые и общественность обсудили концептуальный эскиз проекта создания Музейно-просветительского центра «Чимги-Тура» в г. Тюмени и музея истории и этнографии сибирских татар в г. Тобольске. Были поддержаны и сама идея музеев и предложенное авторской группой содержание проекта.

Сибирские татары, являющиеся коренным и вторым по численности населением в Тюменской области, имеют богатую историю и уникальную традиционную культуру. К сожалению, в настоящее время в музейных экспозициях Тюменской области история и культура сибирских татар отражена слабо, несмотря на то, что традиционная культура коренных народов вызывает большой интерес у туристов. А опорными точками в развитии туризма являются именно музеи. Продвижение идет и в плане материальной стороны дела, т.е. того, где будут размещены будущие музеи. Благодаря действенной поддержке мецената Рината Хамзиевича Насырова реставрируется под будущий музей здание в г. Тюмени. А 15 октября на заседании Общественной палаты г. Тобольска, где была изложена концепция музея, глава города Максим Викторович Афанасьев при поддержке Общественной палаты (председатель Василий Владимирович Кожедуб) обозначил, что музей, раскрывающий историю и этнографию коренного населения – сибирских татар, городу нужен и важен, было предварительно определено здание под музей в современной Татарской слободе и обещана всемерная поддержка со стороны руководства города. В настоящее время идет дальнейшая работа по подготовке концепции музея.

Введение

Тюменская область – многонациональный и

многоконфессиональный регион, в котором на протяжении многих столетий живут и трудятся разные народы, вплетая свою историю в общую историю края и совместно ее создавая. Сибирские татары, являющиеся коренным и вторым по численности населением в Тюменской области, имеют богатую историю и уникальную традиционную культуру. Эта история и культура, отраженная в музейных экспозициях Тюменской области, может вызывать большой интерес у туристов, т. к. этническая культура всегда являлась одной из привлекательных составляющих туристского показа при развитии различных видов туризма: культурно-познавательного, этнотуризма, религиозного и др.

Формирование музейного пространства, отражающего историко-культурное наследие татарского населения Западной Сибири, является важной и актуальной задачей. Она предполагает создание музейно-просветительских центров «Чимги-тура» и «Искер», Музея истории и этнографии сибирских татар в Тюменской области.

Музеи могут внести значительный вклад в дело оптимизации межнациональных отношений и развития толерантности в регионе. Гражданским долгом музеев, как культурно-просветительных учреждений, является всемерное содействие процессу ознакомления и пропаганды самобытной культуры народов России, населения каждого региона в целях формирования подлинных представлений о многообразии и взаимовлиянии культур, являющихся основой для усвоения норм социального поведения в многонациональном обществе, формирования у народов и их представителей ценностных ориентиров, обеспечивающих самоидентификацию личности в урбанистическом мире и гармонизацию межнациональных отношений, исключая вражду и нетерпимость, проявления ксенофобии, расизма и шовинизма, политического и религиозного экстремизма.

В настоящее время, когда существенно возросла роль этнического фактора в жизни общества, пропаганда традиционной

культуры народов многонационального Российского государства в экспозициях музеев является особенно необходимой.

Этническая тема является востребованной и в связи с ростом национального самосознания коренных народов, населяющих территорию Тюменской области. Сегодня в регионе существуют крупные государственные музеи – Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск), Музейно-выставочный комплекс им. И. Шемановского (г. Салехард), а также множество небольших музеев этнографического профиля (в городах и поселках ХМАО, ЯНАО), специализирующихся на показе культуры определенного народа либо территориальной этнической группы, локализованной в данном районе.

Коренным населением юга Тюменской области, как известно, являются сибирские татары. Однако по настоящее время в регионе не создано ни одного музея, освещающего традиционную культуру и историю народа, хотя общественность неоднократно поднимала вопрос о необходимости такого музея.

Татарское население региона нуждается в государственном внимании к своему историко-культурному наследию, включая сохранение и создание памятников, музеефикацию значимых исторических объектов. С древнейших эпох народы передавали свое историческое наследие из поколения в поколение. Осмысление исторического опыта этноса было необходимо для воспитания подрастающего поколения. Именно знания своих этнокультурных корней позволяет современному человеку не растерять идентичность, лучше ориентироваться в разнообразии существующих культур, чувствовать себя частью своей этнической общности. Для этого и служат этнографические музеи.

Цель и задачи настоящего проекта:

- удовлетворение духовных и общественных потребностей в сохранении и развитии традиций татарской культуры;
- воспитание национальной гордости, самосознания, толерантности обучающихся музейными средствами, возрождение и передача современным и будущим поколениям

историко-культурного достояния народа;

– дополнение и обогащение разрабатывающихся в рамках реализации целевых программ направлений по развитию туризма в Тюменской области использованием историко-культурной специфики города Тобольска и его окрестностей, связанной с богатейшим историческим наследием сибирских татар, на протяжении многих веков проживающих на этой территории.

Именно в этой связи предлагается создание Музейно-просветительских центров «Чимги-тура» (г. Тюмень), «Искер» (Тобольский район) и «Музея истории и этнографии сибирских татар» (г. Тобольск).

Каждый из этих объектов будет иметь свое место в музейном пространстве, определяемое его историко-культурным значением. Чимги-тура и Искер – столичные центры тюрко-татарских государств Западной Сибири Средневековья. Кроме того, Искер – центр исламизации тюркского населения Западной Сибири в период правления здесь Шибанидов, Тобольск – старинный центр татарского и исламского образования, культуры, ремесла и торговли в Российском государстве.

Необходимость формирования единого музейного пространства путем создания обозначенных центров и отдельного музея определяется практически полным отсутствием в настоящее время, несмотря на богатейший потенциал этого наследия, музейно-просветительской основы, отражающей историко-культурное наследие татарского населения на территории региона.

Характеристика экспозиционных площадей

Музейно-просветительский центр «Чимги-тура» (г. Тюмень) предлагается разместить в двухэтажном здании по адресу: г. Тюмень, ул. Береговая, 19. Общая площадь здания около 500 кв. м. Здание находится в историческом центре г. Тюмени близ территории средневекового столичного центра татар – Чимги-туры. Договоренность с владельцем здания о его использовании под данный музейный проект имеется.

РТОО «Наследие» по Тюменской области в настоящее время реализует создание музейного проекта в строящемся

РТОО «Наследие» по Тюменской области историко-мемориальном комплексе «Искер», находящемся на территории близ археологического памятника Искер / «Кучумово городище» в Тобольском районе.

Музей истории и этнографии сибирских татар предлагалось разместить в здании Нового Гостиного двора в г. Тобольске (Базарная пл., 11), что было обосновано тем, что территория современной Базарной площади исторически была в городе местом расположения Татарской слободы. В XVII–XVIII вв. здесь находились юрты татар и бухарцев, торговые лавки, происходила активная торговля. Некоторое время в начале XX в. в данном здании располагался магазин, принадлежавший братьям Мухаммет-Сафару и Худжату Ченбаевым. Купцы Ченбаевы были известными торговцами, основавшими в Тобольске «Торговый дом Ченбаевых». В настоящее время (октябрь-ноябрь 2021 г.) Администрацией г. Тобольска под данный музейный проект предложено здание по ул. Пушкина 33 – усадьба Тушаковых-Ченбаевых.

СОДЕРЖАНИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ

Музейно-просветительский центр «Чимги-тура» (г. Тюмень)

Тюркоязычные кыпчакские племена, обитавшие на территории западносибирской низменности, в XIII в. были покорены монголами и вошли в состав империи Чингис-хана. Ещё на стадии создания Монгольской империи войска под предводительством Чингис-хана пребывали в бассейне р. Иртыша, а территория, прилегающая к нему, досталась затем его старшему сыну Джучи, а после его смерти и новых завоевательных походов – внуку Бату, ставшему основателем Золотой Орды.

После образования самостоятельного Улуса Джучи (Золотой Орды), в её рамках возникли: 1) восточная, охватившая степную полосу от Урала до Западной Сибири, которая получила название Кок Орда; 2) западная, или «правое крыло», включившая в себя территорию Поволжья и к западу до Крыма, была названа Ак Орда. Территория Западной Сибири (провинция «Ибир-Сибирь») в Улусе Джучи вошла в состав золотоордынских

владений. На территории Улуса Джучи возник г. Чимги-Тура, связываемый, согласно татарским легендам, в том числе и с личностью Чингис-хана (см. далее).

В первой половине XV в. Золотая Орда распалась, и на ее территории образовался ряд ханств. На Волге – Казанское ханство, где обосновалась династия одного из последних ордынских ханов Улуг-Мухаммеда. На территории Волго-Яицкого междуречья и зауральских степей – государство Ногайская Орда. В Западной Сибири, по Туре, Тоболу и Ишиму – складывается Тюменское ханство, затем Сибирское княжество Тайбугидов (позже ханство).

Возникновение первых государств у сибирских татар некоторые исследователи относят ещё к XIV в. и связывают с т. н. «Ишимским ханством» с центром в Кызыл-туре. В начале XV в. на р. Туре создается Тюменское ханство со столицей в Чимги-Туре. С 1428/29 по 1446 гг. г. Тура (Чимги-Тура) была столицей Шибанидского (Узбекского) государства во главе с ханом Абулхайром, которому некоторое время подчинялся и Булгарский вилайет. Владение «Ибир–Сибирь» входило в сферу влияния и политических интересов Золотой Орды. Именно сюда после ряда военных поражений в конце XIV в., по некоторым данным, бежал хан Тохтамыш. В XV в. за эти территории боролись представители местной знати – Тайбугиды и потомки Чингис-хана – Шибаниды. В конечном итоге Шибанид Ибак, кочевавший по Ишиму, захватил Тюменское владение, свергнув власть местной татарской знати. Он заметно расширил территорию ханства. Династия Шибанидов правила Тюменским ханством до конца XV в. Земли на севере, по соседству с Тюменью (Нижний Тобол и Средний Иртыш) оставались во власти Тайбугидов. Ибак погиб в борьбе за укрепление и расширение Тюменского ханства. Около 1495 г. власть на части территории этого государства захватил представитель местной знати Тайбугид Мамет бек, который объединил татарские улусы в государственное образование на Тоболе и Среднем Иртыше. Мамет перенес свою ставку на р. Иртыш в город Сибирь (он же Искер или Кашлык). По названию столицы позже ханство стали называть Сибирским.

В состав этого государственного образования позднее, в 1510-е годы, вошли и территории Тюменского ханства.

Границы Сибирского ханства простирались на запад до Уральских гор, не исключено, выходя и на запад от Уральских гор, на севере граничили с р. Тавдой, на юге – с ишимскими степями, а на востоке доходили до Барабинской степи.

Чимги-Тура. Чимги-Тура или Царево городище, археологический памятник, столица отдельного вилайета вассальной части Золотой Орды, затем – Тюменского ханства. Город располагался в глубине правого берега р. Туры при устье р. Тюменки на двух мысах, образованных оврагами: Ключевым логом, безымянным логом, логом Лямин-Куль. В настоящее время – это историческая часть г. Тюмени, называемая «Городище». Место расположения выдающегося исторического города кратко описывали Г. Ф. Миллер, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, Н. А. Абрамов. Самое детальное описание руин Чимги-Туры содержится в экспликации к плану Тюмени 1766 года: «Начальное заведение и укрепление сего города – читаем мы в ней, – было самое древнее, построенное одним ханским сыном Тайбугою еще до владения в Сибири хана Кучума. Онаго укрепления остатки и теперь довольно видны. ... Царево городище окружено стрех сторон глубокими буераками и речкой Тюменкой. ... лог сначала был зделан рвом, который составлял тому городищу с сей стороны укрепление. Город назывался Цимги-Тура». При Малом городище «ров шириною в сажень и глубиною в 1,5 сажени, при Большом городище наружный вал шириною 2 сажени, вышиною 2 аршина, при нем ров шириною 1,5 сажени и глубиною 1,5 аршина».

Из описания и схемы следует, что укрепления состояли из трех линий. Первый ров с валом начинался от лога Лямин-Куль, ближайшего к улице Спасской, доходил до Ключевого лога и был 600 саженьей длиной. Вторая линия укреплений находилась внутри первой и делила большой мыс пополам, третья – через 50 саженьей, защищала оконечность мыса в качестве последнего рубежа. Цитадель на малом мысу была превращена в остров, для

чего поперек его прокопали широкий ров. Южный, треугольный участок в верховьях двух сливающихся логов не имел укреплений и являлся селищем, обитатели которого в случае военной угрозы бросали свои дома и прятались за городской стеной. Общая площадь поселения, судя по плану 1766 г., составляла не менее чем 400 x 500 саженей или 400 тыс. кв. м, что значительно больше площади других западносибирских городищ, что тоже подчеркивает выдающуюся роль Чимги-Туры в прошлом. Для сравнения – одно из самых больших таких городищ – Вознесенское, называвшееся в старину Тон-Тура, имеет размеры 500 x 160 м.

Одна из легенд гласит, что построил Чимги-Туру Тайбуга, наследник первого «Тюменского хана», свергнутый своим подданным по имени Чинги, в благодарность назвавший ставку на р. Туре именем победителя за то, что новый хан сохранил ему жизнь и сделал своим военачальником. Другая легенда гласит, что имя городу было дано в честь Чингис-хана наместником этих земель Тайбугой, сыном хана Мамыка, «владельца Казахской Орды». Вторая версия, по мнению ряда исследователей, кажется более достоверной, так как раннее татарское государство, возникшее в Тоболо-Ишимье и называвшееся вилайетом Чимги-Тура, управлялось узбекской ветвью Шибанидов, ведшей свой род из дома Чингис-хана. В 1399–1401 гг. в Чимги-Туре, по некоторым данным, скрывался Тохтамыш, возможно даже на время захвативший здесь бразды правления. В 1429–1446 гг. Абу-л-Хайр, правивший Тюменским ханством, чеканил здесь серебряные дирхемы, участвовал в войнах за золотоордынское наследие. Новое возвышение Чимги-Туры в 1469–1495 гг. связано с именем хана Ибака (Сайид Ибрахим-хана), нанесшего поражение правителям Большой Орды, освободившись от вассальной зависимости и заключивший в свое время союз с Московским княжеством. Он же расширил владения Тюменского ханства, присоединив земли по Нижнему Тоболу и Иртышу. После свержения его Тайбугидами (конец XV в.) столица была перенесена в Искер, а Чимги-Тура стала вторым по значению

городом ханства. По данным некоторых историков, в 1540-х годах Тайбугиды были вассалами Казанского ханства.

Акцент в экспозиции – на истории политических образований Западной Сибири.

Основные разделы экспозиции:

1. Сибирские территории в составе Золотой Орды (карты).
2. Распад Золотой Орды. Политические образования сибирских татар (Данные источников).
3. Государство кочевых узбеков (Карты, схемы политической власти, племенной состав, сведения источников).
4. Тюменское ханство (по данным русских и др. источников: территория, правители, хозяйства и культура).
5. Правители сибирских государств.
6. Чимги-тура – древняя столица тюркских политических образований: история города на материалах археологических раскопок.
7. История археологических исследований Чимги-Туры.

Экспонаты: картины, портреты правителей, вооружение воинов, археологические находки и пр.

Музейно-просветительский центр «Искер» (Тобольский район)

Столицей Сибирского государства был город Искер (Сибирь, Кашлык), обозначенный на средневековых западноевропейских картах XV–XVI вв. Во времена Сибирского ханства Искер представлял небольшую крепость с надежными защитными укреплениями. Для своего времени это был один из самых хорошо укрепленных городов Сибири. В октябре 1582 г. город был занят дружиной Ермака и впоследствии разрушен. В 80-е –90-е годы XVI в. территория Сибирского ханства была завоевана Московским государством.

Кроме столичных центров – Искера (Сибири), Чимги-Туры, выявлен и ряд сибирско-татарских городков, существовавших во времена Сибирского ханства. Все они упоминаются в «Сибирских летописях». Это Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кызыл-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак,

«город Кучумова брата», Зубар-Тура, «город опасный» есаула Альшая, город мурзы Чангулы, Тархан-кала, Цытырлы, Ялым, Акцибар-кала, старинный город Чубар-Тура на р. Нице и др. Упоминаются в документах также «городки» мурзы Аттика, Атый мурзы, «Княжев городок», «заставный город на холме Ятман», Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Иленский, Черноярский, Катаргулов, Малый город, «крепкий татарский городок» на р. Аримзянке, Обухов городок, Черный городок и др. Большинство из них были феодальными укреплениями.

На Искере были найдены остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов) и серебряные монеты с арабскими надписями. Сибирское ханство вело активную торговлю с восточными странами и Русским государством. Через Искер проходил древний караванный путь: из Сибири вывозились меха, кожа, рыба, мамонтовая кость, шерсть и др., а из Средней Азии в Сибирь ввозились хлеб, чай, бумага, сушеные фрукты, украшения, железные изделия, сундуки, посуда, зеркала и т. д.

Само географическое положение обусловило установление ранних, достаточно оживленных связей Сибирского юрта с торговыми городами Средней Азии-Бухарой, Мервом, Ургенчем, Серахсом, Нисой, Дехиستانом и др., которые не прерывались и после присоединения Сибири к Русскому государству. Известно, что даже летом 1596 г., уже после потери ханом Кучумом власти, к нему приходили торговые люди «из Бухары, Ургенча, из Ясырского города, да и Саурана городка». После русской колонизации Сибири прежние центры торговли со Средней Азией – Тобольск (Искер), Тюмень (Чимги-Тура), Тара (Ялым) и др. сохраняются.

В 1563 г. престол в Сибирском юрте захватил Шибанид хан Кучум. Он, в отличие от последних Тайбугидов, отказывается признать Русское подданство и уплачивать ежегодный ясак, хотя некоторое время ведет переговоры о вассалитете Московскому царству.

Во второй половине XVI в. территория ханства

простиралась от низовьев Оби до казахских степей. Сибирский юрт и его столица г. Искер в период средневековья были одними из важнейших мест на большом караванном пути. Активное участие в политической борьбе в Западной Сибири принимали и Шибаниды из Бухарского ханства, пытавшиеся утвердиться на торговых путях в Восточную Европу, проходивших через Сибирь. Особенно ярко это проявилось с середины XVI в., когда бухарские правители активно поддерживали в борьбе за Сибирский престол своего ставленника хана Кучума.

Последний правитель Сибири – хан Кучум (1563–1598) – был потомком Чингис-хана в тринадцатом колене. Большинство историков, рассматривая происхождение хана Кучума, опираются на родословную Абуль-Гази, совпадающую с другими тюркскими и арабскими хрониками. По версии историка М. Сафаргалиева, родословная Кучума выглядит следующим образом: Кучум – Муртаза – Ибак – Кутлубуда – Махмудек – Хаджи-Мухаммед – Али-Оглан – Беккунды – Менгу-Тимур – Бадакул – Джучи-Бука – Бахадур – Шейбан – Джучи – Чингис-хан. Сибирским престолом хан Кучум владел более 20 лет. При нем значительно расширилась территория государства, укрепилась власть в Сибирском юрте. Видный тюркский историк Абуль-Гази Бахадур-хан (XVII в.) оценивает хана Кучума как выдающегося государственного деятеля своей эпохи. Период правления хана Кучума считается временем расцвета Сибирского ханства.

Несколько лет ушло у Кучума на приведение в покорность местной знати. Постепенно Кучум подчинил территорию, заселенную сибирскими татарами, от Пермского Приуралья, Зауралья до Барабинской лесостепи. Сибирскому хану платили ясак все «низовые» народы, включая кодских и обдорских князей. На севере были подчинены мелкие татарские улусы нижнего Иртыша, а также мансийские и хантыйские княжества в нижнем Прииртышье, частично – в Нижнем Приобье и лесном Зауралье, которых он обложили ясаком.

Хану Кучуму принадлежит заслуга широкого распространения ислама среди сибирских народов. Хотя первые

шаги в Западной Сибири исламская религия сделала задолго до Кучума (по одной из версий – более 600 лет назад, по другой – около 900), но именно при хане Кучуме ислам становится в Сибирском ханстве государственной религией. При укреплении новой религии Кучум пользовался поддержкой бухарского хана Абдуллы. В 1567 г. из Бухары и Ургенча прибыла в Сибирь первая мусульманская миссия, за ней последовали вторая и третья. Планомерная политика Кучума определила окончательное закрепление позиций ислама на новой территории. В настоящее время сибирские татары исповедуют в регионе традиционный ислам суннитского толка.

Большая часть исследователей придерживается версии о начале исламизации Западной Сибири в конце XIV в., когда в Сибирь пришли первые мусульманские миссионеры из Средней Азии. Эта версия основывается на документах, хранящихся в Тобольском государственном музее-заповеднике. Речь идет о двух рукописях, написанных в середине XIX в. на татарском языке и принадлежавшие Саид Вакасу Аллакулову и Кашафу Абу-Саидову. Данные рукописи были переведены на русский язык казанским профессором Н. Ф. Катановым и в начале XX в. изданы под условным наименованием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». Во второй половине XX в. исследователями были обнаружены еще несколько аналогичных документов.

Согласно данным рукописям, в 797 г. Хиджры (1394–1395 гг.) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе «Шейбан» с 1700 воинами и учинили там «великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша «язычниками» – народами Хотан, Кара-Кыпчак и Ногай. Согласно изложенному в рукописях преданию, миссионеры встретили сопротивление со стороны местного населения. Над могилами погибших шейхов местные сторонники ислама установили памятники в виде многогранных срубов, названных «астана». Мавзолеи святых, погибших в тех войнах, рассеяны по берегам Иртыша, Тобола, Ишима и других сибирских рек.

Всего в настоящее время известны около 80 астана.

Характерно, что после этой религиозной войны, в Сибирь прибыли не только шейхи, но и торговые караваны. Проникновение ислама к сибирским татарам из Средней Азии объясняется стремлением правящих кругов Бухарского и Хивинского ханств усилить свое экономическое и политическое влияние на сибирских татар. Так или иначе, при участии мусульманских миссионеров и среднеазиатского купечества, круг распространения ислама среди коренного населения Западной Сибири стал постепенно расширяться.

При Кучуме связи Сибири со Средней Азией настолько упрочились, что на территории Сибири стали возникать поселения выходцев из Средней Азии (бухарцы).

Другой путь проникновения ислама в Сибирь лежал из Казанского ханства. По летописным данным по приглашению Кучума в Искер стали приезжать из Казани представители мусульманского духовенства. С целью распространения ислама они приходили к татарам, проживавшим на берегах рек Лайма, Носка, Алымка и даже в стойбища хантов и манси.

В дальнейшем распространении ислама среди сибирских татар большую роль сыграли мусульманские начальные школы при мечетях и средние школы (медресе), которые начинают открываться приблизительно с середины XVII в. Учителями в них вначале были муллы из бухарцев, а позднее получившие духовное образование представители сибирских и поволжских татар. Принятие сибирскими татарами ислама в свое время имело большое значение в объединении мелких владетелей в единое феодальное государство в лице Сибирского ханства. Через ислам сибирские татары восприняли нормы мусульманского права и нравственности, содержащиеся в шариате, освоили требования ислама к верующим.

Основные разделы экспозиции.

1. Золотоордынский период в истории Западной Сибири.
2. Образование Сибирского ханства со столицей в Искере.
3. Период правления хана Кучума.

4. Взятие Искера казаками Ермака.
5. Предание о Сузге.
6. Изучение Искера путешественниками в XVII-XIX вв., раскопки М. С. Знаменского.
7. Культура и быт сибирских татар по материалам раскопок М. С. Знаменского.
8. Продолжение исследований в нач. XX в.
9. Исследования второй пол. XX в.
10. Искер сегодня: фотогалерея.
11. Распространение ислама в Сибири. Шейхи-миссионеры. Экспонаты:

На сегодняшний день имеется небольшая экспозиция по истории изучения Искера, культуре и быту сибирских татар по материалам раскопок, этнографии сибирских татар, которую необходимо дополнить и расширить.

Для дополнения экспозиции предполагается использовать рисунки, схемы, карты, новоделы.

Предлагается сделать макет Искера (имеются реконструкции учёных), реконструировать внешний вид татарского воина, элементы вооружения и пр.

Прим.: При раскрытии темы «Распространение ислама в Сибири» отметить памятные знаки в честь исламских миссионеров – Аллею шейхов.

Музей истории и этнографии сибирских татар (г. Тобольск)

Содержание предлагается экспозиции музея представить тремя крупными разделами, включающими в себя отдельные блоки и подтемы.

Первый раздел «Этническая история сибирских татар».

Второй раздел «Традиционные занятия и быт».

Третий раздел «Сибирские татары в XX–XXI вв.».

Раздел 1.

Этническая история сибирских татар.

Тема 1. Тюркское население Западной Сибири в древности

Подтема 1. Археологические культуры Тоболо-Иртышья

Территорию Тоболо-Иртышского бассейна издавна была населена носителями различных археологических культур: саргатской (существовала с VII–VI вв. до н.э. по III–V вв. н.э.), сузгунской, потчевашской, андроновской, бакальской и ряда других. Все они в той или иной мере вошли в состав формировавшихся на данной территории этносов, в т.ч. – сибирских татар.

Подтема 2. Теории происхождения сибирских татар

Начальный этап этногенеза сибирских татар исследователи относят к I–II тыс. н. э. В формировании народа принимали участие угорские, самодийские, тюркские и отчасти монгольские племена и общности, которые вошли в состав разных групп сибирских татар. Переплетение в исторической судьбе сибирских татар различных культур отразилось в традиционном хозяйстве, верованиях, одежде и антропологическом облике народа.

Самоназвание наследников Сибирского ханства – *сибирлар/сыпырлар* (жители Сибири), *себертатарлар* (сибирские татары) восходит к этносу – савир/сыпыр/сабыр/шибер, который, по преданиям тобольских татар, жил по среднему течению реки Иртыш до прихода туда татар. У заболотных, большеуватских и других групп татар существуют т.н. *сыпыр сыярат* – кладбище сыпыров, где обнаруживают захоронения останков очень маленьких людей (по легендам, в один горшок могли 40 человек поместиться), а также обломки керамических сосудов, якобы принадлежавших сыпырам – *сыпыр таи*. Известно, что представители этого клана савиры, сувары оказались также на Кавказе, а затем в Волжской Булгарии. По мнению З. Я. Бояршиновой, сыпыры – племена угорского происхождения. В дальнейшем они были ассимилированы тюркским населением. Историческим наследием этого этнического компонента сибирских татар была восточная традиция именования их «иштjаками», а Сибирское ханство – как «Иштjак йорты».

В целом этногенез сибирских татар представляется как процесс смешения тюркских, угорских, самодийских и отчасти монгольских групп населения в Западной Сибири. Известный

исследователь истории и этнографии сибирских татар Ф. Т. Валеев считал, что в формировании сибирско-татарского этноса большую роль сыграли кыпчаки (в русских летописях они известны как половцы). По его мнению, основное ядро сибирских татар составили древнетюркские племена, начавшие проникать на территорию Западной Сибири в V–VII вв. н. э. с востока из Минусинской котловины и с юга из Алтая и Средней Азии. В XI–XII вв. наиболее существенное влияние на формирование сибирско-татарского этноса оказали восточные кыпчаки-кимаки. В составе сибирских татар фиксируются также племена и роды хотанов («от киданей»), кара-кыпчаков, нугаев. Роль последних в этнической истории сибирских татар, особенно в XVI в. была значительной.

В XIII в. тюркоязычные кыпчакские племена были покорены монголами и вошли в состав империи Чингис-хана. Ставка Джучи – основателя Золотой Орды, находилась в бассейне Иртыша. Примерно там же Иоганка Венгр в 1320 г. называет некоего «судью», скорее всего представителя местной администрации. Вообще он отмечает существование связей между Приуральем и Сибирью. В это время происходит смешение тюркских этнических элементов с монгольскими. Позднее указанная территория была заселена разнообразными тюркоязычными кочевыми племенами, среди которых находились и предки нынешних сибирских татар.

В сибирско-татарскую этническую общность в разное время вошли также желтые уйгуры (*сары уйгур*), бухарцы, алтайские телеуты, казанские татары, мишари, башкиры, казахи.

В XVIII–XX вв. значимую роль в этногенетических процессах в регионе играли бухарцы и поволжские татары.

Тема 2. История средневековых государств сибирских татар

Подтема 1. Образование Золотой Орды и формирование средневековых татар

Обитавшие на территории западносибирской низменности тюркоязычные племена вошли в состав Улуса Джучи, или золотоордынского государства, образовавшегося в первой четверти XIII в. Золотая Орда своего расцвета достигла при хане

Узбеке (1313–1341 гг.). В этот период государственной религией государства стал ислам.

В золотоордынский период происходит формирование средневековых татар как слоя военно-феодальной знати, составлявшей верхнюю страту населения государства.

В результате междоусобиц ордынских ханов государство Золотой Орды распалось. В первой половине XV в. на территории Золотой Орды образовались Казанское ханство, Ногайская орда, Тюменское, позже – Сибирское ханство.

Подтема 2. Тюменское и Сибирское ханства.

В начале XV в. среди правителей клана Шибанидов лидирующее положение занял Хаджи-Мухаммад, который получил титул хана при поддержке беклярибека Идегея.

В 1429 г. в Чимги-туре ханом был провозглашен Абу-л-Хайр. В 1446 г. его столица была перенесена в г. Сыгнак, вокруг которого было образовано Государство кочевых узбеков.

В середине 1460-х гг. после смерти хана Хаджи-Мухаммада его сын Ибак (Ибрагим, Саид-Ибрагим) объединил под своей властью земли лесостепи Западной Сибири. Участвовал в совместном с ханом Большой Орды Ахмадом и мангытами (ногаями) походе и разгроме Шайх-Хайдар-хана, наследника основателя ханства Абу-л-Хайра. В 1481 г. Ибак разгромил последнего хана Большой Орды Ахмада, недавно вернувшегося со «стояния на реке Угре». Захватил бывшую столицу Золотой Орды Сарай и увел часть ее населения в Сибирь.

В результате переворота в 1495 г. хан был убит тайбугидом Мухаммад-беком, который переносит столицу государства на Иртыш в г. Сибирь / Искер.

Однако в 1563 г. власть захватил внук Ибака Шибанид хан Кучум, а Тюменское ханство вошло в состав Сибирского ханства.

Подтема 3. Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов.

Для государств-наследников Золотой Орды была характерна сложная система взаимосвязей. Взаимодействие происходило на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых

были: правление представителей дома Чингизидов, общность правящих феодальных кланов, родственные связи между высшими мусульманскими должностными лицами – сейидами.

Экспонаты: Карта постзолотоордынских государств; схема управления Золотой Ордой и ханствами, схема клановой организации в ханствах.

Подтема 4. Города сибирских татар. Искер – столица Сибирского ханства

В XV–XVI вв. в Сибири располагались крупные столичные города (по меркам того времени): Чимги-Тура, Искер (Сибирь, Кашлык) и Тон-Тура. Чимги-Тура – столица Тюменского ханства (находилась на территории современного города Тюмени), Искер – столица Сибирского ханства (располагался на Иртыше чуть выше устья Тобола, рядом с современным г. Тобольском) и Тон-Тура (на берегу р. Оми, на территории современного Томска).

Это были городки с мощными укреплениями, стоявшими на коренных террасах рек.

В качестве столицы Чимги-Тура просуществовала два века и еще около трех четвертей столетия – как рядовой торговый город.

Тон-Тура (Вознесенское городище) располагалось на левом берегу р. Омь – один из самых крупных населенных пунктов периода татарских ханств. По описанию И. П. Фалька, его площадь составляла около 25 га. Город имел тройной ряд оборонительных укреплений (три рва и три вала). Ученые предполагают, что Тон-Тура являлся столицей восточных районов Сибирского ханства, на землях наместника хана.

А каждое территориальное родоплеменное подразделение сибирских татар к концу XVI века имело хорошо укрепленный городок – «тура» или «кала».

Кроме столичных центров, – Искера (Сибири), Чимги-Туры, во времена Сибирского ханства существовал целый ряд сибирско-татарских городов. Все они упоминаются в Сибирских летописях. Это Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кызыл-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак,

«город Кучумова брата», Зубар-Тура, «город опасный» есаула Альшая, город мурзы Чангулы, Тархан-кала, Цытырлы, Ялым, Акцибар-кала, старинный город Чубар-Тура на р. Нице и др. Упоминаются в документах «городки» мурзы Аттика, Атый мурзы, «княжев городок», «заставный город на холме Ятман», Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Иленский, Черноярский, Катаргулов, Малый город, «крепкий татарский городок» на р. Аримзянке, Обухов городок, Черный городок и др.

Всего на территории Западной Сибири в XIV–XVI вв., по мнению известного археолога В. И. Соболева, насчитывалось сотни «городков», в которых проживало коренное население.

Большинство названных выше городков являлись резиденциями местной улусной знати, располагаясь на стратегически важных рубежах ханства. Они служили, прежде всего, как центры защиты, в которых укрывалось окрестное население в случаях угрозы нападения неприятеля. В связи с этим, они были снабжены надежными перевоземляными оборонительными сооружениями – рвами, валом, крепостной стеной. Наиболее известные из письменных источников: на Тоболе – Явлу-Тура (на территории современного Ялуторовска), Карачин городок, Тобол-Тура; по Иртышу – Касым-Тура, Бегишев городок; у устья Ишима – Кизил-Тура и многие другие.

Искер располагался на высокой надпойменной террасе Иртыша на треугольном мысу, образованном Иртышом и впадающей в него небольшой речкой Сибиркой. С третьей стороны от надпойменной террасы городище отделял еще один овраг. Исследования, проведенные на городище, показали, что кроме мощной системы природной защиты (со стороны Иртыша взойти на площадку городища невозможно, а со стороны Сибирки очень трудно), Искер был также укреплен рвами, валами и довольно мощной крепостной стеной.

Такие средневековые татарские города, как Искер, Чимги-Тура, Тон-Тура, Кызыл-Тура и др., являлись городами в полном смысле слова, выполняя как военно-административные, так и

ремесленно-торговые и культурно-религиозные функции.

Подтема 5. Торговые связи Сибирского ханства

Само географическое положение обусловило установление ранних оживленных связей Сибирского юрта с торговыми городами Средней Азии – Бухарой, Мервом, Ургенчем, Серахсом, Нисой, Дехистаном и др., которые не прерывались и после присоединения Сибири к Русскому государству.

Сибирское ханство вело активную торговлю с восточными странами и Русским государством. Через Искер проходил древний караванный путь. Вывозились из Сибири меха, кожа, рыба, мамонтовая кость, шерсть и др. Из Средней Азии в Сибирь ввозились хлеб, чай, бумага, сушеные фрукты, украшения, железные изделия, сундуки, посуда, зеркала и т. д. На Искере были найдены остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов) и серебряные монеты с арабскими надписями.

Известно, что даже летом 1596 г., уже после потери ханом Кучумом ханства, к нему приходили торговые люди «из Бухары, Ургенча, из Ясырского города, да и Саурана городка». После русской колонизации Сибири сохраняются прежние центры торговли со Средней Азией – Тобольск (Искер), Тюмень (Чимги-Тура), Тара (Ялым) и др.

Подтема 6. Политическое устройство

Правители тюрко-татарских государств

Во главе Сибирского государства стоял хан. Система государственной организации, существовавшая в Сибирском юрте, в основных чертах была схожа с политическими структурами других постзолотоордынских государств – Казанского, Крымского ханств, Государства Шибанидов, Ногайской Орды. В Тюменском ханстве и Сибирском юрте власть принадлежала Чингисидам. В Сибирском юрте существовала система карача-беков, которая была характерна в целом для административно-политической структуры татарских ханств. В составе ведущих феодальных кланов Сибирского ханства выявлены Мангыты, Салджигуты, Джалаиры, Буркуты,

не исключается также существование клана Аргын. Несмотря на определенные отличия в составе правящих кланов, правящая страта в Сибирском ханстве, как и в Крымском, Казанском, Касимовском ханствах, генетически восходила к военно-феодалному «татарскому» сословию периода Золотой Орды.

Подтема 7. Население Сибирского ханства

Население государства состояла из двух этносословных страт – «татарской» феодальной верхушки и «черных» ясачных людей. Сложившаяся в Сибирском ханстве сибирско-татарская знать носила различные титулы: биев и беков, ясаулов, мурз и огланов. Основное ядро знати составляли родовые князьки небольших татарских племен. Сюда же входили тарханы и члены семьи самого хана. Видную группу сибирских феодалов составляла служилая знать, находившаяся на содержании государства. Из русских летописей известно о существовании при ханском дворе «думчего царева» – карачи. Упоминаются аталыки, сборщики податей – «даруги» и другие служилые люди «среднего» и «нижнего звена. Все они и представляли собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности.

Во второй половине XVI в. территория ханства, простиравшаяся от низовьев Оби до казахских степей, состояла из улусов (волостей), населенных преимущественно «кара халык» – ясачными улусными людьми, которыми правила татарская знать. Позднее московские власти воспользовались этой системой для сбора ясака, превратив татарские административные единицы в облагаемые налогом волости.

Подтема 8. Присоединение Сибирского ханства к Московскому государству.

Базой для покорения Сибири стали владения купцов Строгановых, также происходивших от выходцев из состава служилой знати Золотой Орды. Иван IV наделил Строгановых широкими привилегиями. Их вотчины, находившиеся в бассейне р. Чусовой, пользовались податным и судебно-административным иммунитетом. Прикамские владения Строгановых служили

форпостом Московского государства на северо-востоке и базой продвижения на Урал и в Сибирь. Строгановы создали на Урале, у окраин Московского царства, по существу, буферное государство, практически мало зависимое от московского царя.

При продвижении своих интересов Строгановы столкнулась с Сибирским ханством, особенно при совершении на территорию ханства набегов. В свою очередь, татарские царевичи и «самоедские» князья, осуществили несколько акций против «империи» Строгановых.

Крутой поворот в истории Сибири происходит в конце XVI в. Он был связан с походом Ермака, который начался в сентябре 1582 г. (по другой версии – 1581 г.). В сибирских летописях сообщается, что для охраны своих владений Строгановы «призывали» Ермака с его дружиной.

Из отрывочных сведений о Ермаке известно, что еще, в 1580 г. Ермак с товарищами казаковали на Волге. Они похитили у ногайцев 1000 лошадей, убив при этом знатного ногайца. Весной 1581 г. казаки Ермака собирались идти воевать на Украину, а перед этим угнали у ногаев еще 60 лошадей. Вскоре Ермак с его вольницей с отрядом казаков, оказался на службе у Строгановых.

1 сентября 1582 г. Ермак и его дружина, насчитывающая 840 человек, 300 из которых дали Строгановы, вооруженных пищалями и пушками, с необходимыми запасами, снабженные местными проводниками и переводчиками с местных языков, отправились на завоевание Сибирского ханства. Плывая вниз по р. Туре, казаки захватывали татарские городки и разбивали отряды, бежавшие от русского войска, снабжённого огнестрельным оружием, практически неизвестным в Сибири. На самом деле главные военные силы Сибирского ханства тогда находились в походе на пермские земли. Характеризуя причины быстрого завоевания Сибири Ермаком, русский историк С. М. Соловьёв ограничивается единственной, но исчерпывающе объясняющей фразой – «Ружьё победило лук и стрелы».

Перейдя из Туры на р. Тавду, отряды Ермака в устье

Тавды нанесли очередное поражение татарам. Продвижение казаков по Туре и Тоболу до Иртыша прошло без остановок. Мелкие стычки, не принесшие значительный урон ни той, ни другой стороне, по данным «Сибирских летописей», произошли у Караульного и Березовского яров, у Бабасанских юрт, у Карачинского городка и т. д.

Между тем хан Кучум, поджидая подход русских казаков, укрепился в г. Искере. Навстречу Ермаку, который уже подошёл к Тоболу, Кучум выслал войско царевича Маметкула, которое Ермак также без труда разбил на берегу Тобола в урочище Бабасан. Спускаясь по Туре и Тоболу, казачья дружина вышла к Иртышу. Следующая битва произошла уже на Иртыше, где войско под руководством Маметкула вновь потерпело поражение. Здесь казаки взяли городок Аттик-мурзы. Казачьи отряды продвигались все ближе к столице Сибирского ханства – Искеру. Перед Искером была устроена специальная засека, препятствующая продвижению противника.

Решающая битва состоялась 23 октября 1582 г. на правом берегу реки, у Чувацкого мыса, на территории современного г. Тобольска. Кучумовцы численно превосходили казаков. Но казаки имели преимущества в вооружении, боевой выучке и дисциплине. Ермак предпринял ночную атаку на позицию противника, задействовал артиллерию и в ожесточённом длительном бою одержал победу. Ранение царевича Маметкула, руководившего татарским войском, определило исход битвы. Остяцкие и вогульские отряды бежали от огнестрельного оружия. Казаки одержали победу. Так был проложен путь к решающему освоению русскими Сибири.

В ночь на 26 октября Кучум покинул Искер и ушел в неизвестном для казаков направлении. В этот же день отряды Ермака вошли в опустевшую столицу ханства.

Обосновавшись в Искере, Ермак вел себя как некий новый владетель государства – принимал шерть (на верность), накладывал дань. Ермак направил в Москву посольство во главе с Иваном Кольцо (по другим сведениям – Саввой Болдырей)

с богатыми дарами, поспешившее объявить о присоединении к России нового края. Царь, получив донесение о взятии Сибири, торжественно встретил посольство Ермака, простил казакам прежние их прегрешения и отправил богатые дары и жалованья, в т.ч. Ермаку – два панциря и шубу с собственного плеча. На воеводство в Сибирь Иван IV направил князя Семена Болховского и Ивана Глухова с 300 служилых людей, но фактически воеводой в Сибири оставался Ермак. Силой и дипломатией казаки обязали татарские улусы, остяцкие и вогульские волости по Туре, Тоболу, Тавде, Иртышу, Нижней Оби платить дань Москве.

Весной 1583 г. Ермак вновь начал военные действия, разбил отряды Маметкула в его стане на р.Вагае, а самого Маметкула взял в плен. Летом 1583 г. Ермак предпринял покорение татарских поселений вдоль Иртыша и Оби. Он взял также столицу хантов Назым. Весной 1584 г. Ермак отправил Богдана Брязгу с казаками вниз по Иртышу. Брязга с боями прошел по северным татарским улусам – Надцинскому, Карбинскому, Туртасскому и Уватскому, покорив татар и собрав ясак. Поход Брязги по остяцким землям продолжался до весны 1585 г. Он покорил все остяцкие земли по Иртышу и, достигнув Оби, в мае 1585 г. вернулся в Искер. Сам Ермак весной 1584 г. организовал походы вниз по Иртышу и на берега Оби. С боями он дошел до низовьев р. Тавды, где обложил ясаком оставшихся в живых татар.

Вслед за уничтожением отряда Никиты Пана в Назыме (летом 1583 г.) татарами были убиты вернувшиеся из Москвы Иван Кольцо и Яков Михайлов (март 1584 г.), а также понёс большие потери, хотя и разбил кучумовский отряд, атаман Мещеряк (летом 1584 г.) В ночь с 5 на 6 августа 1585 г. погиб (утонул) и сам Ермак, вышедший с небольшим отрядом в 50 чел. в поход по Иртышу и попавший в организованную ханом Кучумом засаду.

Казаков оставалось мало, поэтому воевода Глухов и единственный из оставшихся в живых атаманов Матвей Мещеряк

решили в августе 1585 г. оставить г. Искер и бежать по Иртышу и Оби, уйдя затем через Уральский хребет в Россию.

В 1586 г. был построен первый русский город – Тюмень, а через год – Тобольск. В 1594 г. был заложен новый укрепленный пограничный пункт – г. Тара, который сыграл главную роль в окончательном уничтожении Сибирского ханства.

Подтема 9. Административное управление сибирскими татарами.

Сразу после присоединения Западной Сибири к Русскому государству начали создаваться «инородческие» (в русских документах инородцами называли все «нерусские» народы Сибири) волости. Главной целью создания волостей была организация системы сбора ясака с аборигенного населения, под которым подразумевалось прежнее ясачное «черное» население Сибирского ханства. При этом царское правительство в целях увеличения поступления ясака и других сборов в казну стремилось использовать представителей сибирско-татарской элиты. Сбором ясака часто занимались аборигенные «князьки» и старшины.

В основу образования татарских волостей были положены родоплеменные крупные группы татар. К примеру, в конце XVI и начале XVII вв. в Тарском уезде существовали такие племенные группы и крупные роды – волости татар, как Саргач, Я-Иртыш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллар), Коурдак, Аялы, юртовские татары, «малогородцы» и бухарцы.

Таким образом, прежние волости и улусы бывшего Сибирского ханства вошли в состав новых административно-территориальных единиц – уездов, в качестве ясачных волостей. Ясачное население, как и в предыдущий период, облагалось податями – ясаком.

Особую категорию аборигенного татарского населения, существовавшую в Западной Сибири в XVII–XIX вв., составили служилые татары. Служилые татары были освобождены от уплаты ясака и несли службу наравне с русскими казаками, получая за это небольшое денежное, а в некоторых случаях, также

хлебное и соляное жалованье. Управление служилыми татарами осуществляли головы и атаманы. Данная категория – «йомышлы» – сформировалась из феодальной верхушки Сибирского ханства. Из них юртовских татар, были сформированы команды, сосредоточенные в Тобольске, Тюмени и Таре. Позже подобные подразделения появились в Томске, Кузнецке и Красноярске.

Подтема 10. Расселение татарского населения Сибири.

Сибирские татары расселены на обширной территории юга Западно-Сибирской равнины, включающей в себя часть современных Тюменской, Томской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей. В составе коренных сибирских татар, по классификации Н. А. Томилова, выделяют три относительно самостоятельные этнотерриториальные группы – тоболо-иртышскую, томскую и барабинскую, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие подразделения. Тоболо-иртышские татары состоят из тюменско-туринских, тобольских, ясколбинских (заболотных), курдакско-саргатских и тарских татар; томские татары – из калмаков, чатов и эуштинцев; барабинские – из барабинско-туражских, любейско-тунусских и теренинско-чойских.

Селения тоболо-иртышских татар расположились по берегам Иртыша, Тобола, Туры, Тавды, Исети, Пышмы и др.

Основная часть татарского населения проживала в сельской местности. В этот период специфической чертой расселения татар было то, что татарские аулы располагались между русскими селениями. Незначительная часть татар проживала в городах Тобольске, Тюмени, Таре, Омске, Томске и др., там имелись и выходы из татар Поволжья.

По данным Ф. Т. Валеева, численность сибирских татар и бухарцев в четырех (Тобольском, Тарском, Тюменском, Ялуторовском) округах Тобольской губернии составляла в 1816 г. – 24759 чел. (18369 чел.), в 1850 г. – 29416 чел. (20239 чел.), в 1858 г. – 35545 чел. (25888 чел.). Таким образом, численность тюркоязычного населения Тобольской губернии в середине XIX в. составляла около 35 тыс. чел.

По итогам Первой всероссийской переписи 1897 г. татарское население губернии составляло 56,9 тыс. чел. В общее число татар были включены, кроме коренного населения, также татары-переселенцы из Волго-Уральского региона (7,5 тыс. чел.) и бухарцы (11,3 тыс. чел.). По уточненным данным С. К. Патканова, число тоболо-иртышских татар, т. е. собственно сибирских татар, составило по переписи 1897 г. 37,6 тыс. человек.

Тема 3. Этносословные группы сибирских татар

В сословном составе татарского населения Западной Сибири в XVIII – начале XX вв. выделялись ясачные, служилые татары, оброчные чувальщики и бухарцы. Деление на данные категории определялось, прежде всего, теми повинностями, которые должны были исполняться ими в отношении государства.

Подтема 1. Ясачные татары

Основную массу сибирских татар составляли ясачные татары – «ясаклы». Они выполняли для государства повинности, которые состояли, прежде всего, в уплате ясака. В XVIII в. ясаком у сибирских татар облагались мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Старые, больные и увечные освобождались от ясака, хотя и числились в этом сословии.

Размеры окладов у сибирских татар в разных волостях были не одинаковыми. На протяжении XVIII – начала XX вв. менялись и формы податных платежей. В Тюменском уезде в первой половине XVIII в. ясак взимался частью деньгами, частью – пушшиной.

В результате проведенных в Сибири в 1822 г. реформ М. М. Сперанского, по «Уставу об инородцах», аборигенное население делилось на категории оседлых, кочевых и бродячих, ясачные татары были переведены в состав оседлых инородцев и приравнены в правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности, к русским крестьянам. Оседлые инородцы были включены в состав государственных крестьян. Хотя в Западной Сибири татары продолжали называться ясачными вплоть до начала XX в.

Подтема 2. Служилые татары

В конце XVI в. основная часть оставшейся в живых татарской феодальной верхушки, как и в других бывших татарских ханствах, перешла на службу новому правительству в качестве служилого сословия. На протяжении длительного времени (XVII–XIX вв.) сохранялись особенности этой этносословной группы «йомышлы», обусловленные как внешними, так и внутренними факторами. В дальнейшем служилые татары составили особую группу среди пестрого в конфессиональном и национальном плане казачества. Служилые татары сыграли важную роль в процессе присоединения Русским государством новых территорий, их удержании и сохранении. В начале XVIII в. из потомков сибирских служилых татар были сформированы татарские казачьи команды в гг. Тобольске, Тюмени, Таре и Томске.

В июне 1868 г. выходит «Высочайше утвержденное» мнение Государственного Совета «Об упразднении казачьих Тобольского конного полка, Тобольского пешего полубаталиона и Томского городского полка». В 1868 г. Сибирский татарский конный казачий полк был распущен. Казаки перешли в сословие крестьян. С этих пор они избрали своим местожительством те селения, из которых происходили.

Длительное время, с конца XVII – по начало XIX в., представители рода Кульмаметевых состояли головами тобольских служилых татар. Одним из первых был Авазбакей Кульмаметев, который уже со второй половины XVII в. находился на государевой службе. В 1692 г. тобольским воеводой Степаном Салтыковым юртовский служилый татарин Авазбакей Кулмаметев был назначен на должность головы тобольских служилых и захребетных татар. Род Кульмаметевых, возглавивший тобольских служилых татар, пользовался исключительной поддержкой правительства. Уже в начале XVIII в. Кульмаметевым удалось закрепить за своим родом должность головы как наследственную, а также стать «жалованными» старшинами, в функции которых входили сбор ясака, судебные разбирательства, «чинение расправы», а также

защита татар от различных притеснений.

Подтема 3. Оброчные чувальщики

Во второй половине XVII – начале XX вв. одну из категорий татарского населения составляли «оброчные чувальщики». Это наименование получили татары – выходцы из Поволжья и Приуралья, переселившиеся в Сибирь. Время их появления в Зауралье относится ко второй половине XVII в., однако, некоторая их часть могла переселиться и раньше. По мнению Н. А. Томилова, категорию оброчных чувальщиков составляла смешанная сибирско-поволжско-татарская группа. Согласно Уставу 1822 г., «чистые» поволжско-приуральские татары-переселенцы оставались в сословии крестьян, а оброчные чувальщики вошли в состав «оседлых инородцев».

В 1782 г. численность оброчных чувальщиков в Тобольском уезде составляла 359 человек (192 – мужчин и 167 – женщин). В ходе административной реформы 1910 г. волость «Оброчных чувальщиков» была расформирована, а население вошло в состав других волостей.

В течение XVIII–XIX вв. происходит активный приток населения из Волго-Уральского региона. Он особенно усилился в пореформенную эпоху (по данным С. К. Патканова, к концу XIX в. их насчитывалось в Тобольской губернии свыше 7,5 тыс. человек) и в период реформ Столыпина. Волго-уральские (казанские) татары селились в населенных пунктах сибирских татар, а также образовывали собственные поселения в Западной Сибири.

Подтема 4. Бухарцы

В течение XVII–XVIII вв. в Прииртышье возникают многочисленные поселения среднеазиатских переселенцев – бухарцев. Бухарцы – обобщающее название для узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири. Переселение бухарцев, начавшееся еще в период Сибирского ханства, активизировалось в XVI в. и продолжилось в XVIII в.

В конце XVI – начале XVII вв. бухарцы имели возможность

торговать беспошлинно, а с XVII по начало XVIII вв. – с уплатой пошлины в размере одной двадцатой. Они не несли ямскую повинность и имели право свободного передвижения по русским городам и слободам, были освобождены от тягла и оброков, составив особую сословную группу (бохарлы, сарты).

Основными районами поселения бухарцев в Сибири были окрестности Тобольска, Тюмени, Тары и Томска.

Во второй половине XIX столетия бухарцы составили около четверти тюркоязычного мусульманского населения Тобольской губернии.

Подтема 5. Исторические связи населения Западной Сибири и Волго-Уральского региона в средневековье

Научные исследования раскрывают весьма древние этнокультурные связи между населением двух историко-культурных ареалов – Волго-Уральского и Западно-Сибирского регионов. В частности, угорские культуры, первоначально характерные для Западной Сибири, уже в болгарский период проникли в Приуралье, затем, скорее всего в составе болгар, и в Поволжье (например, суверы/савиры). Вторым мощным объединяющим два региона этническим компонентом были кыпчаки, часть которых, известная как кимаки, в XI в. в бассейне Иртыша создали Кимакский каганат, передвинувшись затем в северо-казахстанские степи, а также в бассейн р. Яика (для них были характерны этнонимы кара-кыпчак, албер/ольбер, частично известные и в Приуралье). После образования Золотой Орды (Улуса Джучи), часть территории, подчиненной Волжской Булгарии (восточные зоны), Южного Приуралья и Западной Сибири, оказались в подчинении у Шибана и его потомков. Именно в рамках этого обширного владения, где правили «ханы Туры», т. е. потомки Шибана (к ним относились и предки сибирского хана Кучума), фиксируются передвижения населения (данные Иоганки Венгра 1320 г., исторические материалы периода правления хана Абдулхайра, родословные племени табын, русские летописные сведения времен правления Тюменского хана Саид-Ибрагима/Ивака/Ибака и др.).

Для первой половины XVI в. имеются сведения о вассалитете Тайбугидов Казанскому ханству и передвижении сибирских татар (иногда, совместно с ногайскими группами) в Приуралье. Имелись и переселения из Среднего Поволжья в Сибирское ханство (сведения русских летописей о приходе исламских священнослужителей «из Казани» в Сибирь). Не случайна и общая маркировка определенной части уже тюркского населения Среднего Приуралья и Западной Сибири как «иштяков».

Подтема 6. Историческое развитие татар Западной Сибири в XVII–XIX вв.

Присоединение территории Сибирского ханства к Московскому царству (Русскому государству) положило начало новому периоду развития сибирских татар, разделенных на два сословные группы – служилых и ясачных татар. Территориально сильно рассредоточенное и разделенное на целый ряд волостей татарское население Западной Сибири после присоединения к Русскому государству, лишившись государственного ядра, переживало процесс деконсолидации, когда этнокультурная и хозяйственная жизнь сосредоточилась на уровне отдельных волостей и сельских общин. Правда, наличие сословия служилых татар, в силу характера своей воинской повинности продолжавших взаимодействовать между собой, позволяло сохранять внутренние этнические связи между локальными сообществами. Однако, постепенно усиливавшаяся колонизация русским населением территории Западной Сибири, с течением времени приведшая к ликвидации территориального единства сибирско-татарской этнической общности, не способствовала этнической консолидации этой относительно немногочисленной группы. Этому не способствовало и появление в Западной Сибири новых этносословных тюркских групп – «бухарцев» и «оброчных чувальщиков». Новые мигранты из бухарцев и выходцев из Поволжья хотя и поселились преимущественно в сельской местности, частично стали с начала XVII в. оседать и в городах, что впоследствии сыграло важную роль в развитии сибирских татар. Но в целом для этого периода для сибирских татар было

характерно сохранение традиционной культуры и комплексной хозяйственной системы.

Примечания:

Основные материалы для построения экспозиции – рисунки, схемы, карты, новоделы.

Тему «Бухарцы» можно отразить через тему ярмарки. Витрины, стилизованные под торговые ряды со всевозможными украшениями (накосники «чулпы»; браслеты «белэзек»; серьги «алга»; нагрудные украшения; «амулетохранительницы» или «коранницы», украшавшиеся гравировкой, чернением, позолотой, зернью, куда вкладывался оберег – сура из Корана на арабском языке; подвески; пряжки из серебра и медных сплавов; наконечники «чулпы» из скрепленных между собой серебряных монет либо из сплошных или сканых блях, украшенных самоцветами). За условным прилавком может быть представлена восковая фигура «Бухарский купец» в традиционном костюме.

Комплекс «История ханств». На стене карта Золотой Орды. В витрине – археологические находки с памятника XIII в. Чимги-Тура. Затем витрина с археологическими находками с памятника Искер (фрагменты кольчуги, пряслице, игральные кости, наконечники стрел, ножницы, игральная бита, замок, восточное зеркальце, ручные жернова, монеты). На стене над витриной – рисунок «Реконструкция Искера», картина А. Г. Визеля «Столица Сибирского ханства – Искер».

Раздел II. Традиционные занятия и быт

Экспозицию по традиционной культуре сибирских татар предлагаем решить в интерьерном варианте.

За основу показа особенностей традиционной культуры в этом зале выбран принцип воссоздания интерьерных комплексов. Посетителю дается возможность «увидеть историю в зеркале быта» (Ю. М. Лотман). Исходя из этой задачи, необходимо воссоздать максимально приближенную к традиционному жилищу сибирских татар, атмосферу обжитого пространства, показать дом как символ «своего» в культуре, противопоставляемый

стихии природы, необжитого пространства.

Подтема 1. Жилище сибирских татар

Сибирские татары строили четырехстенные избы или пятистенные дома. Пятистенные дома сибирских татар разделялись на две половины: в первой («черный дом» – *кара өй*) – готовили пищу, во второй («белый дом» – *ак өй/кунак өй*) – принимали гостей.

Каждый жилой дом обычно имел сени. Разные группы татар называли сени по-разному: *аран, аүле, йәйлек, кәсәңкә*. У бедняков сени представляли собой плетенку, покрытую дерном, редко соломой. Встречались также сени-насыпушки. Такие сени состояли из двух рядов плетенки, между которыми насыпалась земля. В домах богатых татар сени строились из толстых бревен. Часто сени представляли собой конструктивную часть дома, строясь на продолжении бревен, составляющих стены дома. Двери в сени делались небольшие. Вход в дом всегда шел со двора. Двери открывались наружу. У входа в сени устраивались ступеньки, сбитые из досок.

В пятистенных домах устраивалось двое сеней с отдельным входом в каждую половину дома. В таких сенях всегда выгораживались кладовки. В двухэтажных домах делали сени на обоих этажах. Сени первого этажа иногда сообщались с сенями второго этажа внутренней лестницей. В двухэтажных домах устраивалась и наружная лестница в одну из половин второго этажа.

В четырехстенной отдельной избе или же в «черной» половине пятистенного дома справа или слева от двери у глухой стены стояла хлебная печь с низко поставленным отверстием шестка. Сравнительно маленького размера татарская печь не была приспособлена для лежания, как русская. Печь, а также казанлык и цувал складывались из кирпича-сырца, изготовлявшегося в каждом хозяйстве собственными силами.

Печи для хлебопечения иногда складывались и во дворе. Такие печи у ряда групп татар сохранились до наших дней, они бытовали и у пермских татар. Основанием для такой печи служит

сруб в три венца (длина бревен не превышает длины печи). Сруб накрывается бревнами или толстыми досками и на образованной таким образом, площадке складывается печь. В современных условиях внутри печи находятся металлические формы для печения хлеба. Для предохранения печи от атмосферных осадков над ней устраивается навес.

Органически связан с хлебной печью так называемый казанлык (касанлык). Это очаг, сложенный из кирпичей, поставленных «на ребро», с вмазанным в него чугунным котлом для приготовления пищи. Данная традиция характерна также для татар Волго-Уральского региона.

С давних времен неизменным атрибутом жилищ сибирских татар являлся чувал (цувал) – очаг с прямым дымоходом, распространенный среди многих тюркских и нетюркских народов. Чувал сибирских татар представлял собой печную трубу из необожженного кирпича, которая, расширяясь книзу, образует собственно очаг. Он напоминал неправильный полый конус с дугообразным отверстием (топкой) с одной стороны. Дрова в чувал ставились вертикально. Сибирские же татары свои чувалы устраивали из цельного кирпича-сырца и придавали ему определенную форму. Для того, чтобы дольше сохранить в жилище тепло от чувала, выходящая наружу труба чувала закрывалась дерном, доской, обмазанной глиной и т. п.

Пятистенные дома сибирских татар разделялись на две половины. Первая половина, в которой готовилась пища, называлась *кара өй* («черный дом»), а вторая половина – *ак өй* («белый дом»). «Белую» половину дома татары в некоторых местах Сибири называли «*кунак өй*» («гостевой дом»). С наступлением осенних холодов в каждой четырехстенной избе или в черной половине пятистенного дома устанавливалась железная печка. Труба такой железной печки также присоединялась к дымоходу хлебной печи. Железная печка быстро накалялась от огня, распространяя тепло по дому. В белой половине пятистенного дома, а также в комнатах второго этажа домов богатых татар и бухарцев, устраивались печи типа

«голландских», которые достаточно обогрели жилье.

Интерьерный комплекс «Жилище сибирских татар».

Со второй половины XIX в. жилища татар строились наподобие русских четырехстенных бревенчатых изб (дать изображения). Предлагается воссоздать традиционные национальные особенности татарского дома: малая высота, плоская земляная крыша, характерные элементы интерьера.

Эта часть экспозиции делится на две половины: «*кара өй*» («черный дом»), где готовилась пища; вторая половина – «*ак өй*» («белый дом»), здесь принимали гостей.

У стены на высоте 50-60 см от пола следует расположить нары «урынтык», служившие местом для сна, отдыха. Нары необходимо покрыть войлоком, домоткаными безворсными шерстяными коврами «урмак», или бухарскими коврами (в варианте дома зажиточных татар). На нарах будут поставлены сундуки, постелена циновка. В «белом доме» следует поместить низкий круглый обеденный стол высотой 18-20 см. Дополняют интерьер предметы домашнего обихода, различная утварь (кумганы, посуда).

С правой стороны у стены будет представлен чувал (цувал). Помещаются также: казан, подставка под котел, скамейка, лукошко из бересты, туяс, медный таз.

Стены дома украсить шамаилями, коврами.

Экспозицию могут дополнить фото и картины, изображающие традиционный быт.

Подтема 2. Кожевенное дело

Кожевенное дело является одним из древнейших видов ремесла сибирских татар, традиционно мужским занятием, начало которому в Сибири было, скорее всего, положено бухарцами. Витрина с орудиями труда кожевенного дела и изделиями (обувь для взрослых и детей, мужские и женские кожаные калоши, сапоги – *ичиги*, *ату*, специальная охотничья обувь, заготовки для обуви, футляр для пиалы). Здесь же возможно представить мужской костюм сибирских татар и бухарцев.

Подтема 3. Женские ремесла

К традиционным женским ремеслам относятся ткачество, шитье, вязание, плетение, вышивание. Сибирские татарки были большими мастерицами. В экспозиции будут представлены калфаки, сарауцы, пояса, элементы или макет ткацкого станка и т. д.

Подтема 4. Свадебный обряд

Показ традиционной культуры через призму обрядов жизненного цикла является наиболее привлекательным. Создание условно-сценического комплекса «Свадьба» позволит оживить экспозиционную подачу материала. Здесь же возможно представить женский праздничный костюм сибирской татарки (шелковое платье с длинными рукавами, глухим воротом и широким подолом украшенное оборками, лентами, бахромой; камзол, сарауц, шаль, сафьяновые сапоги). Можно озвучивать традиционные свадебные песни («Яр-Яр» и др.).

Подтема 5. Традиционный быт и утварь

Традиционное убранство жилищ сибирских татар составляли разнообразные тканевые украшения, имевшие утилитарное и художественное значение. В их число входили занавесы, пологи, подзоры, полотенца, скатерти и т. д. Занавеску *коргыц*, *царшау* вешали обычно вдоль нар, иногда кроватей, двери – *ишек коргыц*, входа в запечье – *миц коргыц*. Это очень похоже на интерьерные оформление жилищ татар Поволжья и Приуралья.

Широко использовались циновки *еган*, сплетенные из мягкой разновидности камыша, тканые дорожки из отходов конопли, шерсти, тряпичных полосок *турап*, *палас*, *келам*, белые войлоки *ак киез*, привозные среднеазиатские ковры. Безворсовые ковры *аламыш* ткали сами.

В некоторых домах на стенах под стеклом висели «шамайлы» (изречения из Корана). Скорее всего данная традиция была привнесена татарами-переселенцами из Европейской части России.

Неотъемлемой частью интерьера четырехстенного дома

или «черной» половины пятистенного был низкий, круглый обеденный стол высотой 18-20 см, диаметром 90-100 см. За едой вся семья садилась вокруг стола, подогнув ноги под себя. На почетном месте (*түр баи*) садился глава семьи или старший по возрасту, а справа от него располагались остальные члены семьи, в зависимости от возраста и положения, занимаемого в семье.

Подтема 6. Средства передвижения

К средствам передвижения сибирских татар относились: сани, телеги, конская упряжь, лыжи, лодки и др.

Тюрки Сибири издавна использовали для верховой езды лошадь. Об этом свидетельствуют многочисленные находки стремян в погребениях. Кроме того, лошадь использовалась сибирскими татарами для несения военной службы. Верховая езда использовалась в пастушеском занятии, при срочных поездках в соседние города и села. В некоторых деревнях верхом на лошади проверяли охотничьи капканы и ловушки, охотились на волков.

К приходу русских у местного тюрко-татарского населения имелись и нарты.

Основным средством передвижения у тюрков зимой издавна были лыжи. Лыжи являлись незаменимыми в условиях таежной и лесостепной полосы.

Скользкие лыжи сибирских татар (цанга, цаңгы) делились на подволоки (подшитые мехом) – для передвижения зимой по глубокому рыхлому снегу и голицы – для хождения весной по твердому насту.

Летом в качестве средства передвижения широко использовались лодки (*кеме, кимә*). В XVII веке сибирское аборигенное население изготовляло лодки из бересты. В прошлом берестяные лодки были широко распространены в Западной Сибири, в том числе и у сибирских татар. Основным типом лодки у сибирских татар была долбленка, изготовлением которой они занимались еще до прихода русских. В некоторых деревнях имелись свои мастера по изготовлению лодок.

Подтема 7. Распространение образования среди сибирских татар

До революции 1917 г. татарские дети получали начальное образование в мектебе, существовавшие практически в каждом селе. Продолжение образования происходило в средних учебных заведениях, роль которых выполняли медресе. В середине XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 148 магометанских мечетей, в Томской – 36. Ислам сыграл важную роль в просвещении сибирских татар. «Мектебе и медресе, как учреждения, пустившие глубокие корни на мусульманской почве и выросшие в нее имеют важный авторитет у мусульман, пользуются их симпатией и доверием и освещены вековыми традициями», – писалось в источниках.

По результатам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. уровень грамотности у татар Тобольской губернии в процентном соотношении оказался значительно выше чем у русского населения. При этом образовательная функция полностью принадлежала мусульманскому духовенству держалось за счет средств самого населения.

Заметный вклад в историю развития культуры и просвещения своего народа внесли А. Маметов, Н. Атнометов, М. Юмачиков, С. Зайнитдинов, Н. Сайдуков, Г. Ибрагимов и многие другие выходцы из сибирских татар.

Мектебе – это начальные мусульманские школы. Они в Сибири существовали практически при каждой мечети. Учителем (мугаллимом) числился в мектебе местный имам, но практически обучал детей хальфа. Типичный хальфа в мектебе – это недоучившийся в медресе старый шакирд, обычно не имевший педагогической подготовки.

За обучение детей в мектебе как имам, так и хальфа заработную плату не получали. Родители за обучение своих детей вносили натуральную плату (зерно, мясо, масло и т. д.).

Мектебе располагались в небольших домиках, приобретенных в большинстве своем на общественные средства. Такие дома служили также общежитием для учеников,

приезжавших учиться из других селений.

Классов, определенных предметов в таких мектебе не существовало. Не были также установлены сроки обучения. Учащиеся занимались сидя на полу. Начинаящего ученика знакомили с арабскими буквами, а затем проходила «основная часть обучения» – чтение религиозных книг. Чтение сводилось к механической зубрежке долгое время совершенно непонятных текстов арабских книг религиозного содержания.

Коран считался обязательным учебником в мектебе. Он изучался на всем протяжении пребывания ученика в школе.

Так, уже на первом году обучения, после ознакомления с арабским алфавитом, учащемуся давали одну суру (главу) Корана – «Ясин». На втором году обучения ученику предлагалась 1/7 часть Корана – «Эфтиек». На третий и четвертый год ученик пробовал свои силы в чтении Корана в целом. От ученика требовалось не менее двух лет обучения, от него добивались, чтобы он мог бегло читать Коран и выучить наизусть отдельные его главы. В мектебе практиковались также упражнения в письме. Причем письменные задания сводились к переписыванию книг, песен, обычно, религиозного содержания.

Таким образом, учащийся, нормально успевающий, находился в мектебе около 5 лет.

Посещали мектебе только мальчики, а девочки учились обычно у жены муллы (муллины). Занятия проводились по той же программе, что и у мальчиков. Отличием являлось то, что девочки практически не упражнялись в письме.

Мектебе в бухарских селениях существовали издавна. В центре мусульманского просвещения в Западной Сибири, в бухарском селе Ембаево, в первой половине XIX в. находились несколько мектебе, в которых обучались дети бухарцев и татар.

В журнале «Шура» приводятся сведения о том, что в 40-50-х гг. XIX в. учителями в Ембаево были представители местного духовенства из бухарцев – мулла Мухаммедрахим, ахун Ибрагим, мулла Хамидулла Сагидов, мулла Баки.

Медресе – это средние или высшие мусульманские учебные

заведения. Возникли они в Сибири в середине XIX в. Медресе, как и мектебе, находились при мечети. Открывали их в городах или в крупных населенных пунктах, где были богатые торговые бухарцы, которые обычно содержали медресе на свои средства.

Мударриссами (лекторами) в медресе в основном были муллы – выпускники среднеазиатских, и, прежде всего, бухарских медресе. Как питомцы среднеазиатских медресе мударриссы старались насаждать те же приемы и методы обучения, которые существовали в бухарских медресе. В медресе поступали ученики, которые окончили мектебе.

Поступивший в медресе ученик получал книгу «Шерх-абдулла», в которой излагалась этимология арабского языка. Ее изучение представляло первую ступень обучения. На 2-м и 3-м годах обучения в медресе изучался арабский синтаксис. На четвертом году шакирд начинал изучать науки логику (*мантыйк*) и философию (*хикмат*).

В медресе особое внимание уделялось изучению законоположений ислама, таких как «гибадат», «мугалямат» и «губакат». Гибадат включал в себя обязанности мусульман по отношению к Всевышнему. Мугалямат рассматривал всевозможные отношения между людьми (мусульманами), как, например, бракоразводные дела, продажа и покупка, свидетельства и т. д.

Срок обучения в медресе составлял 7 лет. Однако те, кто планировал посвятить свою дальнейшую жизнь духовной деятельности, оставались там иногда и до 20 лет.

В 1841 г. торговый бухарец Абдулниязов открыл в бухарском селе Ембаево медресе. В 1871 г. это медресе было перестроено на средства купцов Сейдуковых. Ембаевское медресе получило широкую известность в Западной Сибири. В ней обучались бухарцы и татары из разных районов Сибири. Мударриссы готовились в Бухаре на средства Нигматуллы Сейдукова и других богатых бухарцев.

По словам редактора журнала «Шура», будущего муфтия Р. Фахретдинова, в медресе Сейдуковых раньше, чем в других

мусульманских школах ряда других мест Российской империи, был применен новый прогрессивный звуковой метод обучения (ысул джадид). С 1890 г. в медресе Ембаева и Тураева обучение шакирдов проводилось по новому методу. По сведениям С. Патканова, в 1897 г. в медресе Ембаевском и Тураевском числилось 105 учащихся, по данным журнала «Шура» в 1913 г. в указанных медресе постоянно находились уже до 300 шакирдов.

Преподавателями в Ембаевском и Тураевском медресе были прогрессивно настроенные люди. Такими являлись, например, мугалиммы медресе ю. Ембаевских (в 1901 г.) бухарцы Мухаммед-Юсуф Сагитов, получивший образование в Бухаре и в Казани, Файзулла Абдуллоев, выучившийся в Троицком медресе.

Н. Сейдуков особое значение придавал изучению шакирдами русского языка. Он сам лично изучал русский язык, регулярно читал газеты и книги на русском языке. Он был страстным собирателем редких и ценных книг, постоянно пополнял ими библиотеку медресе, расположенную внутри двухэтажной каменной мечети (Мечеть эта была также построена на средства Сейдукова между 1884 по 1887 гг. В библиотеке медресе насчитывалось более 2200 томов рукописных и печатных книг. Среди рукописей встречались старинные, уникальные издания, исторические памятники. Многие редкие книги были выписаны Сейдуковым из Бухары и Туркестана, а также привезены им из разных арабских стран во время его поездки в хадж в 1880 г. Будучи бухарцем, Нигматулла Сайдуков проявляет большой интерес к изучению истории сибирских бухарцев, а также изучению роли и места Бухары, Маверранахара в развитии различных наук.

Шакирдам своего медресе, перешедшим на последний курс (7-й год обучения), Сейдуков выдавал в порядке поощрения по 10 рублей. Наиболее способных выпускников медресе он посылал учиться в Мекку, Бухару, Египет, Стамбул и Казань. Многие шакирды на средства Сейдукова обучались в медресе Кашгара, Троицка, Стерлитамака и других городов.

На средства же Сейдукова в Ембаево было построено и женское медресе.

Встречались и другие меценаты из сибирских бухарцев, поддерживавшие исламское образование и учебные заведения. Это были, к примеру, тарские купцы Айтикины, семипалатинские и тюменские купцы Мирсалимовы.

Подтема 8. Одежда и украшения

Сибирско-татарский народный костюм представляет уникальный комплекс, который включает многослойный ансамбль одежды, головных уборов, обуви и высокохудожественных ювелирных украшений.

Сибирские татары сохраняли свою традиционную одежду в основном до середины XIX в. В народном костюме, в одежде и украшениях сибирских татар отчетливо прослеживаются их этнокультурные связи с другими народами. Заимствованные элементы впоследствии стали органической составной частью традиционной культуры татар региона. В одежде каждой из групп сибирских татар наблюдались некоторые особенности, связанные с естественно-географическими условиями районов обитания отдельных групп, а также с историческими контактами татарского населения данного района с другими народами.

Одежду женщины шили в основном дома, обеспечивая ею всю семью. Были в селениях и искусные швеи – *оста*, к которым обращались в случае необходимости для изготовления праздничной одежды. До появления швейных машинок татарки мужскую, женскую и детскую одежду шили вручную, соблюдая национальные традиции и учитывая половозрастные особенности людей. Качество материала, из которого шили одежду, зависело от социального положения и состоятельности семьи.

Сибирские татары издавна шили свои одежды из материалов, сотканных из овечьей шерсти на собственных ткацких станках, а также из тканей, привезенных торговыми бухарцами из Средней Азии, Китая. Татарами также часто использовался холст, который приобретался у окружающего русского населения. С конца XIX в. в некоторых местах татары

стали производить холст и сами, широко начали использовать ткани фабричного производства.

Основу мужского и женского традиционного костюма составляют рубаха – *көйләк/күлмәк* и штаны – *ыштан*, которые шились из сравнительно легких тканей.

Вплоть до середины XIX в. древняя туникообразная рубаха (из прямого, перегнутого поперек полотнища, без шва на плечах, с ластовицами, с широкими вставными боковыми клиньями, с центральным грудным разрезом) была общераспространенной. Женская туникообразная рубаха идентична мужской, что вообще характерно для древних форм одежды. Женские рубахи шились длинными, практически до щиколоток.

Основным элементом мужской верхней одежды всех социальных слоев татар служил камзол (*камсул*). Шили его обычно из сукна в талию, длиной чуть ниже колен. Он был однобортным со стоячим воротником и застегивался на 5-6 пуговиц. Петли камзола прометывались. Камзол шили на подкладке (*астар*), но не подстегивали. По бокам прорезали карманы. Среди тюменских татар в дореволюционный период был распространен камсул с короткими (до локтя) рукавами (*терсәк энг камсул*). Тобольские татары называли камсулы *бишмәт*.

У богатых татар воротник теплого (стеганного на вате) бишмета и его левая пола до пояса имели опушку из бобра, мерлушки или котика. Праздничные бишметы богатыми татарами шились из парчи различных сортов, а также других материалов, но всегда светлых тонов.

Во время полевых работ поверх рубашки и штанов из холста татары носили легкую одежду шабур (*шабыр*), сшитую также из холста. Шабур по крою был почти такой же, как татарский камзол. Он шился с прямой спиной, длиной ниже колен и со стоячим воротником, застегивался также, как и камзол, на 4-5 пуговиц. Этот вид шабура татары считали традиционным национальным видом одежды, хотя он встречался у некоторых народов Саяно-Алтая, у татар Волго-Уральского региона.

Татары хорошо владели технологией обработки шерсти,

изготовления материала и способами шитья различных видов одежды. Из шерсти они ткали материал для изготовления такой повседневной традиционной одежды, как сукмэн (*цикмэн*). Шили сукмэн вручную. По форме он напоминал камзол, но был длиннее его, шился в талию, со стоячим воротником, подола были несколько расширены. Застегивался сукмэн в левую сторону на 4-5 пуговиц, сделанных из толстой подошвенной кожи. С конца XIX в. к сукмэну начали пришивать металлические пуговицы. Петли делались пришивные из ткани или мягкой кожи. Сукмэн при ношении подпоясывался кушаком, изготовленным также из шерсти.

Сукмэн тюменских татар отличался от сукмэна тарских тем, что воротник его часто делался шалью и из сукна темных тонов (черного, чаще коричневого). Среди тюменских татар был в прошлом распространен также чикмэн (*цикмэн*) – разновидность сукмэна. Чикмэн шился из грубошерстного материала и был рассчитан на ношение в холодное время года. Воротник чикмэна делали шалевым из того же материала. Точно такой же вид одежды имелся и у волго-уральских татар.

Всю верхнюю теплую одежду (стеганые мужское и женское пальто, меховые шубы, тулупы и т. п.) татары называли общим названием «*тун*». Термин «*тун*» всегда употреблялся вместе с названием материала, из которого шили тот или другой вид теплой одежды, например, лисья шуба (*төлге тун*), полушубок (*тире тун*) и т. д.

Наиболее распространенным видом традиционной татарской мужской верхней одежды вплоть до 30-х гг. XX в. было прямоспинное, стеганное на вате пальто со стоячим воротником. Воротник его иногда имел меховую опушку. Такую одежду тарские татары называли *тирәңә*, а тобольские и тюменские – *көртә*. В XIX – начале XX вв. среди татар широкое распространение получили длинная шуба и полушубок из овчины. Такие шубы обычно шились без воротника, застегивались они на 4-5 пуговиц и подпоясывались поясом (*пильбау*). По сведениям И. Н. Юшкова, относящимся к 60-м годам XIX века, шубы из овчины татарами

крылись сукном, нанкой.

Свои опояски татары делали из бумажных тканей или изготавливали из шерсти на ткацком станке. В праздники они иногда надевали на бишмэт широкий кожаный пояс, украшенный металлическими бляхами и широкой медной или бронзовой пряжкой.

Богатые татары, купцы-бухарцы, а также муллы крупных мечетей, носили шубы на лисьем или волчьем мехе. Среди зажиточных социальных слоев были распространены также шубы из шкур, снятых с лапок (*нычкак*, *поцгак*) лисиц и других зверьков. Такие шубы татарами назывались *поцгак тун*.

Зимой во время дальних поездок татары поверх *пирэцә* (*көртә*) или полущубка надевали овчинный тулуп (*оллы тун*). Тулупы шились также из собачьих или козьих шкур (*яга*) шерстью наружу. Богатые татары носили тулупы из волчьих шкур, крытые сукном. К теплой мужской одежде относились шаровары из овчины (*тире цалбар*, *күммә*).

Праздничная мужская одежда татар состояла из тех же видов, но шилась она из более дорогих сортов тканей и по моде. Хотя качество материалов для изготовления праздничной и повседневной одежды зависело, прежде всего, от достатка семьи.

Праздничной мужской одеждой всех групп татар-мусульман был легкий среднеазиатский халат (*яктә*, *чапан*). Богатые татары и представители духовенства иногда шили свои халаты из парчи или других дорогих тканей, а бедные – из тика, нанки. Именно об этой одежде тобольских татар писал И. Н. Юшков, говоря, что поверх бешмета надевается обыкновенный халат с широкими пазухами. Татары среднего и старшего возрастов в дореволюционные годы надевали халаты при посещении мечети, во время религиозных праздников.

Сибирские татарки в качестве праздничных носили платья с оборками (*пөрмә*). Оборки нашивались на платье (*көйләк*) в различных местах и в разном количестве. На праздничных платьях пожилых женщин по подолу делались мелкие складки в несколько рядов. Иногда вокруг подола светлого шелкового

платья нашивали ленту из шелка темных тонов шириной 4-5 см, цвет такой ленты подбирался в зависимости от цвета платья.

Поверх рубашки женщины надевали камзол *камсул*. Женский камзол имел покрой, аналогичный с мужским. Он отличался лишь тем, что расширения к подолу было больше, чем в мужском. Женский камзол большей частью шился с рукавами, с прямым стоячим воротником, застегивался он на 4-5 пуговиц, но татарки часто носили и камзолы-безрукавки (*йеңсес камсул*). Пожилые женщины обычно носили камзолы длиной ниже колен, молодежь носила камзолы несколько короче. Камзол – одежда, которую татарки носили постоянно. Встречались камзолы с легким подкладом, иногда стеганые и меховые. Шились они из различных материалов, начиная с нанки и кончая шелком, атласом и бархатом. Этот вид одежды широко бытовал и у других групп татар Волго-Уральского региона.

Праздничные камзолы с открытой грудью у богатых татарок шились и из дорогих тканей. Воротник, полы и концы рукавов таких камзолов опушались мехом. До середины XIX в. татарки носили стеганые халаты (*чапан*) среднеазиатского типа. Но со второй половины XIX в. эти халаты начинают вытесняться прямоспинными стегаными пальто (*пирэцэ*) со стоячим воротником.

Царык – это кожаная обувь с мягкими подошвами и голенищами, доходившими до колен характерен именно для сибирских татар. Похожая обувь имелась и у пермских татар.

Среди тюменских татарок имела широкое распространение женская обувь под названием *царык баш* (букв. – головка *царыка*). Эта обувь представляла собой тот же *царык*, но без голенищ.

Сибирские татары и бухарцы региона издавна носили ичиги (*ату*), полусапожки, шитые из бараньей или козлиной кожи, с мягкой подошвой. Поверх ату как мужчины, так и женщины надевали кожаную обувь *кенкэ*. Сибирско-татарская *кенкэ* — это головки кожаных сапог на твердой подошве. *Кенки* в XIX в. были известны и у русских.

Зимнюю мужскую и женскую обувь у татар составляли

валенки (*пойма*). Старики обоего пола, представители духовенства зимой носили валяные калоши (*кулаша пойма*), представлявшие собой головки больших валенок с низкими голенищами. Таковую обувь надевали также поверх ичигов (*ату*) или шерстяных носков. В холодное время татары носили рукавицы (*эцмак, миэлэй, пиэлэй*). Они вязались из овечьей шерсти и обычно обшивались холстом, кожей. Широко бытовали среди татар также меховые рукавицы (*тышмак, тире пиэлэй*) из бараньей, козлиной шкур, мехом внутрь. Иногда делались рукавицы из собачьей шкуры («мохнатки»), шерстью наружу. Девушки и молодые женщины в дореволюционное время часто носили перчатки из козьего пуха.

Основным мужским головным убором сибирских татар, как и казанских татар-мусульман, была тюбетейка. У казанских татар в дореволюционный период употреблялись два основных вида тюбетеек: *такья*, представлявшая собой полусферу, и *каләнүш* – низкий усеченный конус с плоским верхом, при долгом ношении превращавшийся также в полусферу. Сибирские татары называли эти два вида тюбетеек *кабэц* и *такья*.

Второй вид тюбетеек сибирские татары изготавливали, как правило, из бархата темных тонов (черного или темно-синего). Такой *кабэц* считался праздничным, его татары надевали по большим религиозным праздникам, а также во время семейных торжеств. Состоятельные люди и учителя второй вид тюбетейки носили постоянно.

По сведениям И. Н. Юшкова, в XIX в. тобольские и тюменские татары носили войлочные шляпы (*киес такья*), также типичные для казахов и узбеков конические шапки, которые были вытеснены опушенными мехом полусферическими шапками. А зимой татары носили шапку-ушанку.

Полусферическая шапка, опушенная мехом, татарами называлась *кама бурек*, букв. – «шапка из выдры». В прошлом такие шапки опушались мехом выдры (*кама*). Полусферическая шапка в прошлом широко употреблялась и казанскими татарами.

Основным женским головным убором служил платок. Татарки никогда не выходили на улицу с непокрытой головой.

Платки русского фабричного производства приобретались ими у торговцев. Небогатые женщины носили дешевые ситцевые платки теплых тонов. В холодное время женщины и девушки поверх легкого платка покрывали голову байковой или шерстяной шалью (*калын шэл*) фабричного производства, обычно коричневого или серого цвета, носили также шерстяные и пуховые шали собственной ручной вязки. Часто татарки поверх головного платка носили шапки с несколько суженной тульей с более широким меховым околышем, чем у мужских. Бывало, что замужние женщины на голову надевали вместо платка шапку, а сверху завязывались платком.

К женским праздничным головным уборам сибирских татарок относились также *калвак*, *калфак* и *сарауц*, бытовавшие среди всех групп сибирских татар до начала XX в. Калфак считается традиционным женским головным убором казанских татарок, который был видимо заимствован сибирскими татарами в середине XIX столетия и получил среди них широкое распространение. В дореволюционный период калфаки поступали в Сибирь из Казани и Оренбурга, а также изготавливались самими сибирскими татарками.

Другой вид женского головного убора сибирских татарок – *сарауц*. Сарауц – праздничный головной убор замужних женщин, напоминающий диадему. Это – традиционный головной убор сибирских татарок. Однако, аналогичный головной убор имелся и у татар-мишарей, а также у сибирских татар.

Украшения сибирских татарок были аналогичны украшениям казанских татарок, но имели и свои особенности. К украшениям относились различного рода орнаменты на обуви, вышивки на поверхности головных уборов и одежды. Материалами для украшений служили металл, камень, ткань. Сибирско-татарские украшения носили обобщенное название *шай*, происходящий от арабско-персидского слова «шэй» (вещь, предмет).

К ювелирным украшениям относились браслеты (*белалек*). Наиболее распространенным типом браслета был сплошной,

сделанный из одной пластинки. Браслеты носили женщины всех социальных слоев. Изготавливались они в основном из низкопробного серебра. Ширина браслетов достигала 2-3 см. К этой категории украшений относились также медные, серебряные и позолоченные кольца.

К женским украшениям относились наконечники чулпы из просверленных серебряных монет, разнообразные серьги (*сырга, алга*), ожерелья (*муенцак, мэрцэн*). Степень ценности украшений зависела от социального положения женщин. Так, женщины и девушки из богатых семей, носили браслеты, кольца из серебра (редко золота) высоких проб, серебряные перстни с драгоценными камнями, дорогие серьги, жемчужные ожерелья, тогда как женщины и девушки из бедных семей носили браслеты и кольца из меди, дешевые серьги, в качестве шейного украшения – бусы, нанизанные на нитку разноцветные стеклянные шарики разной величины.

В некоторых музеях г. Тобольска имеется богатейшая коллекция серебряных украшений сибирских татар.

Раздел III. Сибирские татары в XX-XXI вв.

Тема 1. Историческое развитие татар Западной Сибири в XX в.

К началу XX в. у татар Западной Сибири сформировалась небольшая группа буржуазии и купечества. Со второй половины XIX в. происходит рост городского населения, который особенно усилился в первой половине XX в. Начало XX в., связанное с развитием экономических и социально-политических процессов, бурными революционными событиями, отразилось на татарском населении. Татары региона в начале века активно включились в общий поток тюрко-мусульманского движения. Деятельность Г. Ибрагимова.

После того, как улеглись потрясения революционных событий, гражданской войны, татарское население активно участвует в процессах коллективизации и индустриализации.

С установлением советской власти идеология и содержание просвещения татар кардинально изменились:

была создана единая трудовая светская школа, начата подготовка национальных педагогических кадров (педагогические училища в Тюмени, Тобольске). Большую роль в татарском образовании в советский период оказали выпускники казанских вузов, направлявшиеся в татарские школы Западной Сибири. Известные педагоги: И. Б. Гарифуллин, Д. А. Массажутова, К. М. Муратов, А. Г. Гаитов, Н. З. и С. К. Маметовы, Г. А. Калиева, Ф. Г. Гали-Акберова, Я. К. Занкиев, С. А. Садыков и др. Периодическая печать на татарском языке. Участие татар в ВОВ. Татары – Герои Советского Союза.

Тема 2. Историческое развитие татар Западной Сибири в конце XX - начале XXI в.

В конце XX в. в условиях начавшихся в стране демократических преобразований и политических реформ у татар Тюменской области происходит рост национального движения. Создаются общественные организации, главными целями которых было сохранение и развитие традиционной культуры и родного языка, народных обычаев и традиций, историко-культурного наследия. Большинство организаций активно сотрудничают с другими татарскими организациями страны и мира.

В результате этих процессов происходит развитие национальной самодеятельности, возрождение традиционных праздников – Сабантуй, Амаль и др., создание новых – «Искерджиен» и др., создание центров татарской культуры в гг. Тобольске и Тюмени, издание СМИ на татарском языке, открытие русско-татарских отделений в вузах и сузах, формирование научных кадров, строительство мечетей в городах и селах и т.д.

Тема 3. Известные персоналии из среды татарского населения региона

В данном разделе предполагается осветить жизнь и деятельность известных деятелей культуры, науки, экономики, образования из среды татар Тюменской области.

Поэты и писатели: Я. К. Занкиев, Б. В. Сулейманов,

Г. Т. Абайдуллина, Г. Х. Абдрахманова и др.

Художники: И. Хабисов, А. и Д. Муратовы, М. Кульмаметов, Э. Тушаков, М. Боцман, А. Мухаметова и др.

Деятели культуры: З. Арангулова, Н. Хакимова, Г. Гумеров и др.

Деятели науки: Ф. Т. Валеев, С. М. Исхакова, Х. Ч. Алишина, Д. Г. Тумашева и др.

Программа деятельности и развития

Главными принципами построения экспозиций являются принципы научности, историзма, наглядности, избирательности музейного показа, предметности.

Научность: Экспозиции планируется построить на основе современных достижений науки по истории и этнологии.

Историзм: Использование хронологического принципа при построении структуры экспозиций.

В экспозициях максимально полно должна быть представлена этническая история народа.

Оригинальность. В отличие от большинства музеев, строящих экспозиции на основе монографического принципа, при создании данного музея предполагается использование образно-сюжетного метода, который создает экспозиционно-художественную модель времени и мира. Особенно актуален данный метод при создании этнографического музея. Музейная экспозиция воспринимается как художественная модель определенного исторического процесса (явления, события), призванная выразить его суть, используя специфические музейные средства и жанровые формы.

Главная цель – открыть для посетителя пространство традиционной культуры сибирских татар, в целом татарского населения региона.

Основные задачи:

Просветительская: познакомить посетителя с традиционной культурой сибирских татар. Предполагается широкая популяризация традиционной культуры народа (издание брошюр, альбомов, разработка и проведение занятий,

лекций и пр.)

Воспитательная. В связи с тем, что, национальный вопрос является одним из важнейших в современном мире, музей призван воспитывать дух уважения к каждому народу, терпимость и толерантность. Следует показать уникальность и неповторимость традиционной культуры татарского населения, побудить интерес к познанию собственной культуры.

1. Научно-исследовательская:

В качестве научно-исследовательского, научно-методического, информационно-регулирующего центра данный музей призван обеспечить следующие направления деятельности:

1. Координация научных исследований:

– разработка научно-исследовательских программ по широкому спектру проблем развития и деятельности музейного комплекса;

– проведение исследовательских – экспедиционных этнографических работ;

– организация научно-практических конференций;

– подготовка к публикации печатных изданий (музейных тематических альбомов, каталогов, сборников исследовательских работ).

2. Экспозиционно-выставочная работа:

– координация деятельности объектов музейного комплекса и музеев округа по использованию фондов для постоянных и передвижных выставок;

– оказание методической и практической помощи местным музеям в создании экспозиций, рецензирование документов, связанных с экспозиционной работой;

– создание на базе музейного комплекса передвижных выставок;

– осуществление обмена выставками;

– проведение на базе музея семинаров, мастер-классов и т. д.

3. Фондовая работа:

– разработка единой формы учета (учетно-фондовой документации);

- создание универсальной компьютерной программы по учету и обработке фондов, включение в единую базу данных по фондовым коллекциям области;
- составление общей программы по комплектованию коллекций;
- подготовка программы реставрации;
- осуществление контроля за соблюдением норм и условий хранения фондовых коллекций;
- проведение семинаров по организации фондовой работы, организация повышения квалификации музейных работников.

4. Сохранение и использование историко-культурного и природного наследия:

- разработка схемы туристических маршрутов и отработка деятельностной модели организации туризма (на объектах музейного комплекса);
- разработка и осуществление программы детского этнографического образования;
- Подготовка каталогов по коллекциям;
- Сбор информации и экспонатов. Организация ежегодных экспедиций.

5. Культурно-образовательная:

- разработка и подготовка учебных программ по историческому краеведению (с этнографическим уклоном) для школ и учебных заведений города и региона;
- разработка циклов лекций и экскурсий;
- оказание методической помощи в организации муниципальных, районных и школьных этнографических музеев;
- создание кружков, этнологических клубов;
- организация работы по возрождению традиционных народных промыслов.

Краткий социально-демографический анализ посетителей

Музеи должны быть ориентированы на посетителя разного уровня. Основной контингент составляют дети. Одной из важнейших задач музеев является воспитательная.

Для привлечения большего интереса у детей будут широко использоваться различные технические приемы, методы театрализации, интерактивные зоны, кино- и видеofilмы, компьютерные программы и т. д. Предполагается разработать многоуровневые образовательные программы по истории и этнографии татар через использование широкого диапазона форм работы с дошкольниками и школьниками. Это могут быть кружки, отдельные занятия, клубы.

Музейные экспозиции могут быть интересны и привлекательны также и для взрослого населения. В условиях урбанизации необходимой потребностью становится знакомство с традиционной культурой, ибо лежащие в основе национальной культуры мировоззренческие идеалы, духовные ценности и традиции являются наиболее устойчивыми к внешним воздействиям и социальным катаклизмам базисными элементами жизни, составляющими ее глубинную константу.

Особое внимание должно уделяться компьютерному оснащению экспозиций. В зале необходимо установить компьютеры – виртуальные интерактивные зоны. В них должна содержаться многоплановая информация: игры (как развлекательные, так и познавательные), пояснения, путеводители, каталоги, информационный справочник и пр.

Следует предусмотреть наличие видеомониторов в залах для демонстрации фильмов по истории и этнографии татар Сибири.

Сочетание научно-исследовательской и научно-методической функций предполагает взаимодействие с общественными национальными организациями (Центры национальных культур, сибирско-татарской культуры, национально-культурные автономии), с аналогичными организациями в округах ЯНАО и ХМАО, Республике Татарстан, академическими, административными, образовательными учреждениями.

Проекты музеефикации необходимо осуществлять

с учетом программы развития межрегионального и международного туризма. Необходимо также учесть программу развития туризма в Тюменской области и опыт создания туристских маршрутов в российских регионах, в том числе и включение в маршруты этнического, культурно-познавательного и других видов туризма.

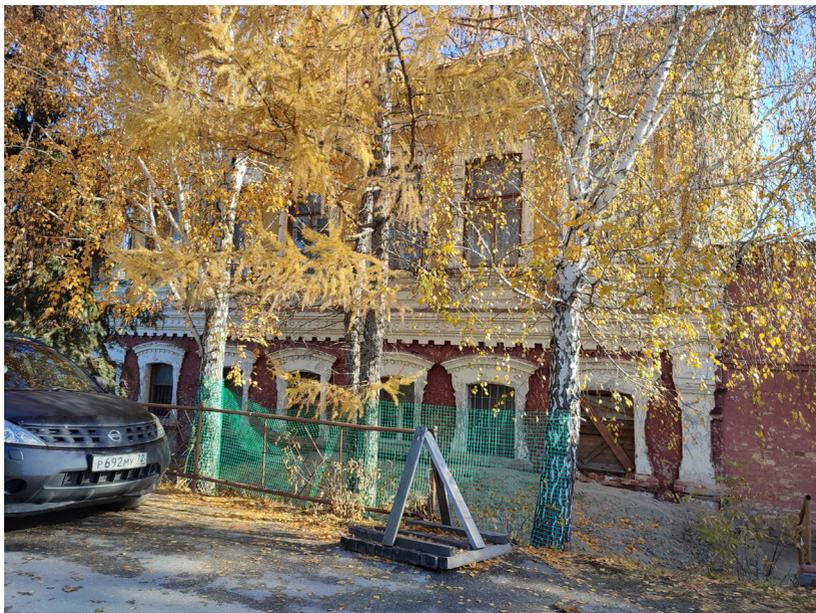

Фото 1. Тюмень. Ул. Береговая, 19. Здание реставрируется для размещения Музейно-просветительского центра «Чимги-Тура»

Фото 2. Тобольск. Ул. Пушкина, 33. В этом здании предлагается разместить Музей истории и этнографии сибирских татар

Список источников и литературы

1. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. 223 с.
2. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. II. Иркутск: Крайгиз, 1936. 152 с.
3. Атласи Х. М. История Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 110 с.
4. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 49–85.
5. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. С. 153–175.
6. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков: Типография губернского правления, 1889. 345 с.
7. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 151 с.
8. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.
9. Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири. История и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.
10. Гафурова З. А. Типы хозяйства сибирских татар Нижнего Прииртышья // Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск, 1991. С. 108–117.
11. Гарифуллин И. Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. Тюмень, 1996. 66 с.
12. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Т. 2. СПб., 1776. 178 с.
13. Головнев А. В. Об этнической истории сибирских

татар //Сибирские татары: история и современность (материалы научно-практической конференции 17-18 июня 1990 г.) под ред. Головнева А. В. Тобольск, 1990. С. 19–23.

14. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ, н. с. Т. 55. М., 1960. 662 с.

15. Зияев Х. З. Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968. 73 с.

16. Зыков А. П. Искер – забытая столица Сибири // Родина. Спец. выпуск «Тобольск – живая былина». 2004. С. 12–16.

17. Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) // автор-составитель Гарифуллин И. Б., ред. Ярков А. П. Тюмень, 2004. 172 с.

18. История и культура татар Западной Сибири // Колл. монография. Казань, 2015. 728 с.

19. История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старшекласников общеобразовательных школ. Казань, 2014. 440 с.

20. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. 196 с.

21. Катанов Н. Ф. Предания Тобольских татар о Кучуме и Ермаке // ЕТГМ. Вып. V. 1895-1896. Тобольск, 1896. С. 1–12.

22. Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // ЕТГМ. Вып. VII. Тобольск. С. 51-75.

23. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея) // ЕТГМ. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 11–28.

24. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1937. 684 с.

25. Рахимов Р. Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006. 77 с.

26. Ремезов С. У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVII в. Кн. 2. М., 1989. 704 с.

27. Смирнова Е. Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Межведомственный сборник научных статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 201–218.
28. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
29. Татары // ред. Уразманова Р. К., Чешко С. В. М.: Наука, 2001. 583 с.
30. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 270 с.
31. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: «Фэн». 288 с.
32. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032-1882 гг.). Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. 778 с.
33. Халиков Н. А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары/ сб. статей под ред. Сусловой С. В. Казань, 2002. С. 59–85.
34. Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Под ред. Томилова Н. А., Селезнева А. Г. Новосибирск, 1999.
35. Юшков И. Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.
36. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

Сокращения

- АН СССР – Академия наук СССР
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БашГУ – Башкирский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
З-В – запад-восток
КРС – крупный рогатый скот
МРС – мелкий рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КЧР – Карачаево-Черкесская Республика
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОмГУ – Омский государственный университет
ОГКУ ГАТО – Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области»
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РТОО «Наследие» по Тюменской области – Региональная татарская общественная организация «Наследие» по Тюменской области
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТГПИ им. Д. И. Менделеева – Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
САИ – Свод археологических источников
СА – Советская археология

Научное издание

**Сибирский
сборник**

Выпуск 6

Под редакцией
З. А. Тычинских

Верстка В. Л. Евсикова
Дизайн обложки Е. П. Загваздин

ISBN 978-5-6046291-4-7

9 785604 629147

Подписано в печать 08.02.2022
Формат 60x84 1/16 Усл. печ. л. 9.53
Заказ № 386 Тираж 300 экз

Отпечатано в ИП Жмуров С. В.
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Тел. (3456) 22-59-29